

M 234

295

мн
64018

М $\frac{234}{295}$

Э К С П Е Д И Ц И Я

НА СВЕРЬ О-ва САХАЛИНА

для санитарныхъ мѣропріятій среди инородцевъ и попутнаго сбора статистико-экономическаго матеріала о нихъ, командированная Всеннымъ Губернаторомъ острова лѣтомъ 1908-го года

Докладъ о дѣйствіяхъ экспедиціи начальника ея,
врача Коллежскаго Совѣтника ШТЕЙГМАНА.

2007059338

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Получивъ 2-го Іюня настоящаго года предложеніе Его Превосходительства, не пожелаю ли отправиться во главѣ небольшой экспедиціи на сѣверъ острова съ цѣлю пріпятія санитарныхъ мѣръ среди инородческаго населенія, по имѣвшимся свѣдѣніямъ сильно пострадавшаго въ минувшія зиму и весну отъ опустошительной эпидеміи оспы, а равно и для выясненія санитарныхъ и экономическихъ его нуждъ, притомъ при условіи сердечно (т. е. добросовѣстно) отнестись къ возлагаемому порученію, я охотно изъявилъ на это свою готовность; мнѣ даѣнъ былъ десятидневный примѣрно срокъ на все приготовленія къ предстоящей экспедиціи, въ ней для удобоподвижности не должно было участвовать болѣе 3-хъ членовъ, считая въ томъ числѣ и меня. Путешествіе я долженъ былъ совершить въ запряженной ранѣе обыкновенной гилияцкой лодкѣ, дойдя въ ней вдоль западнаго берега по возможности до сѣверной оконечности острова, откуда тѣмъ или инымъ способомъ проникнуть на восточный его берегъ, которымъ пройти на югъ по крайней мѣрѣ до устья р. Тыми, а если окажется возможнымъ, то и дальше до японской границы. На все путешествіе данъ примѣрно 3-хъ мѣсячный срокъ. 4-го Іюня мнѣ вручены 1600 рублей на нужды экспедиціи, а 400 рублей оставлено, такъ сказать, въ резервъ на случай крайности (всего ассигновано было 2000 р.). Предоставлено право избрать спутниковъ. Одновременно сдѣлана выписка оспеннаго детрита, т. к. имѣвагося на мѣстѣ могло бы не хватить въ путешествіи. Въ двухъ специальныхъ по экспедиціи заведеній выработана программа статистико-экономическихъ работъ и форма регистраціонныхъ бланковъ, которыми я и былъ снабженъ въ достаточномъ количествѣ. Часть походнаго инвентаря я долженъ былъ получить въ мѣстномъ интенданствѣ, но его тамъ не оказалось, все же нужное было мнѣ дано въ мѣстной командѣ. Также медикаменты, инструменты, аптечные предметы и перевязочные средства надлежало получить отъ мѣстнаго гражданскаго медицинскаго учрежденія, по въ немъ многаго не нашлось или оказалось непригоднымъ, и также все недостающее мною взято отъ лазарета мѣстной команды. Спутниками мною взяты: фельдшеръ отъ гражданскаго вѣдомства и рядовой мѣстной команды на правахъ полицейскаго стражника.

Не смотря на постоянное отвлеченіе прямыми служебными обязанностями, усложнившимися съ началомъ лѣта и не малыми затрудненіями по части пріобрѣтенія на мѣстѣ многихъ нужныхъ для экспедиціи предметовъ, въ 10 дней все почти было готово къ выступленію и дѣло стояло лишь за гилияцкой лодкой, задержавшейся по случаю бурной ненастной погоды (со снѣгомъ).

Сейчасъ же съ переменой къ лучшему погоды, — 14 Іюня къ вечеру прибыла и лодка съ 5-ю гилияками, осмотрѣнными приготовленный и взвѣшенный на кануѣ до послѣдней мелочи (считая даже верхнее платье наше) грузъ экспедиціи, онъ весь почти помѣщался въ 4-хъ угольныхъ запаянныхъ жестяныхъ и желѣзныхъ банкахъ для предохраненія отъ сырости и большей укладистости и съ тарою вѣсилъ 65 пуд. 27½ фунт. Лодка могла принять этотъ грузъ, хотя и съ большой осадкой. 15-го Іюня днемъ она была нагружена и тотчасъ по закатѣ солнца, по полному приливу, экспедиція отплыла въ путь изъ поста Александровскаго по рѣчкѣ въ море на сѣверъ.

Такъ какъ экспедиція выпала на мою долю совершенно для меня неожиданно, времени едва хватило лишь на подготовку матеріальной ея части да и то экспромтомъ, то о сколько нибудь серьезной литературной къ ней подготовкѣ не приходится почти и говорить — просмотрѣнное бѣгло и урывками: «Путешествіе на крайній сѣверъ о ва Сахалина» въ 1894 г. Штенберга, прилож. къ «Сахалинскому календарю», «Островъ Сахалинъ и его фауна» Никольскаго 1889 г. да «записки маіора Буссе», относящіяся къ занятію южнаго Сахалина въ пятидесятыхъ годахъ, вотъ и все, что удалось мнѣ найти на мѣстѣ. Народности, съ которыми предстояло встрѣтиться и быть ихъ, подлежащія изученію и узнаванію въ 3-хъ мѣсячный срокъ, не были мнѣ совершенно до того извѣстны, равно какъ и относящіяся до нихъ такіа сочиненія, какъ Пилеудскаго о гилиякахъ и самое новѣйшее — Штернберга — подъ заглавіемъ «Гилияки» — солидный трудъ, вышедшій въ свѣтъ не позднѣе прошлаго года Петербургскимъ изданіемъ, въ каковомъ сочиненіи это племя и быть его, повидимому, весьма научно и обстоятельно во всѣхъ отношеніяхъ разобраны. Мало этого, — у меня не было сколько нибудь сносной карты района предстоявшихъ дѣйствій, такъ какъ добытые мною на мѣстѣ двѣ карты сѣвернаго Сахалина оказались далекими даже отъ всякой схемы, а третья, — составлена наскоро (весьма любезно и къ стати) оперирующимъ здѣсь это лѣто Начальникомъ переселенческой экспедиціи, Г-номъ Пальчевскимъ, по болѣе надежнымъ источникамъ, — все же оказалось весьма малосоотвѣтствующей дѣйствительности. Какъ я узналъ потомъ отъ встрѣченныхъ мною на сѣверѣ и востокѣ острова лицъ геологическихъ экспедицій: Г.г. Тихоновича и Полевого и ихъ топографовъ, Сахалинъ до сихъ поръ не имѣлъ еще хотя-бы приблизительно сносныхъ картъ, кромѣ конечно морскихъ, касающихся побережья, но у меня не было (и негдѣ было взять) и этихъ. Только теперь геологическій комитетъ своими прошлагодней и нынѣшней экспедиціями постепенно выясняетъ карту сѣвернаго Сахалина. Такимъ образомъ въ свою экспедицію я выступилъ буквально новичкомъ съ завязанными глазами и немудрено поэтому, что шелъ ощупью.

Краткость времени снаряженія отразилась конечно цѣлымъ рядомъ и другихъ недостатковъ, о которыхъ говорить теперь не приходится, но которыя могутъ послужить къ опыту въ будущемъ.

Недостатки, а можетъ быть и отсутствіе картъ, ввели въ немалыя заблужденія такого напримѣръ изслѣдователя, какъ Штенбергъ въ 1894 году, а также и командированнаго изъ поста Александровскаго въ 1894 году для переписи инородцевъ сѣвернаго Сахалина чиновника--переводчика Иванова, работой котораго, въ видѣ объемистой $\frac{1}{2}$ листоваго формата тетради, я былъ снабженъ и нередко пользовался ею на мѣстахъ изслѣдованія, сопоставляя ея данныя съ дѣйствительностью. Ошибки Штенберга, принятыя на вѣру, ввели въ свою очередь въ нѣкоторыя заблужденія и Пальчевскаго--составителя ориентировочной 10-ти верстной карты для меня и даже геолога Тихоновича, пока онъ намѣстѣ не получилъ возможности выяснитъ истины. Тоже неизмѣнно повторилось и въ послѣдней экспедиціи горн. инженера Полевого.

Сильно тормозило ходъ моего путешествія особенно ненастное холодное лѣто въ этомъ году, какого не запомнятъ старики инородцы и другіе сторожины, вредила дѣлау полная невозможность найти вполнѣ толковыхъ, дѣльныхъ переводчиковъ.

Постоящій докладъ представляю пока въ видѣ болѣе или менѣе общаго очерка, подробную же разработку почерпнутаго матеріала надѣюсь сдѣлать впослѣдствіи.

Данныхъ географическихъ и вообще естественно-историческихъ я также не буду здѣсь разбирать,—изъ нихъ составилъ бы отдѣльный докладъ,—а лишь коснусь ихъ, гдѣ это понадобится.

О САНИТАРНЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ЭКСПЕДИЦІИ.

1) Оспопрививаніе, оспенная эпидемія 1908 года и ея послѣдствія.

Его Превосходительствомъ лично и въ помянутыхъ выше совѣщательныхъ засѣданіяхъ было поставлено экспедиціи первою и главною задачею вакцинировать (привить оспу) инородцевъ поголовно. Для этого у меня имѣлось 149 трубочекъ прививочнаго матеріала, съ максимальнымъ расчетомъ одной трубочки на пять человѣкъ, т. е. на 745 человѣкъ, составившаго весь наличный запасъ его въ мѣстномъ гражданскомъ медицинскомъ учрежденіи и врученнаго мнѣ первоначально съ совѣтомъ ограничиться даннымъ количествомъ, въ виду малой будтобы вѣроятности привить большее число людей, по причинѣ трудности найти ихъ лѣтомъ на мѣстахъ, т. к. они все разбредаются по рыбалкамъ. Не внявъ однако совѣту и разсчитавъ, что 1-й трубочки въ предстоявшей походной обстановкѣ должно едва хватить на трехъ человѣкъ (въ этомъ, какъ видно будетъ ниже и не пришлось раскисиваться) и что лучше имѣть избытокъ, чѣмъ недостатокъ на мѣстахъ дѣйствія, я просилъ уже высшаго распоряженія о снабженіи меня детритомъ по крайней мѣрѣ еще на 1000 человѣкъ, что тотчасъ и было выполнено экстренною выпискою его въ нужномъ количествѣ. Всего такимъ образомъ я располагалъ прививочнымъ матеріаломъ (детритомъ) примѣрно на 2000 человѣкъ, даже съ маленькимъ лишкомъ. Прививочныя иглы и все почти другіе предметы получены мною отъ лазарета мѣстной команды. Для прививокъ же взять и гражданскій фельдшеръ Поленко, все время работавшій подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ. По прибытіи ночью въ первую по пути гиляцкую деревню Арково (вѣрнѣе Арк-во) 16-го Іюня, съ ранняго утра привито въ ней 23 человѣка взрослыхъ и дѣтей т. е. все наличное населеніе. Съ этого момента прививки дѣлались, заѣзжая и заходя во всякую деревню, во всякое стойбище, во всякую юрту, не пропуская и живущаго среди инородцевъ непородческаго (русскаго) элемента, иногда уклоняясь далеко въ сторону отъ пути слѣдованія, чтобы разыскать кочевыхъ инородцевъ, останавливая даже встрѣчныхъ и прививая ихъ тутъ-же или отводя въ удобное, укрытое мало-мальски мѣсто гдѣ нибудь въ сторонѣ, а подчасъ убѣдительнымъ способомъ приглашая ихъ слѣдовать за собою до перваго удобнаго пункта. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ все инородцы (и не многіе среди нихъ русскіе) охотно подвергались прививкѣ, и даже шли какъ бы навстрѣчу ей, просили ея. Но иногда бывали упорствующіе, особенно изъ тѣхъ, у которыхъ эпидемія похитила близкихъ людей, потерявшихъ всякую вѣру «въ докторовъ и фельдшеровъ» и «въ колонье» т. е. прививку.

Такое скептическое отношеніе къ оспопрививанію не составляетъ отнюдь явленія свойственнаго исключительно такъ называемымъ дикарямъ, каковыми не безъ основанія принято считать и гиляковъ и тунгузовъ и ороченъ, но, какъ извѣстно мнѣ и по личному опыту, далеко не рѣдко встрѣчается въ самыхъ центральныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи да чуть ли еще не въ «большей степи») Суевѣрїе, повидимому, весьма рѣдко играло роль препятствія къ прививкамъ. Ему могу приписать два лишь случая. Оба касались перевозныхъ людей (невронатовъ), которыхъ удалось привить только хитростью, при чемъ въ одномъ изъ нихъ молодая гилячка, не желая дать привить дѣтей и себя, собиралась уже пустить въ ходъ ножъ. Замѣчательно хорошо вели себя дѣти, рѣдко выказывая боязнь передъ чужими людьми или капризы, между тѣмъ какъ взрослыхъ приходилось иногда и припугнуть отвѣтственностью и долго убѣждать и соблазнять подачкой, хотя бы ввидѣ чарки водки. Женщины и дѣвушки въ большинствѣ пассивно относились къ прививкѣ и послѣ небольшого «доманья», вѣроятнѣе всего «по этикету» (обычаю), скоро соглашались быть привитыми, тѣмъ болѣе, что главнымъ образомъ у гиляковъ обнаженіе рукъ и корпуса до пояса при постороннихъ одинаково у мужчинъ и у женщинъ не составляетъ, повидимому, нарушенія правилъ стыдливости.

Когда, гдѣ и сколько привито людей—видно изъ приводимой таблицы:

Таблица 1.

№№ по порядку.	Мѣсяць и число.	НАЗВАНІЯ ДЕРЕВЕНЬ ИЛИ КОЧЕВЫХЪ СТОЙБИЩЪ.	ЧИСЛО ПРИВИТЫХЪ.			
			Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Дѣтей.	Всего.
З а п а д н ы й б е р е г ъ .						
	Іюня.					
1	16 го	Арк-во	9	6	8	23
2	18 го	Мишгадай	2	1	2	5
3	20-го	Танги	12	8	21	41
4	22-го	Хо й (Хоэ)	22	15	28	65
5	28-го	Вяхты	7	4	9	20
6	30-го	Тык-и	8	1	1	10

*) Утверждаю это на основаніи видѣнныхъ мною эпизодовъ въ бывшей личной практикѣ земскаго врача.

№№ по порядку.	Мѣсяць и число.	НАЗВАНІЯ ДЕРЕВЕНЬ ИЛИ КОЧЕВЫХЪ СТОИБИЩЪ.	ЧИСЛО ПРИВИТЫХЪ.			
			Муж. чинъ.	Жен. чинъ.	Дѣтей.	Всего.
7	Іюля 6-го	Стойбище у рѣчки Малой Ванги-	18	13	12	43
8	8-го	Стойбище на р. Вагисъ и мысъ Погиби	8	1	3	12
9	11-го	Стойбище у мыса Нийдѣ	11	4	—	15
10	12-го	Тѣнг-и	9	6	9	24
11	13-го	Пырк-и (или Пызѣ-и)	9	7	11	27
12	»	Чанг-и	2	2	1	5
13	»	Магд-во (или Мазыво или Марыво)	3	4	2	9
14	»	Лукв-о (или Люб-во)	1	1	1	3
15	»	1-ый Выѣзъ (или Выэръ)	1	1	2	4
16	»	2-й Выѣзъ (или Выэръ)	2	2	3	7
17	14-го	Комбузъвъ	4	4	2	10
18	»	Юрдиръ (Ердиръ)	3	2	4	9
19	»	Лангар-и	7	7	9	23
20	15-го	Маггаль-во (или Магель-во)	2	2	1	5
21	»	Бры-во	7	4	9	20
22	»	Нгань-во (или Нань-во или Ганье-во)	6	6	8	20
23	»	Югъвъ	3	5	9	17
24	»	Имго во	4	3	2	9
25	»	Музь-въ	7	4	7	18
26	16-го	Мао	1	1	—	2
27	»	Шимго-во	2	2	6	10
28	»	Итхухъ	2	2	1	5
29	»	Бимг-во (или Киньг-во)	1	1	3	5
30	»	Васкаль-во	10	9	9	28
31	17-го	Тамла во	40	23	26	89
32	19-го	Ат-во	7	7	9	23
33	»	Хонъ-во	7	7	11	25
34	»	Их-во (или Ег-во)	10	10	18	38
35	20-го	Кефъ (Кеф-во) сѣверная и южная половина	13	12	9	34
36	21-го	Виск-во (или виски)	36	35	37	108
37	24-го	Маскаль во	9	8	11	28
38	26-го	Помиръ (или Помръ)	13	12	9	34
39	30-го	Пиле во	3	5	8	16
40	1-го Август.	Туми	8	9	8	25
С ъ в е р н ы й б е р е г ъ .						
41	3-го	Мачигаръ	4	6	8	18
42	5-го	Ньур-во	5	3	5	13
43	»	Нюнъ-во	3	1	2	6
44	»	Мытнырво (или Мытнериво)	12	12	16	40
В о с т о ч н ы й б е р е г ъ .						
а) Пелануѣскій заливъ (или заливъ Кякръ):						
45	23-го	Стойбище у рѣки Саба	9	8	11	28
46	25-го	Стойбища «Пелетунъ»	8	7	11	26
47	26-го	Кякр-во (или Кекр-во)	23	13	31	67
б) Чайвинскій заливъ:						
48	29-го	Стойбища въ урочищахъ «Мифкъ» и «Нянь-Мруфъ» къ ю.-в. отъ острова «Ишкмифъ»	1	1	3	5
49	»	Стойбище Гарамай (или Грамай)	7	7	15	29
50	30-го	Стойбище на островѣ Сонеги (или Сонега)	7	3	7	17
51	»	Сони-во (или Соньги-во)	2	1	—	3
52	»	Хыт-во	1	1	2	4
53	»	Аги-во	4	1	—	5
54	31-го	Чай-во	38	30	44	112
55	1 Сентября	Вангрукун-во (или Вангкунъ или Оуркунъ)	7	5	7	19
56	»	Стойбище Оуркунъ (или Оуоркунъ)	2	3	4	9
в) Протоки изъ Чайвинскаго въ Ныйскій заливъ:						
57	3-го	Ляр-во (или Ляд-во)	16	13	18	47
58	4-го	Стойбища: Мал. Даги на косѣ и Больш. Даги на островѣ Даги	4	1	—	5
59	»	Тыумычъ (или Туумичъ)	7	7	13	27
г) Ныйскій заливъ:						
60	5-го	Тукры-во (или Ный или Ный-во)	19	19	25	63
61	6-го	Такр-во или Тукурней или также Ный	24	14	23	61
62	9-го	Стойбище въ устьѣ р. Тыми на островѣ Ныль (или Нолконушъ)	3	2	2	7

№№ по порядку.	Мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ДЕРЕВЕНЬ ИЛИ БОЧЕВЫХЪ СТОЙБИЩЪ.	ЧИСЛО ПРИВИТЫХЪ.			
			Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Дѣтей.	Всего.
д) Рѣка Тымь:						
	Сентября					
63	9-го	Стойбище въ урочищѣ «Имур-во» (или Имрушъ)	4	4	—	8
64	16-го	Бркыръ (или Бркыр-во)	10	4	8	22
65	17-го	Хунге-во (или Хуньво)	15	15	26	56
66	18-го	Чайни-во	4	2	4	10
67	»	Шлю-во	7	6	19	32
68	19-го	Чирь-во	16	12	21	49
69	21-го	Сла-во	10	1	7	18
70	22-го	Уск-во	3	5	9	17
71	24-го	Носьб-во	2	2	1	5
Итого.			606	465	671	1742

При регистраціи прививокъ къ дѣтскому возрасту для большаго удобства и скорости записей обыкновенно относились все лица, моложе 15 — 17 лѣтъ на видъ, большей же точности по причинѣ полного отсутствія счета лѣтъ у инородцевъ нельзя было добиться положительно. О послѣднемъ явленіи придется еще говорить ниже въ отдѣлѣ статистики.

Такъ какъ при постепенномъ продвиганіи экспедиціи на сѣверъ вдоль западнаго берега острова на пространствѣ между Арк-во и Ат-во (Мгачи—Рыбное) попадались и русскіе жители (поселенцы) то бокъ о бокъ съ инородческими деревнями, составляя съ ними какъ бы одніи общія селенія, то совершенно отдѣльными поселками, — приходилось разубѣтсся, а иногда и прямо необходимо было, дѣлать прививки и среди русскихъ, но не поголовно, а желающимъ взрослымъ и не привитымъ раньше дѣтямъ. Тоже самое повторилось и при возвращеніи вверхъ по рѣкѣ Тыми между Чирь-во и Носьб-во (Ада-тымъ—Дербиноее).

Прививки среди русскихъ первой категоріи (т. е. живущихъ въ однихъ съ инородцами селеніяхъ) вошли въ общую регистрацію вышеприведенной таблицы потому, что ихъ было немного, какъ и жителей—русскихъ: въ Танг-и, Хоэ, на р. Малой Ванги, на островѣ Сонегі, число же прививокъ въ собственно русскихъ селеніяхъ привожу въ слѣдующей таблицѣ.

№№ по порядку.	Мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ СЕЛЕНІЙ.	ЧИСЛО ПРИВИТЫХЪ.			
			Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Дѣтей.	Всего.
1	Іюня 18-го	Мгачи (или Мачи)	2	2	4	8
2	» 27-го	Трамбаусъ	—	—	1	1
3	Іюля 6-го	Ванги	2	—	1	3
4	» 18-го	Рыбное	12	3	4	19
5	Сентября 19-го	Ада-тымъ	9	8	31	48
6	» 20-го	Соболиное	1	3	9	13
7	» »	Слава	—	2	3	5
8	» »	Озерное	1	1	8	10
Итого . . .			27	19	61	107

Всего такимъ образомъ зарегистрировано было прививокъ: мужчинъ 633, женщинъ 484 и дѣтей 732, а всѣхъ вмѣстѣ 1849 человекъ. Но къ этому числу надо еще добавить случаи прививокъ, не вошедшихъ въ регистрацію по разнымъ причинамъ: всякіе встрѣчные и попутные, случайно попадавшіеся люди, приблизительное число которыхъ могло дойти до нѣсколькихъ десятковъ, такъ что общую цифру привитыхъ безъ большой ошибки слѣдуетъ опредѣлять близко къ 1900 человекамъ, какъ и можно судить по количеству взятаго израсходованнаго и оставшагося прививочнаго матеріала (детрита). Само собою разумѣется, что проверить успѣшность прививокъ при чисто поступательномъ движеніи экспедиціи въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя было. Что касается ревакцинаціи (повторныхъ прививокъ), то случаи таковыхъ имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ тѣхъ населенныхъ пунктахъ Александровскаго и Тымовскаго округовъ, которые ближе расположены къ своимъ административнымъ центрамъ и были посѣщаемы медицинскими чинами въ разное время до настоящей экспедиціи (зимою и весною по случаямъ эпидеміи), въ пунктахъ же болѣе отдаленныхъ ревакцинаціи были рѣдки, сдѣланы тѣмъ лицамъ, которые случайно находясь въ ближнихъ пунктахъ подверглись тамъ вакцинаціямъ (первичнымъ прививкамъ) въ бытность тамъ помянутыхъ медицинскихъ чиновъ или же были привиты зимою въ г. Николаевскѣ и его окрестностяхъ (вообще на материкѣ).

Число ревакцинацій и распределеіе ихъ видно изъ слѣдующей таблицы.

№№ по порядку.	Названія населенныхъ пунктовъ.	Число ревакцинацій.	№№ по порядку.	Названія населенныхъ пунктовъ.	Число ревакцинацій.
Александровскій округъ.					
1	Арк-во	15	18	Кимг-во	1
2	Мингидай	4	19	Васкаль-во	4
3	Мгачи (Мачи)	4	20	Тамлаво	2
4	Танги	27	21	Хонк-во	5
5	Хоэ (Хои)	10	22	Ат-во	4
6	Трамбаусъ	1	23	Югвъ	2
7	Вяхты (Вяхты)	12	24	Виски (Виск-во)	10
8	Тыки	7		Тымовскій округъ.	
9	Малыя Ванги.	39			
10	Больш. Ванги	3	25	Соболиное	9
11	Погоби	2	26	Слава	3
12	Ныйдэ	6	27	Озерное	8
13	Тонги	4	28	Сла-во	14
14	Пырки	2	29	Уск-во	13
15	Чанги	1	30	Носьб-во	5
16	Магд-во	1			
17	2-й Выэръ (Выэзъ)	2			
ИТОГО					220

Число ревакцинацій вошло конечно въ общее число прививокъ, показанныхъ въ табл. 1 и табл. 2.

Сопоставляя цифры ревакцинацій въ такихъ близкихъ къ центрамъ о-ва пунктахъ, какими являются наприм. Арк-во, Танги и Малыя Ванги въ Александровскомъ Округѣ и Сла-во съ Уск-во въ Тымовскомъ, съ цифрою вакцинацій, приходится къ сожалѣнію дѣлать неутѣшительный выводъ по части успѣшности прививокъ осы. Да и вообще тоже явленіе можно прослѣдить отчасти и въ нѣсколько болѣе отдаленныхъ пунктахъ, какъ напр. Ныйдэ.

Между тѣмъ этихъ то мѣстностей и коснулась эпидемія прошлой зимы, но объ этомъ придется еще говорить ниже.

Какъ распредѣлись прививки по инородческимъ группамъ (племенамъ) и по округамъ—видно изъ слѣдующей таблицы.

Александровскій округъ.		Тымовскій округъ.	
Племена ихъ селенія.	Число привитыхъ.	Племена ихъ селенія.	Число привитыхъ.
Г и л я н и .		Г и л я н и .	
Арк-во	23	Бякр-во	67
Мингидай	5	Урочище «Няньмурфъ» и «Гарамай»	16
Танги	41	Сони-во	3
Хои	65	Хыт-во	4
Вяхты	25	Аги-во	5
Тыки	10	Чай-во	112
Тонги	24	Вангкунъ	19
Пырки	27	Ляр-во	47
Чанги	5	Тыгумычъ	27
Магдво	9	Тукры-во	63
Лукво	3	Такр-во	61
1-й Выэзъ	4	Урочище «Имурво»	5
2-й Выэзъ	7	Ыркыръ	22
Комбузьевъ	10	Хунгево	56
Юрдиръ	9	Чайниво	10
Лангари	23	Плю-во	32
Маггаль-во	5	Чирь-во	49
Бры-во	20	Сла-во	18
Нгань-во	20	Уск-во	17
Югвъ	17	Носьб-во	5
Имгво	9		
Музьевъ	18		
Мао	2		
Шамгово	10		
Итого			638

Александровскій округъ.		Тымовскій округъ	
Племена ихъ селенія.	Число привитыхъ.	Племена ихъ селенія.	Число привитыхъ.
Гутюхъ	5	Тунгусы:	
Кымгво	5	Стойбище у рѣки Саба	16
Васкальво	28	Стойбище «Пелетунъ»	7
Тамлаво	89	Стойбище въ «Няньмурфъ»	3
Атво	23		
Хопкво	25		
Ихво	38		
Кефъ	34		
Виски	108		
Маскальво	28		
Помиръ	34		
Пилево	16		
Туми	25		
Мачигаръ	18		
Ныур-во*)	13		
Нюньгве*)	6		
Мытьпыр-во*)	40		
Итого . .	921	Итого . .	26
Тунгусы:			
Стойбище у рѣчки Малой Ванги	43		
Стойбище у рѣчки Вагисъ и временное у мыса Погиби	12		
Стойбище у мыса Ныйдэ	15		
Итого . .	70		
Орочены:			
Стойбище у деревни Маскальво (въ Байкаль)	2		
Итого . .	2		
		Орочены:	
		Стойбище у рѣки Саба	12
		Стойбище «Пелетунъ»	19
		Стойбище «Гарамай»	15
		Стойбище «Сонеги»	17
		Стойбище «Оуркунъ»	9
		Стойбище «Мал. Даги» «Больш Даги»	5
		Стойбище въ устьѣ р. Тыми на остр. «Ныль»	7
		Стойбище въ низовьяхъ р. Тыми въ урочище «Имурушъ»	3
		Итого . .	77

Примѣчаніе: Якутовъ среди тунгусовъ Охотскаго берега нѣтъ вовсе

Орочены:

Примѣчаніе: Якуты, по ихъ малочисленности, а главное потому, что живутъ исключительно съ тунгусами, породнились съ ними и отчасти ассимилировались (слились), въ особую группу не выдѣлены.

))*) Три послѣднихъ селенія слывутъ чаще подъ общимъ названіемъ «НЮУРЪ» и отнесены мною къ Александровскому округу т. к. все же они западнѣ мыса Елизаветы и доступнѣ съ западнаго берега, чѣмъ съ восточнаго.

Эпидемія оспы 1908 года среди инородцевъ разразилась первоначально въ Февралѣ почти одновременно въ обоихъ округахъ и съ нѣкоторыми перерывами или вѣрнѣ затишьями продолжалось всю весну, хотя отдѣльныя небольшія вспышки ея наблюдались и лѣтомъ. Болѣзнь носила характеръ весьма острый и тяжелый, въ большинствѣ въ формѣ такъ называемой геморрагической (черной) оспы, но нерѣдко были случаи съ быстрымъ смертельнымъ исходомъ и при отсутствіи пораженія кожныхъ покрововъ, наблюдавшіеся врачами, посѣтившими тогда нѣкоторыя ближайшія къ административнымъ центрамъ очаги эпидеміи.

Для точнаго указанія, какія именно раіоны охватила зараза и какова была смертность отъ нея приважу таблицу.

ОКРУГЪ, БЕРЕГЪ, СЕЛЕНІЕ, СТОЙБИЩЕ.	Число на- личнаго населенія.	Число умершихъ отъ эпидемической оспы 1908 г.
<i>Александровскій округъ.</i>		
Западный (Татарскій) берегъ.		
1 Танги *)	41	7
2 Хои	75	8

*) Аркво, Мянгидай и Мгачи не вошли въ счетъ, т. к. перепись началась съ Танги, число же умершихъ было зарегистрировано тамъ раньше бывшими врачами и фельдшерами

ОБРУГЪ, БЕРЕГЪ, СЕЛЕНИЕ, СТОЙБИЩЕ		Число наличнаго населенія	Число умершихъ отъ эпидемической оспы 1908 г.
3	Трамбаусъ	2	} Не было
4	Вяхты	14	
5	Тыки	12	
6	Малыя Ванги	42	23
7	Вагисъ и Погиби	7	25
8	Ныйдэ	15	2
9	Тенги	17	23
10	Пырки	26	} Не было
11	Чанги	5	
12	Магдво	10	} Не было
13	Лувво	3	
14	Выэзъ 1-й и Выэзъ 2-й	11	
15	Комбузьевъ	12	
16	Юрдиръ	9	
17	Лангари	27	
18	Малгалъво	6	
19	Криво	21	
20	Нганъво	22	
21	Югвъ	14	
22	Имгво	10	} Не было
23	Музввъ	17	
24	Мао	2	} 1, по на материкъ на Амуръ
25	Шимгво	10	
26	Лутюхъ	5	} Не было уже XXX лѣтъ
27	Кимгво	5	
28	Васкальво	29	
29	Тамлаво	93	
30	Рыбное	23	
31	Атво	25	
32	Хонково	28	
33	Ихво	38	
34	Кефъ южный и Кефъ сѣверный	54	
35	Виски	122	
36	Маскальво	33	} Не было
37	Помиръ	45	
38	Пилево *) сѣверное	15	
39	Туми	27	
Сѣверный берегъ.			
40	Мачигаръ	19	} Не было
Подъ общимъ	41 Ныурво	17	
именемъ	42 Нюнгвъ	4	
«Ныуръ»	43 Мышьнырво	40	
*) Другое Пилево, что къ югу отъ устья-Агнево вѣроятно подверглось эпидеміи, но туда также ѣздилъ врачъ рескою.			
И Т О Г О .		1061	101
Тымовскій округъ.			
Восточный (Охотскій) берегъ			
Пелетунскій заливъ:			
1	Саба	29	4
2	Пелетунъ	29	1
3	Кякрво	74	Не было
Чайвинскій заливъ:			
4	«Мифгъ», «Няньмурфъ» и «Гарамай».	31	} Не было
5	«Сонегі»	17	
6	Сониво	3	} Не было
7	Хытво	4	
8	Агиво	5	
9	Чайво	108	
10	Вангркунъ	23	
11	Оуркунъ (Валъ)	10	19
Протоки между Чайвинскимъ и Ныльскимъ заливами:			
12	Лярво	26	} Не было
13	«Окбыськъ»	8	
14	«Лаги»	23	65
15	Тыумычъ	30	Не было

ОКРУГЪ, БЕРЕГЪ, СЕЛЕНІЕ, СТОЙБИЦЕ.

Число
наличнаго
населенія.

Число умершихъ отъ
эпидемической оспы
1908 г.

Н ы й с к і й з а л и в ъ :

- 16 Тукриво
- 17 Такрво
- 18 «Нылъ»

48
44
7 } Не было
12

Р ѣ к а Т ы м ъ :

- 19 «Имрушъ»
- 20 Ыркыръ
- 21 Хунгево
- 22 Чайниво
- 23 Плюво
- 24 Чирьво
- 25 Славо
- 26 Хазельво
- 27 Усьво
- 28 Носьбво (выходцы изъ Аркво Александровскаго Округа)

7
24
51
7
30
52
58
7
20
25 } Не было
15
15, но въ Арковѣ

И т о г о . . . 800 131

А всего въ обоихъ округахъ 1861 232

Примѣчаніе: Большая часть населенія Аркво перешла послѣ эпидеміи жить именно въ Носьбво и составляетъ все его теперешнее населеніе; поэтому незарегистрированной у меня является лишь незначительная часть жителей Аркво, тоже его покинувшихъ и намѣренныхъ жить между Чирьво и Славо.

Обстоятельства о которыхъ придется еще говорить въ своемъ мѣстѣ, не позволили мнѣ, къ сожаленію, проникнуть въ Набилскій заливъ и южнѣе его, поэтому я и не могу представить здѣсь болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ этихъ мѣстностяхъ. Однако путемъ разспросовъ бывалыхъ и толковыхъ гиляковъ Ныйскаго залива и при-Тымовскихъ, посѣщавшихъ зимою Набилъ и южнѣе его лежація деревни, а также случившихся въ Нылъ какъ разъ въ мою бытность тамъ гиляковъ и ороченъ, именно изъ тѣхъ мѣстъ, удалось установить слѣдующее: Въ Набилѣ 2 деревни и 2 стойбища—Милькво въ 4 юрты, Набилво въ 4 юрты, Дауту теперь въ 2 юрты (было въ 5). Конгрэ въ 1 юрту; далѣе въ среднемъ теченіи рѣки Набилъ еще двѣ деревни—Паливо въ 1 юрту и Чугжеливо въ 2 юрты; Южнѣе Набиля вдоль морского берега также 4 деревни—Лунгво въ 4 юрты, дальше Пильнво въ 1 юрту, Чамгво въ 3 юрты и наконецъ послѣдняя на этомъ берегу деревня Нгамбиво въ 4 юрты. Итого стало быть десять селеній и стойбищъ и 26 юртъ. Кромѣ дер. Лунгво, въ которой эпидемія вспыхнула среди лѣта (въ концѣ Іюля и началѣ Августа) и похитила изъ двухъ юртъ 7 жертвъ, въ другихъ деревняхъ о болѣзни и смертности отъ нея слышно не было, въ Лунгво же, кромѣ 7-ми умершихъ, были и еще заболѣванія, но съ исходомъ въ выздоровленіе. Изъ стойбищъ—въ Дауту вымерло подъ весну въ 3-хъ юртахъ 15 человекъ, т. е. почти поголовно 3 юрты, а двѣ уцѣлѣли. Остатки частью перешли жить въ устье р. Тыми въ «Нылъ», гдѣ мною и зарегистрированы и показанные тамъ 12 человекъ умершихъ относятся поэтому къ жертвамъ эпидеміи въ Набилскомъ, а не въ Ныйскомъ заливѣ.

Принимая среднюю населенность юрты у гиляковъ въ 6,05 человекъ, а у ороченъ въ 4,9 (тунгусовъ и русскихъ какъ извѣстно, въ Набилѣ и южнѣе вовсе нѣтъ) найдемъ что общее число гиляковъ въ 8 перечисленныхъ деревняхъ можно принять въ настоящее время приблизительно въ 130—140 человекъ, а ороченъ (они только въ Дауту и Конгрэ)—въ 14—15 человекъ.

Если прибавить теперь эти цифры къ итогамъ таблицы, то получимъ для Тымовскаго Округа 944 наличныхъ инородца и 141 умершихъ отъ эпидемической оспы, а всего 1825 живыхъ и 242 умершихъ отъ заразы, кромѣ конечно цифръ Шилева южнаго, Усть-Агниво и Мингида.

Разсматривая смертность тогоже населенія по племенамъ находимъ слѣдующее:

Округъ	Число на- личныхъ жителей.	Смертность отъ оспы.	Округъ	Число на- личныхъ жителей.	Смертность отъ оспы.
Племена и селенія и число юртъ.			Племена и селенія и число юртъ.		
Александровскій округъ.			Тымовскій округъ.		
а) Гиляки:			а) Гиляки:		
Танги 7 юртъ	33	7	Кякрво 11 юртъ	74	} Не было.
Хои 6 юртъ	44	8	«Няньмруфъ» и «Гарамай» 2 юрты	12	
Вяхты 2 юрты	9	Не было.	Сониво 1 юрта	3	
Тыки 7 юртъ	12	23	Хывто 1 юрта	4	

Округъ	Племена и селенія и число юртъ.	Число на- личныхъ жителей.	Смертность отъ оспы.	Округъ	Племена и селенія и число юртъ.	Число на- личныхъ жителей.	Смертность отъ оспы.
Тенги 3 юрты	17	Не было.	9	Агиво 1 юрта	5	108	—
Пырки 5 юртъ	26			Чайво 15 юртъ	23		
Чанги 2 юрты	5			Ваигрукунъ 3 юрты	26		
Магдво 2 юрты	10			Лярво 5 юртъ	8		
Лукво 1 юрта	3			«Окбыськъ» 3 юрты	30		
Вызъ 1-й и Вызъ 2-й по 1 юртъ	11			Тыумычъ 6 юртъ	48		
Комбузьевъ 3 юрты	12			Тукриво 8 юртъ	44		
Юрдиръ 2 юрты	9			Такрво 7 юртъ	5		
Лангари 4 юрты	27			Имрурво 1 юрта	24		
Маггальво 1 юрта	6			Ыркыръ 5 юртъ	51		
Крыво 4 юрты	21	Хунгево 7 юртъ	7				
Нганьво 3 юрты	22	Чайниво 1 юрта	30				
Югвъ 3 юрты	14	Цлюво 4 юрты	52				
Имгво 3 юрты	10	Чирьво 7 юртъ	58				
Музьвъ 4 юрты	17	Сла-во 8 юртъ	7				
Мао 1 юрта	2	Хазельво 2 юрты (было четыре)	20				
Шимгво 2 юрты	10	Уск-во 5 юртъ	25				
Гутьхъ 1 юрта	5	Носьво 3 юрты	Въ сред- немъ око- ло 48 ч.	Не было.			
Кимгво 1 юрта	5	Мильво 4 юрты					
Васкальво 4 юрты	29	Набилво 4 юрты	Въ сред- немъ око- ло 90.	Не было.			
Тамлаво 18 юртъ	93	Паливо 1 юрта					
Атво 5 юртъ	25	Чугжелаво 2 юрты	Не было.	37			
Хонкво 4 юрты	28	Лунгво 4 юрты					
Ихво 5 юртъ	38	Пильво 1 юрта	Не было.	1			
Кефъ сѣверный и Кефъ южный 5 юр.+7 юртъ	54	Чамгво 3 юрты					
Виоки 21 юрта	122	Игамбиво 4 юрты	Итого 131 юрта	798			
Маскальво 5 юртъ	28						
Помиръ 8 юртъ	45		б) Тунгусы:				
Пилево 1 юрта	15		Саба 2 юрты	16	1		
Туми 4 юрты	27		Пеланунъ 1 юрта	7	Не было.		
Мачигаръ 2 юрты	19		«Мифкъ» 1 юрта	4			
Ныуръ (три части) 9 юртъ	61		Итого 4 юрты	27	1		
Итого 152 юрты	914	51					
б) Тунгусы:				в) Орочены:			
Малыя Ванги 8 юртъ	28	23	Саба 2 юрты	13	3		
Вагисъ (и Погоби) 1 юрта	7	2	Пелетунъ 5 юртъ	22	1		
Ныйдэ 3 юрты	13	23	«Горамай» 2 юрты	15	Не было.		
Итого 12 юртъ	48	48	Сонеги 3 юрты	15			
в) Якуты:				Оуркунъ (Валь) 2 юрты	10	19	
Малыя Ванги 4 юрты	11	2	Даги 5 юртъ (было 12)	23	65		
Ныйдэ отдѣльной юрты нѣтъ	2	Не было.	Имрушь 1 юрта	2	Не было.		
Итого . . .	13	2	Дауту 2 юрты (было 5)	Въ сред- немъ око- ло 45 ч.	12		
г) Орочены:					Бонгрэ 1 юрта	—	
Маскальво 2 юрты	5	Не было.	«Ниль» 1 юрта	7	—		
Итого 2 юрты	5	—	Итого 24 юрты	123	100		
д) Русскіе (т. е. европейцы):				г) Якуты:			
Танги 2 обитаемыхъ дома	8	Не было.	Пелетунъ: ихъ нѣтъ теперь въ на- личности, т. к. оставшіяся въ жи- выхъ изъ 4-хъ въ 1 юртѣ, по- решель жить въ Александровскій округъ въ Малыя Ванги, гдѣ и зарегистрованъ.				3
Хои 4 обитаемыхъ дома	31		д) Русскіе:				Не было.
Трамбаусъ 1 домъ	4		Сонеги 1 юрта	2			
Вяхты 1 обитаем. д.	5		Такрво 2 дома	4			
Мал. Ванги (живуть въ юртѣ у якутки)	3		Итого 3 жилья	6	—		
Больш. Ванги 2 обит. д.	7						
Тенги—кардонъ 1 домъ	1						
Рыбное 7 домовъ	23						
Итого 18 домовъ	82	—					

Въ обѣихъ приведенныхъ таблицахъ селенія и стойбища расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ посѣщены были мною—въ Александровскомъ округѣ съ юга на сѣверъ по западному берегу острова и отъ мыса Маріи до мыса Елизаветы на сѣверномъ его берегу, а въ Тымовскомъ съ сѣвера на югъ по восточному берегу и отъ устья р. Тыми до ея верховья. Разсматривая эти таблицы, видимъ, 1) что по Александровскому округу на 1061 человекъ наличныхъ инородцевъ и немно-

гихъ среди нихъ живущихъ русскихъ пришлось 101 случай смертности отъ оспы, а по Тымовскому на 944 чел. — 132 смертей, 2) что эпидемія шла весьма неравномѣрно и въ 81 селеніяхъ, изъ коихъ 71 точно зарегистрировано, распредѣлилась далеко не одинаково. Въ то время какъ изъ 8 селеній и стойбищъ на протяженіи болѣе 200 верстъ, именно отъ Танги (версть 40 сѣвернѣе Александровскаго поста) до мыса Ныйдэ включительно (версть 45 сѣвернѣе мыса Погиби) оспы не было только въ двухъ, а три были самыми главными очагами ея (Тыки, Ванги, Ныйдэ), — далѣе на сѣверъ она становится все рѣже и на такомъ же почти протяженіи до Виски (въ зал. Байкалѣ), притомъ въ самыхъ населенныхъ мѣстностяхъ, встрѣчается всего два раза, изъ 27 селеній въ двухъ, а еще далѣе на сѣверъ и совсѣмъ не встрѣчается. Она проскакиваетъ отъ Ныйдэ два селенія черезъ нѣсколько десятковъ верстъ, поражаетъ небольшую деревню Чанги довольно сильно, опять проскакиваетъ уже девять (среднихъ и малыхъ) деревень на нѣсколько большемъ пространствѣ, поражая средней величины селеніе Югвѣ, по сравнительно слабо, и далѣе не идетъ, оставляя все районъ тоже около 200 верстъ, въ томъ числѣ и самыя большія деревни, какъ Тамлаво и Виски. Всего изъ 44 селеній округа она посѣтила 8 (не считая Агниво и Мингидай). Все огромное пространство внутри острова и восточный (Охотскій) берегъ отъ мыса Елизаветы, почти до южнаго конца тоже огромнаго Пелетунскаго залива, какъ совершенно безлюдные, не подверглись эпидеміи и слѣды ея начинаютъ уже встрѣчаться по Тымовскому округу лишь версть на 200 южнѣе мыса Елизаветы впервые въ стойбищѣ Саба на западномъ берегу этого залива, откуда она, сравнительно не сдѣлавъ большого опустошенія, перескакиваетъ черезъ нѣсколько десятковъ верстъ на другой берегъ того же залива въ стойбище Пелетунъ и беретъ всего 1 жертву. Далѣе къ югу минуетъ значительную деревню Кягрео (все въ томъ же заливѣ), пропускаетъ семь деревень въ Чайвинскомъ заливѣ въ томъ числѣ многолюдную деревню Чайво, все это на протяженіи около 100 верстъ и уже серьезно поражается въ стойбище Оуркунъ (или Валъ), похитивъ 19 жертвъ. Опять пропускаетъ два селенія на нѣсколькихъ десяткахъ верстъ въ протокахъ изъ Чайвинскаго въ Ныйскій заливъ и страшно поражаетъ стойбище Даги, унеся 65 жертвъ или почти $\frac{3}{4}$ всего его населенія. Еще далѣе падить весь Ныйскій заливъ, проскакиваетъ далеко къ югу въ заливъ Набилскій, гдѣ беретъ 12 жертвъ изъ стойбища Дауту. Наконецъ оставляетъ свободной всю рѣку Тымъ и только почти въ верховьяхъ ея также страшно поражаетъ небольшую деревню Хазельво, миновавъ значительныя селенія. Что касается самой верховой по Тыми деревни Носьб-во, то какъ возникшая вновь только этимъ лѣтомъ путемъ переселенія изъ Ари-во, она должна быть включена въ число пораженныхъ мѣстностей Александровскаго округа. О лѣтней вспышкѣ въ Луигво остается добавить, что она всетаки явилась фактомъ исключительнымъ. Ходъ эпидеміи еще нагляднѣе представляется на прилагаемой схемѣ (картограммѣ).

И такъ по Тымовскому округу изъ 38 селеній и стойбищъ оспа посѣтила семь и ясно, что этотъ округъ пострадалъ сильнѣе предыдущаго. Обращаясь къ даннымъ второй таблицы, видимъ, 1) что центромъ своимъ тяжесть эпидеміи пала въ Александровскомъ округѣ на тунгусовъ, а въ Тымовскомъ на ороченъ, вообще же всего сильнѣе опять таки на ороченъ; 2) что гиляки понесли потери особенно въ Тымовскомъ округѣ и что громаднаго большинства ихъ эпидемія и не коснулась, поразивъ лишь болѣе близкія къ русско-поселенческому району мѣстности ихъ обитанія; 3) что русскіе (и вообще не инородцы Сахалина и Сибири), живущіе среди Сахалинскихъ инородцевъ, совсѣмъ не понесли жертвъ этой эпидеміи (хотя иногда и болѣли); 4) что на живущихъ съ тунгусами въ большемъ числѣ якутахъ зараза таки отразилась и не обошлась безъ жертвъ. Изъ 15-ти пораженныхъ эпидеміей селеній и стойбищъ (не считая Арк-во—Носьбво) главными такъ сказать очагами ея были на Охотскомъ берегу Ороченскія Даги и Оуркунъ, а на Татарскомъ гиляцкое Тыки и тунгускія Ванги и Ныйдэ (близъ кордона Танги). Заболѣванія и смертные случаи происходили въ зимнихъ юртахъ, на зимнихъ стойбищахъ, не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтники и не въ тѣхъ юртахъ, гдѣ регистрировалось и прививалось, мною населеніе. Ороченъ Даги, когда у нихъ разразилась эпидемія, зимовали по берегамъ рѣки того же названія, текущей изъ отдѣльнаго хребта «Даги» съ запада на востокъ и впадающей въ тотъ протокъ, который соединяетъ Чайвинскій заливъ съ Ныйскимъ, чуточку не доходя сѣвернаго угла послѣдняго. По гиляцки рѣка именуется «Ляво» или «Лядво», какъ тоже произносятся. Въ устьѣ ея зимовали гиляки (зимники дер. Ляво), а выше по обоимъ берегамъ группами и въ одиночку далеко разбросаны были зимнія юрты—палатки ороченъ въ числѣ 12-ти. Заболѣвшіе жили не долго 2—3—5 дней и умирали, выздоровленій почти не было. Въ семьѣ Мартына Ченальгану вымерло 12 душъ, остался одинъ 49-лѣтній, но почти уже старикъ. Въ другой семьѣ вымерло 15 душъ, остался одинъ 12-ти лѣтній мальчикъ Василій; въ третьей 8 душъ, остался одинъ 8-ми лѣтній мальчикъ Василій; въ четвертой изъ 13 человекъ, остался одинъ 27-ми лѣтній парень Михайло; въ пятой 10 человекъ, остался одинъ 40-ка лѣтній мужчина Александръ. Наконецъ поголовно вымираетъ семья молодого орочена Никифора. Окончѣно по уже подъ весну и въ его отсутствіе, въ числѣ 4-хъ человекъ, самъ же онъ ушелъ тогда на охоту за дикими оленями и больше и не возвращался. Случайно лишь остатки его трупа были найдены моею экспедиціей, къ чему придется еще вернуться ниже; Одна семья—Степана Катагану—какимъ то чудомъ не подверглась болѣзни, въ остальныхъ же двухъ было по 1 случаю смертности. Нѣкоторыя большія семьи жили въ двухъ юртахъ. Послѣ этого опустошенія остатки вымершихъ семей частью разбрелись по другимъ стойбищамъ, частью же перебрались къ болѣе уцѣлѣвшимъ, но зимовки, гдѣ все это произошло, ороченъ, по давнему обычаю, бросили навсегда и даже изъ стараго лѣтняго стойбища, что на островѣ Даги и въ котромъ было 7 просторныхъ лѣтнихъ юртъ, большая часть уцѣлѣвшихъ перебралась черезъ проливъ почти къ самому морю, заново выстроивъ себѣ тутъ три новыхъ лѣтнихъ юртъ, такъ что теперь лѣтнѣе стойбище ороченъ Даги распадается на собственно Даги (старое Даги) и Даги на косѣ (Новое Даги).

Вторымъ по опустошительности очагомъ болѣзни выпало на долю быть зимнему стойбищу оро-

чень «Оуркунъ» или по гилацки «Вангркунъ» или же, какъ чаще произносятся гилаки «Вангшкунъ». Эти орочены зимовали по рѣкѣ Валь, впадающей въ Чайвинскій заливъ съ запада, въ южномъ его концѣ, устье же Вала занято зимниками гилаковъ дер. Вангшкунъ. Какъ и въ Даги, оспа не задѣла здѣсь сосѣднихъ гилаковъ, а изъ трехъ зимнихъ ороченскихъ юртъ—палатокъ—похитила подъ весну: въ одной изъ семи въ 6 человекъ 5-хъ, въ другой изъ 15-ти 13 человекъ, а въ третьей всего 1-го человека. Остатки,—осиротѣвшіе старики, Александръ Исаичену и Данило Юану, женщины и дѣти соединились теперь въ двѣ юрты, имѣя всего лишь одного человека въ рабочемъ возрастѣ, Николая Юану, и тоже бросили прежнее стойбище, перекочевавъ сѣвернѣе на острова и косы. Третій очагъ и тоже у ороченъ, зимовавшихъ по рѣкѣ Набилъ. Всѣ они жили обыкновенно въ лѣтнее время на косѣ между Набилскимъ заливомъ и моремъ, но когда подъ весну въ ихъ стойбище вымерло 7 мужчинъ, 2 женщины и 3-е дѣтей, въ Дауту вернулись изъ бывшихъ 5-ти юртъ только 3, а остатки семьи Степана Усакка и пощаженная болѣзнью семья Ивана Хуманаку, соединившись, перекочевали въ устье Тыми на островъ «Нылъ» (по гилацки «Шояконушъ»). Вымиранія цѣлой семьи безъ остатка (какъ въ Даги) здѣсь не было.

Изъ очаговъ Татарскаго побережья главные считаю въ зимнихъ стойбищахъ тунгусовъ у мысовъ Лахъ и Ныйде. Первые изъ этихъ тунгусовъ къ концу зимы прикочевываютъ ближе къ поселенію Ванги, гдѣ у нихъ есть даже часовня, а вторые къ тому же времени обрѣтаются близъ кордона Тенги. Остальное время года первые кочуютъ въ обширной Лахской тундрѣ отъ побережья до хребтовъ Энгисъ-пала, переходя нерѣдко черезъ нихъ въ долины р. Тыми до Ныйскаго залива и сѣвернѣе до Чайвинскаго, а вторые—въ, кажется, еще болѣе обширной Ныйдекой тундрѣ, пересѣкая ее частократно на сѣверъ почти до конца острова и на востокъ до Охотскаго побережья.

У первыхъ подъ весну въ 8-ми тунгусскихъ и четырехъ якутскихъ (смѣшанныхъ) семьяхъ въ короткое время перемерло: у тунгуса Александра Гаузина всѣ дѣти (4-ро); у тунгуса Начеткина—отецъ, два брата и сынъ; у якута Михайлова дочь и сынъ; у тунгуса Егорова съ братомъ 9 душъ; у тунгуса Николая—мать, жена, двое дѣтей и еще въ двухъ тунгусскихъ семьяхъ по 1 человеку. Выздоровленій почти не было. Остальныхъ семей болѣзнь не тронула; двое, схоронившихъ свои семьи перешли жить къ Ныйдскимъ тунгусамъ.

У вторыхъ тунгусовъ—(Ныйдскихъ) дѣло было еще хуже: изъ четырехъ юртъ (семей) одна вымерла поголовно, именно семья Василія Соловьева въ 6 душъ, т. е. самъ онъ, жена, три сына и сестра; въ семьѣ Степана Соловьева 5 мужскаго пола и 4 жепскаго; у Афанасія Прокопьева 8-ро въ юртѣ. Пощаженной осталась только пятая юрта, въ которой живутъ три холостяка—якутъ и два тунгуса. Между прочимъ въ этомъ стойбищѣ вымерли всѣ дѣти; остались одни взрослые и, какъ исключеніе, одна 15-ти лѣтняя дѣвушка. На ряду съ этими очагами стоятъ и гилацкая деревня Тыки. Заболѣванія и смертность здѣсь начались съ зимы и происходили почти до лѣта. Большая часть ихъ происходила на зимникахъ (въ юртахъ—землянкахъ), которые у Тыкскихъ гилаковъ расположены были верстахъ въ 7 отъ лѣтней деревни въ дальнемъ углу Тыкской бухты на устьѣ рѣчки Тыки и на проѣзжемъ зимнемъ тракту изъ Николаевска въ постъ Александровскій. Болѣзнь хватала жертвы всѣхъ возрастовъ и обоюго пола. Изъ одной семьи—гилака «Геймара»—въ 10 человекъ осталось въ живыхъ 3-е, изъ другой—гилака Ланки—въ 8 человекъ—2-е, изъ третьей въ 6 человекъ—гилака Юнда остался 1 и въ четвертой гилака Окисъ изъ 6 человекъ—2-е, да кромѣ того умерла, зарозившись, гостившая тогда въ Тыкахъ у выданной замужъ дочери Вяхтинская старуха—гилачка. Уцѣлѣла только одна семья гилака Умысь, удивительнымъ образомъ не подвергшись заразѣ среди этого ея очага. Остатки пострадавшихъ—малолѣтніе и женщины—частью соединились, поселясь въ юртѣ осиротѣвшаго старика Окиса, частью разбрѣлись, уйдя на материкъ къ Амурскимъ гилакамъ. Къ бѣдѣ причиненной заразой, присоедилилась еще и матеріальная бѣда; деревня, судя по 7-ми лѣтнимъ ея юртамъ и обилію хозяйственныхъ построекъ, а также и выгодному положенію при удобной для рыболовства бухтѣ, куда съѣзжаются даже изъ далека на лѣто гилаки для кеты, богатой и нерпой, была относительно зажиточная и въ одну весну разорена эпидеміей, къ которой присоединилось еще и возмутительное «на озарство» сожженіе трехъ зимниковъ съ хозяйственными постройками какими то проходимцами, четвертый же зимникъ, принадлежавшій вымершей семьѣ гилака Ланки, еще раньше былъ съ санитарной цѣлью сожженъ распоряженіемъ врача, командированнаго на эпидемію, вмѣстѣ съ двумя трупами, тамъ лежавшими, въ томъ числѣ самого Ланки, и со всѣмъ скарбомъ на сумму 150 руб., какъ сообщила несчастная и болѣзненная, оставшаяся въ живыхъ дѣвушка, 17 лѣтняя дочь Ланки, Кегнюкъ, пріютившаяся съ обнищавшей 60-ти лѣтней матерью вдовой Чхезю у Окиса. Эти люди сильно нуждаются въ самомъ необходимомъ и конечно вправѣ рассчитывать на благотворительность и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Въ настоящее время въ Тыкахъ обитаемы только 2 лѣтнихъ юрты, верстахъ въ 4—5 къ ю.-в. отъ мыса того-же названія по южному берегу бухты. Глава пощаженной семьи, гилакъ Умысь, еще съ начала лѣта перевезъ свою жену и дѣтей на Вяхту, гдѣ, пріобрѣвши одинъ изъ брошенныхъ поселенцами послѣ войны домовъ, поселилъ въ немъ свою семью и думаетъ тамъ зимовать постоянно, Окисъ же рассчитываетъ перезимовать какъ нибудь на старомъ мѣстѣ. По размѣрамъ своимъ и послѣдствіями Тыкская эпидемія среди гилаковъ является единственною въ своемъ родѣ. Перехожу теперь къ очагамъ второстепенной интенсивности. Таковыми были: по Тымовскому округу Хазельво, а по Александровскому—Аркво, Чанги, Хои и Танги. Гилацкая деревня Хазельво стоитъ на р. Тыми верстахъ въ 3-хъ и выше по рѣкѣ отъ значительнаго русскаго селенія Славы. Имѣла 4 лѣтнихъ юрты, зимники отояли рядомъ. Зараза разразилась подъ весну, выхватила въ двухъ совмѣстно зимовавшихъ семьяхъ гилаковъ Коркъ и Кливинъ десять жертвъ, а у отдѣльно жившаго гилака Милкъ пять. Остатки—7 человекъ—соединились въ двѣ юрты, имѣя только двухъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, остальные же старики и малолѣтніе. Поголовно выморочныхъ семей не было. Туда изъ с. Рыковского выѣзжалъ «лечить» (слова гилаковъ) т. е. привить здоровыхъ и жечь трупы врачъ съ фельдшеромъ.

У Арковскихъ гиляковъ, большую часть которыхъ пришлость, какъ уже упомянуто выше, встрѣтить вторично въ «Носьбо» на новомъ пепелищѣ при р. Тыми верстахъ въ 5 выше с. Дербинскаго, зараза появилась весной, послѣ проѣзда командированнаго на сѣверъ къ Погибямъ врача, когда часть ихъ перешла уже въ лѣтники на устьѣ Арковской рѣчки и до вторичнаго командирования туда медицинско—санитарной помощи успѣла похватать свои жертвы: въ семьѣ гиляка Кафканъ 6 человекъ, у гиляка Махъ 2, у гиляка Чурки 3 и наконецъ еще семья изъ 5-ти душъ вымерла почти цѣликомъ, остался въ живыхъ лишь кругомъ осиротѣвшій 3-хъ лѣтній мальчикъ—Кралагунъ, приюченный Кафканомъ. Семья гиляка Мрахенъ потерь совсѣмъ не понесла. Уцѣлѣвшіе порѣшили перебраться на новое мѣстожительство въ вышеназванное Носьбо, гдѣ лѣтъ 30 т. назадъ была гиляцкая деревня этого имени, брошенная жителями по причинѣ «стѣнѣнія» со стороны все умножавшагося по сосѣдству ссыльно-поселенческаго элемента, нынѣ же, выходятъ, реставрированная Арковскими гиляками.

Дер. Чанги, съ которой по направленію къ сѣверу до самаго залива Байкала и пачинается собственно сплошной и самый главный на всѣмъ Сахалинѣ районъ постоянного и давнишняго обитанія гиляковъ, лѣтнія юрты имѣетъ расположенными при устьѣ рѣчки «Чанг-и» (или какъ тоже называютъ «Чагхны»), зимники же верстахъ въ 1½ выше по рѣчкѣ. Къ югу отъ нея верстахъ въ 14-15 по берегу кордонъ Тенги. Изъ двухъ составлявшихъ ее семей почти цѣликомъ вымерла подъ весну семья старосты Чагана; уцѣлѣлъ какими-то судьбами одинъ онъ, потерявъ жену, 3-сыновою, дочь, сестру, брата, сноху и племянника, всего 9 душъ. Другая же семья Лямина, потерь не понесла, хотя и жила рядомъ. Дер. Хой (официально почему-то Хоэ) со смѣшаннымъ населеніемъ—гиляки и русскіе поселенцы. Эпидемія тамъ разыгралась весной и унесла 8 жертвъ: вымерла цѣлая семья Тангинскаго гиляка Кучки, поселившагося въ Хой 4 года т. назадъ. Эта семья заболѣла уже въ лѣтней юртѣ въ Апрѣль и въ теченія 5-ти дней перестала существовать. Началось съ хозяина, за нимъ хозяйка, 3 сына и 3 дочери. Сжигать (по обычаю гиляковъ) трупы прѣзжалъ изъ Танги братъ Кучки Сетыгинъ (или по просту «Сетка»). Другихъ гиляцкихъ семей болѣзнь не тронула можетъ быть по тому, что часть ихъ зимовала на Тыми, а перешла къ русскимъ поселенцамъ, сначала въ семью Зиновія Проценки, у котораго переболѣло четверо малолѣтнихъ внучатъ, найденныхъ мною въ бытность у него въ періодъ выздоровленія, затѣмъ уже въ семью Федота Сапрыкина на 16-ти лѣтнюю сожительницу его сына, Пелагею, которую въ 20-хъ числахъ Іюня я наблюдалъ сплошь покрытую струпами.

Въ расположенной верстахъ въ 9—10 южнѣе Хой деревнѣ Танги, тоже со смѣшаннымъ населеніемъ, оспа похитила 7 человекъ, но въ разныхъ, исключительно гиляцкихъ, семьяхъ, болѣе всего обездоливъ уже упомянутаго Сетку (Сетыгина), 23-хъ лѣтняго гиляка, потерявшаго трехъ членовъ семьи, зажиточной, оставшагося съ 2-хъ лѣтнимъ ребенкомъ—сыномъ да 12-ти лѣтнимъ горбуномъ—колѣвкой братомъ на рукахъ въ разгаръ весенней рыболовной «страды». Русскихъ оспа тамъ не тронула. Къ очагамъ третьестепеннымъ приходится отнести остающіеся деревни и стойбища, гдѣ такъ или иначе произошли случаи смертности отъ оспы. По Тымовскому округу такими были Саба и Пелетунъ, а по Александровскому Югвъ, сручай же зарегистрированный въ дер. Мао, въ счетъ не идетъ, потому-что произошелъ хотя и съ гилячкою этой деревни, но на материкѣ, подъ Николаевскомъ, у Амурскихъ гиляковъ, къ которымъ она незадолго передъ тѣмъ переѣхала (вышла замужъ) и гдѣ также свирѣпствовала эпидемія.

Стойбище Саба со смѣшаннымъ населеніемъ, тунгуско—ороченскимъ. Въ немъ двѣ юрты—палатки ороченъ и двѣ тунгусовъ. Кочуютъ больше сообща у обширнаго Пелетунскаго залива (на большинствѣ картъ почему то отсутствующаго), держась впадающей въ него съ запада значительной рѣчки Сабы и ея притоковъ. Уже весной въ соживающихъ въ одной юртѣ семьяхъ ороченъ Семена Алю и Степана Чонкоуда (выборнаго старосты) заболѣло и умерло трое подростковъ (двое женскаго и одинъ мужскаго). У тунгусовъ же въ большой семьѣ довольно зажиточной тунгуски Анны Прокопьевой умеръ младшій ея братъ, хотя и семейный, но жившій нераздѣльно отъ сестры.

Стойбище Пелетунъ—ороченское въ суточномъ при хорошей погодѣ пути водою къ юго-востоку отъ устья рѣчки Сабы черезъ заливъ, лѣтомъ расположено на косѣ, отдѣляющей заливъ отъ моря; зимою же эти орочены кочуютъ къ югу и сѣверу въ тундрахъ вдоль западнаго берега залива, бывая и въ окрестностяхъ еще сѣвернѣе Пелетунскаго находящихся заливовъ: Годоту, Исаби, Одопту и Урдгтъ. Изъ шести семей у нихъ, и то къ веснѣ, заболѣлъ и умеръ всего одинъ ороченъ, Пункноуда, оставивъ жену и двоихъ малолѣтнихъ сыновою, перебравшихся потомъ въ другія семьи.

Недалеко отъ этихъ ороченъ кочуетъ еще одна юрта тунгусовъ, среди которыхъ, но отдѣльно, жилъ нѣкій якутъ Гаврило, женатый на тунгускѣ и имѣвшій отъ нея двоихъ дѣтей. Въ мартѣ та и другія заболѣли и умерли, Гаврило же покинулъ эти мѣста и перебрался къ Лахскимъ (Вангскимъ) тунгусамъ. Послѣднія свѣдѣнія не вошли въ выше приведенныя мною таблицы, т. к. не отъ кого было ихъ почерпнуть въ бытность мою на Пелетунскомъ заливѣ. Потвердились онѣ потомъ, по чему общая цифра смертности по Тымовскому округу должна быть увеличена на 3 (1 тунгуска и 2-е якутовъ по отцу). Деревня Югвъ, находящаяся чуть не въ цѣнтрѣ самаго населеннаго гиляками района, лѣтники свои имѣетъ на самомъ Татарскомъ берегу, зимники же вмѣстѣ съ другими ближайшими деревнями на рѣчки Нганьво примѣрно въ 1 вѣрстѣ отъ лѣтниковъ. Уже весной, когда кругомъ не слышно было про болѣзнь по всему Тамлавинскому району, послѣдняя появляется въ одной изъ трехъ семей этой деревни и уноситъ 3-хъ членовъ ея—всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, оставивъ двухъ вдовъ: Паучикъ 70-ти и Махъ 20-ти лѣтъ съ 4-хъ лѣтнимъ сыномъ послѣдней, Тэномъ, существующихъ теперь лишь иждивеніемъ нетронутыхъ болѣзью семей.

Заканчивая этимъ обзоръ нынѣшней эпидеміи, не лишнимъ считаю, прежде чѣмъ перейти къ

попыткѣ выясненія причинъ ея, указать на тѣ послѣдствія, какія были ею вызваны.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ громадный матеріальный ущербъ, причиненный ею различнымъ инородческимъ группамъ вообще и пострадавшихъ семьямъ въ особенности. Да и не на однихъ инородцахъ должна была отразиться въ неблагоприятномъ смыслѣ эта убыль почти сразу значительнаго числа людей преимущественно рабочаго возраста. Стало быть дѣло прямо ли, косвенно ли, а касается таки общаго экономическаго положенія и значительной части острова. Принимая въ расчетъ и безъ того не высокое благосостояніе громаднаго большинства инородцевъ, мы видимъ теперь совершенно безотрадное—сиротское—положеніе еще недавно относительно зажиточныхъ группъ, какъ на пр. Тыкскихъ гиляковъ, ороченъ Даги и Оркуна, полагать надо и Набилскихъ.

Благодаря же одному исконному обычаю у гиляковъ да и у номинально православныхъ ороченъ и тунгусовъ править похоронную «тризну» всякому умершему, состоящую въ сожженіи и приведеніи въ негодность его оружія, парты, одежды, рыболовныхъ и звѣрловныхъ снастей, лодокъ, въ убіеніи и принесеніи въ жертву его собакъ и оленей (сововершенно подобно тому, какъ было и на Руси въ эпоху язычества), при крайне высокой цѣнѣ на все перечисленное,—рушилось все достояніе семьи; а при частократной смертности въ разсматриваемый періодъ, конечно разрушеніе это во много кратъ усугубилось. Фактовъ на этотъ счетъ у меня имѣется достаточно. Наряду съ этимъ видимъ быстрое уменьшеніе двухъ племенныхъ группъ—орочень и тунгусовъ.

Еще не давно, по регистраціи командированнаго для переписи инородцевъ лѣтомъ 1904-го года чиновника В. С. Иванова, т. е. четыре года тому назадъ, ороченъ числилось 278 душъ, а тунгусовъ 95 душъ. По произведенной же мною переписи, первыхъ остается не болѣе 112 душъ, а вторыхъ 75 душъ. При томъ надо принять во вниманіе, что нынѣшняя эпидемія была только повтореніемъ въ болѣе грозномъ масштабѣ изъ года въ годъ повторяющихся осеннихъ эпидемій.

Со стороны морально—психической эпидемія эта (да надо полагать и всѣ предшествующія) тоже имѣла свои послѣдствія. Нельзя было пройти не замѣтивъ того обычно грустнаго, унылаго и апатичнаго настроенія, какими отличаются въ пострадавшихъ мѣстностяхъ уцѣлевшіе жалкіе остатки населенія, въ особенности остатки семей. Они мрачно, разочарованно и безнадежно смотрятъ на будущее. Есть среди нихъ ставшіе нервными, недоувѣрчивыми, съ подозрѣніемъ относящимися ко всякимъ санитарнымъ мѣрамъ и лицамъ. Все это должно вліять въ свою очередь и на физическую сторону ихъ въ смыслѣ ослабленія и повышенной воспримчивости къ заболѣваніямъ любого свойства.—Упомяну здѣсь кстатѣ, что не смотря на самыя «отчаянныя» подчасъ положенія потерпѣвшихъ, ни когда однако не приходилось слышать о самоубійствахъ или попыткахъ къ нимъ, равно не приходилось видѣть и больныхъ психически (сошедшихъ съ ума) подъ вліяніемъ перенесеннаго бѣдствія.

2) Санитарно-гигіеническія условія и обстановка. Причины эпидеміи.

Для выясненія причинъ періодически повторяющихся массовыхъ заболѣваній оспой среди инородцевъ надо прежде всего знать тѣ условія и обстановку, въ какихъ и среди которой они живутъ, другими словами познакомиться съ ихъ такъ сказать матеріальнымъ бытомъ, т. к. въ немъ то главнымъ образомъ и придется встрѣтить эти причины. Начну съ жилищъ. Онѣ, какъ извѣстно, раздѣляются на лѣтнія и зимнія, что стоитъ въ прямой зависимости отъ образа жизни инородческихъ племенныхъ группъ—осѣдлыхъ (или вѣрнѣе полусѣдлыхъ) гиляковъ, кочевыхъ тунгусовъ, и составляющихъ переходную въ этомъ отношеніи ступень между первыми и вторыми, ороченъ.

У гиляковъ лѣтними жилищами служатъ либо, именуемая русскими, собственно юрты (по гиляцки «Туфъ»), всегда стоящія прямо на землѣ низкіе бревенчатые срубы, крытые на два ската обыкновенно древесной корой (лубомъ), съ дымовымъ отверстіемъ въ крышѣ, безъ оконъ, съ одной маленькой дверкой—лазейкой, въ которую большею частью съ трудомъ пролезетъ взрослый человѣкъ. Крыша служитъ и потолкомъ, полъ настланъ только у болѣе зажиточныхъ. Бревна сруба всегда тонкія и рѣдко вплотную пригнаны и проконопачены. Большею частью срубъ раздѣленъ на двѣ половины поперекъ, тогда передняя половина не жилая,—служитъ обыкновенно собачникомъ въ ненастье и биткомъ набита собаками всѣхъ возрастѣвъ. Въ жилой половинѣ оередину занимаетъ очагъ («тушь» по гиляцки), т. е. продолговато—четырёхъ-угольный $\frac{1}{2}$ аршинной примѣрно высоты надъ землей (или поломъ) досчатый заплотъ, почти въ уровень съ краями засыпанный землей (или пескомъ), на которомъ и разводять огонь прямо костромъ. Въ квадратную прямо надъ нимъ дыру въ крышѣ выходитъ часть дыма въ тихую погоду и при закрытой входной двери, въ противномъ случаѣ дымъ застилаетъ все помѣщеніе и выживаетъ вонь все живое, не смотря на всякія ухищренія заслонить досками эту крышевую дыру снаружи съ подвѣтренной стороны, поэтому всякая новая юрта быстро покрывается внутри слоємъ сажи, а про старыя и говорить нечего. Въ разстояніи шага (въ среднемъ) отъ очага и на одной высотѣ съ его краями съ трехъ оторочъ настланы досчатые нары, обыкновенно шириною въ средній ростъ человѣка. Стѣна (или перегородка), въ которой входная дверь—лазейка, обыкновенно свободна отъ нары. Между верхними краями сруба вдоль и поперекъ помѣщенія протянуты жерди надъ очагомъ, къ нимъ на крюкахъ подвѣшиваютъ котлы и развѣшиваютъ сушить одежду и всякую рухлядь.

Въ самыхъ высокихъ юртахъ трудно пройти не задѣвъ головой покрытыхъ сажею этихъ жердей, надо нагибаться. Весь срубъ обыкновенно продолговато—четырёхъ-угольный, площадь, имъ занимаемая различна, но просторъ помѣщенія составляетъ рѣдкое исключеніе, тѣснота преобладаетъ.

Проживаніе въ тѣсной юртѣ двухъ и болѣе семей, всякихъ «временныхъ» жильцовъ—обычное явленіе. На нарахъ «постели», т. е. не выдѣланные оленьи и собачьи шкуры, всякая одежда, иногда

подушки, тут же сундучки или ящики для болѣе цѣнныхъ вещей, утварь; всякая опрятность, за весьма рѣдкими исключительными случаями, совершенно игнорируется. Утварь — котлы, чайники (мѣдные и желѣзные), деревянные лотки — блюда и чериаки, берестяныя ведра вродѣ корзины, покупные чашки и кружки для чая, низкіе столики («Шырш» по гилячки) для ѣды, даже развѣшанныя по стѣнамъ или сваленныя по угламъ нарѣ болѣе цѣнные предметы — рыболовныя и звѣроловныя снасти и оружіе — все невообразимо грязно содержится. Подъ нары сбрасывается всякій негодный хламъ, объѣдки и отбросы не бросаются только на очагъ, какъ священное мѣсто, и тѣмъ не менѣе рѣдко можно встрѣтить опрятный очагъ. Собаки (щенки и взрослые) лазятъ подъ ногами людей, собираютъ отбросы, вылизываютъ котлы, утварь и посуду и прогоняются, только когда ужь очень донимаютъ. Варятъ для нихъ кормъ въ тѣхъ же котлахъ, что и себѣ пищу, въ которую какъ лучшее блюдо, попадаютъ и сами собаки, и тщательной очистки какой бы то ни было посуды мнѣ не приходилось наблюдать. Любимыя собаки нерѣдко лежатъ на нарахъ, а также и тѣ псы ихъ, которыхъ по обычаю привязываютъ на томъ мѣстѣ нарѣ, гдѣ скончался какой либо членъ семьи отъ какой бы то ни было причины. Это еще болѣе заполняетъ и безъ того тѣсное помѣщеніе. Тутъ же и грудныя дѣти, спелененныя въ своихъ корытообразныхъ деревянныхъ люлькахъ, приспособленныхъ для носки на спинѣ матерей въ путешествіи. Люльки эти стоймя подвѣшены къ жердямъ надъ нарами. Вся стряпня производится на нарахъ же, равно и женскія рукодѣлія. Дымъ очага смѣшивается съ чадомъ подгорѣвшаго жира, паромъ всякаго варева и табачнымъ дымомъ «манчжурскій» или махорки изъ невыпускаемыхъ изо рта трубокъ обитателей обоого пола и всѣхъ возрастовъ, т. е. курятъ поголовно и только «когда не спятъ». Пришлось наблюдать, какъ хозяйка гилячка, приготовляя угощеніе посѣтителемъ и вынимая грязными до нельзя руками куски вареной рыбы изъ котла на лотокъ, донимаемая головными паразитами, пальцами лѣвой руки поймала въ своихъ волосахъ одного, раздавила ногтями и не вытеревъ ихъ даже о платье, продолжала укладку и не смущаясь подала рыбу гостямъ, а тѣ приняли ее тѣмъ же порядкомъ и преспокойно кушали. Женатыя, холостыя, дѣти, женщины, дѣвушки, свои и чужіе, хотябы случайно попавшіе въ юрту, располагаются на ночлегъ на тѣсныхъ нарахъ, нисколько не стѣняясь, если бы пришлось раздѣться до нага, чтобы посушить промокшую одежду, нарѣ отъ которой присоединяется къ общему букету помѣщенія. Но снимать одежду приходится не всегда и не вѣзмъ обитателямъ юрты, даже наоборотъ, снять болѣею частью въ одеждѣ, т. е. ночью «тушь» потухаетъ почти и дѣлается холодно, а юрта служитъ защитой болѣе отъ вѣтра и дождя. Въ одеждѣ не только спать, но ее носить до тѣхъ поръ, пока она не изветшаетъ настолько, что сама станетъ сваливаться, о бѣльѣ (по нашимъ понятіямъ) и его смѣнѣ гилячки еще не имѣютъ должнаго представленія, по крайней мѣрѣ рубахъ они не носятъ, а короткіе бѣлой дрели штаны, доходящіе до половины бедеръ никогда не мѣняются, вплоть до износа. Въмѣсто рубахъ у обоихъ половъ китайскаго покроя крофты ввидѣ курмы, но подлиннѣе. Этихъ курмъ носить сразу по нѣсколько одна на другой, сообразно съ вѣшной температурой. Нижнія шьются изъ китайской дабы или дрели, верхнія изъ другихъ, болѣе плотныхъ матерій, до сѣраго солдатскаго сукна включительно. Поверхъ лѣтомъ и зимою носятъ короткіе ергаки изъ собачьихъ шкуръ шерстью вверхъ. Въмѣсто настоящихъ штановъ у нихъ набедренники на китайскій ладъ и различной матеріи, простые и стеганныя на ватѣ, нерѣдко изъ собачьихъ шкуръ. Въ ходу также особыя халаты изъ яркихъ легкихъ матерій или пписа, изъ котораго шьются у болѣе зажиточныхъ также женскія костюмы вродѣ блузокъ. Исподній костюмъ у женщинъ и мужчинъ одинаковъ. Обувь — почти исключительно перпичьи торбоза, при чемъ носки, чулки или даже портянки не входу, а ихъ замѣняютъ особая мягкая болотная трава, которую въ сушеномъ видѣ и кладутъ въ обувь, какъ подстилку. За рѣдкими исключеніями, вся одежда крайне грязна, засалена, пропитана всякими миазмами, валяются въ ней, кромѣ юртъ, гдѣ ни попало. Обычай носить длинные волосы, заплетаемые въ косу (у дѣвушекъ въ двѣ), при недостаткѣ времени для ухода за ними, а то и просто по свойственной гилякамъ неряшливости, способствуютъ гнѣзженію паразитовъ, отыскиваніе которыхъ въ головѣ составляетъ у нихъ повидимому также, какъ и у нашихъ простолудпцовъ, пріятное развлеченіе. Благопріятной средой для паразитовъ служиго конечно и одежда. Надо полагать и не безъ основанія, что паразиты сыграли вообще извѣстную роль въ дѣлѣ распространенія эпидеміи. Обыкновенія мыться или умываться почти не существуетъ. Возвращаюсь однаго къ жилищамъ. У многихъ гиляковъ, а на западномъ берегу, пожалуй, и у большинства, лѣтними жилищами служатъ не юрты собственно, а приспособленныя амбары или, какъ чаще сами называютъ, «цехаузы». Послѣдніе всегда стоятъ на столбахъ (стойкахъ) аршина на 2¹/₂ надъ землей, служа обыкновенно складомъ юколы и другихъ продуктовъ, равно и кое-какого скарба. Они бываютъ различныхъ размѣровъ, но всегда продолговато-четыреугольной формы и по виду, матеріалу и внутреннему устройству являются тѣми же юртами, но на столбахъ, что бы не могли залѣзть въ нихъ собаки и другія животныя. Полы въ нихъ представляютъ рядъ не особенно плотно лежащихъ поперегъ довольно тонкихъ жердей, что имѣетъ значеніе для большого доступа воздуха снизу, т. е. для сушки юколы. Если такой «цехаузъ» обитаемъ, то въ немъ ставятъ «тушь», продѣлываютъ дымовое отверстіе въ крышѣ и стелятъ нары. Лѣстницею почти всегда служитъ нетолстое бревно съ зарубками, приставляемое спереди у входа. Къ столбамъ (стойкамъ) привязываютъ нередко собакъ, овѣ тогда имѣютъ подъ цехаузомъ спасеніе отъ дождя. Въ Тамлавинскомъ районѣ, куда на ходъ кѣты собирается много гиляковъ изъ другихъ бѣдныхъ кѣтою мѣстностей, почти всѣ наличныя амбары въ деревняхъ обращаются въ жилища и даже въ селеніи Рыбномъ я видѣлъ поселенца живущаго въ такомъ амбарѣ. Само собою понятно, что нагрѣтъ «тушемъ» амбаръ труднѣе, чѣмъ юрту, почему они еще холоднѣе послѣднихъ. Неопрятность и скученность въ нихъ та же, что и въ юртахъ.

Такъ какъ главнымъ жизненнымъ продуктомъ гиляковъ и содержимой ими массы собакъ служить рыба въ свѣжемъ и вяленномъ (юкола) видѣ, то какъ только мало мальски вскрыется рѣчки и очистится отъ льдовъ море, они выбираютъ изъ своихъ зимниковъ въ лѣтнія юрты, зачастую не

близко расположенныя, но непременно на удобныхъ для лова мѣстахъ. совершая переѣзды, гдѣ нужно, еще по нартовому пути и пребываютъ тамъ до зимы, такъ что лѣтнія ихъ деревни и вся лѣтняя обстановка носятъ характеръ исключительно рыбацкій. Если погода благоприятна, на лова далеко или близко (глядя по мѣсту) отправляются утромъ всѣ здоровые мужчины и мужского пола подростки, возвращаясь въ первомъ случаѣ около полудня, а во второмъ къ ночи. Женщины и дѣти остаются обыкновенно дома. Въ дурную погоду, а она бываетъ чаще хорошей, въ буквальномъ смыслѣ лежатъ всѣ дома, вылезая лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, и такъ по нѣсколькимъ дней кряду. Въ это время навѣшанная на сушилахъ, стоящихъ передъ каждой юртой и деревней, юкола не вилится а подгниваетъ, по ней ползаютъ черви и валяются подъ сушилами, зачастую покрывая на порядочное пространство вокругъ землю, подобно разсыпанному рису. хрустя подъ ногами случайно проходящихъ людей. Если сушила стоятъ близко къ рѣчкѣ, нерѣдко служащей единственнымъ источникомъ питьевой и вообще пресной воды для деревни, черви покрываютъ и прибрежную полосу воды, такъ что черпать ее, особенно въ потьмахъ, надо съ оглядкой или уходить для этого выше по теченію, что не всегда удобно по причинѣ крутыхъ, обрывистыхъ береговъ. Гдѣ вовсе нѣтъ поблизости пресной воды ввидѣ рѣчекъ, пресныхъ озеръ или ключей, гиляки роютъ узкіе колодцы иногда довольно глубокіе (сажень 5 — 8), запуская въ нихъ желоба или обставляя жердями, а снаружи ставятъ обыкновенно вмѣсто сруба боченокъ безъ дна, чтобы не лазили собаки. Бочки можно найти всюду—ихъ даютъ посѣщающіе берега суда, а то выбрасываетъ и море. Воду добываютъ берестяной корзинкой на длинномъ шестѣ. Собаки въ такихъ случаяхъ сами роютъ себѣ колодцы, инстинктивно находя гдѣ нибудь въ окрестности грунтовую пресную воду или опреснѣвшую путемъ естественной фильтраціи воду, наводя можетъ быть на нее иногда и людей. Зловоніе, издаваемое юкольными сушилами и кучами отбросовъ отъ чистки рыбы, не съѣдаемыхъ собаками, вслѣдствіе обилія, проникаетъ всюду и далеко разносится кругомъ, такъ что за версту и болѣе по вѣтру можно узнать присутствіе гиляцкой деревни, еще не видя ея. Лишь только проглянетъ солнце и чуточку потеплѣетъ, рои мухъ покрываютъ и сушила и все окружающее. Около юртъ и во всемъ околѣдкѣ въ изобиліи собачья нечистоты. Надо обладать вообще солиднымъ запасомъ небрезгливости, что бы даже при извѣстной привычкѣ и полномъ сознаніи необходимости, невозмутимо пребывать болѣе или менѣе долгое время въ этихъ жилищахъ и селеніяхъ. Бывали случаи, когда сами аборигены указывали, что у нихъ «шибко воняетъ» и «шибко грязно».

Кромѣ рыбы, гиляки употребляютъ въ пищу мясо всѣхъ дикихъ животныхъ и птицъ, существующихъ какъ въ морской, такъ и въ сухопутной фаунѣ острова, какія только могутъ попасться имъ въ руки и не бѣгать, кажется, только воронъ. Изъ домашнихъ животныхъ, каковыми у нихъ служатъ исключительно собаки, послѣднія считаются даже лакомствомъ. Они, впрочемъ, выкармливаютъ еще медвѣдей для «медвѣжьяго праздника» и лисицъ «на шкурки», мясо которыхъ тоже идетъ въ дѣло. Иногда море даритъ имъ крупныхъ животныхъ, выбрасывая на берегъ дохлаго кита или дельфина. На такой «праздникъ», какъ и на «медвѣжій» съѣзжаются всѣ окрестные жители со своими собаками и разрубая на огромные куски жиръ и мясо, до отвала накармливаютъ имъ собакъ, увозятъ прозапасъ и, если трупъ животного еще не издастъ сильнаго зловонія, т. е. не сильно загнилъ, то потребляютъ и сами. Изъ продуктовъ растительныхъ, приобретаемыхъ покупкою или вымѣниваемыхъ на рыбу и пушнину, они въ скудномъ количествѣ и не часто потребляютъ рисъ, крупчатку и сахаръ, чай же и табакъ постоянно, изъ мѣстной же флоры—ягоды: морошку, голубику, особую «моховую ягоду», бруснику, и клюкву, рѣже малину и смородину. Въ большомъ ходу у нихъ сушенныя клубни «саранки» (капка по гиляцки), заготавливаемая впрокъ и развариваемая въ кашу, запасовъ же ягоды они почемуто не дѣлаютъ, равно не пользуются и грибами. Въ настоящее время они уже почти не обходятся безъ соли, пользуются ею исключительно, какъ приправой. Не смотря на обиліе рыбы (даже и въ скудные ея года) и достаточное количество пернатыхъ и звѣря въ недалекомъ относительно сосѣдствѣ, гиляки, частью по врожденной у первобытныхъ людей безпечности, частью по не совершенству способовъ добыванія и консервирования продуктовъ лова, никогда запасомъ продовольствія обезпечены не бываютъ, а потому при первомъ же случаѣ (особенно подъ исходъ зимы) подвержены недоѣданію и голодовкамъ. Не будучи, повидимому вообще сильно привязанными къ насиженнымъ мѣстамъ, они часто по такимъ случаямъ бросаютъ свои юрты и переселяются на другія мѣста, сваливая всѣ неудачи и бѣдствія на «фартъ», въ который твердо вѣрятъ и который, кажется, не малую роль играетъ въ ихъ религіозномъ культѣ. Такихъ брошенныхъ юртъ и цѣлыхъ деревень можно насчитать не мало, принявъ въ расчетъ нестѣсняемость растояніями при этихъ переселеніяхъ, не будетъ ошибкою считать гиляковъ племенемъ полукочевымъ. Бываетъ нерѣдко, что большую часть лѣта, а то и все лѣто, какая нибудь семья (или двѣ—три), проживаетъ въ кое-какъ устроенномъ балаганчикѣ или палаткѣ, въ какой нибудь мѣстности, облюбованной съ весны, рыбачить тамъ и сушить юколу, совершенно вдали отъ своего зимника и лѣтника и не зная еще, стоитъ ли туда возвращаться, устраивать ли зимникъ здѣсь или просто перезимовать у первыхъ ближайшихъ гиляковъ, что зачастую и практикуется. Зимнимъ жилищемъ гиляковъ служатъ зимняя юрта (официальное скорѣе названіе) или попросту зимикъ или, какъ сами они называютъ «тульфъ-туфъ». Существуетъ ихъ нѣсколько типовъ, но обычно распространенный—это четырехъ-угольная съ закругленными углами (или шестигульная) землянка съ выложенными изъ внутри жердями вплотную (или тонкими бревнами) покатыми и «подъ сводъ» стѣнами. Иногда она углублена въ землю по самый сводъ и тогда входъ въ нее, слѣвно въ нору; тѣсный и узкій проходъ, которымъ надо ползти, приводитъ къ локу, какъ въ погребъ, и что бы попасть внутрь, нужно прыгнуть, т. е. ступеньки не всегда бываютъ да и трудно разглядѣть ихъ въ потемкахъ и съ яркаго дневного свѣта. Иногда зимникъ стоитъ въ уровень съ землей; тогда онъ имѣетъ снаружи пристройку изъ луба или жердей—нѣчто вродѣ сѣней, изъ которыхъ внутрь ведетъ дверка. Въ обоихъ случаяхъ сверху зимникъ обложенъ толстымъ слоемъ земли. Если зимникъ старый, то за лѣто внѣшняя его поверх-

ность густо обростает травой и кустарником, что еще укрѣпляет и уютняет этот блиндаж. Зимой, понятно, вся постройка лежитъ подъ снѣгомъ и присутствіе жилья обнаруживается лишь дымкомъ да зловоніемъ да собачьимъ лемъ или воемъ. Во внутреннемъ устройствѣ разница бываетъ, кажется, лишь въ способѣ отопленія. По стѣнамъ тѣ же нары. Всюду также копоть и сажа. Настилка пола, кажется, необязательна. Если въ зимникѣ обычный «тушъ», то надъ нимъ въ сводѣ продѣлана дымовая дыра, когда нужно закрываемая. Но нерѣдко (чаще на западномъ берегу) въ зимникѣ, вмѣсто «туша», въ одномъ изъ угловъ, обыкновенно ближе къ двери, устроенъ настоящий каминъ. Его «подъ», нѣсколько возвышаясь надъ поломъ, выступаетъ впередъ, обложенъ досками и набитъ землей. Бока изъ обмазанныхъ глиною жердей и такую же спинкою сведены полукругомъ и выведены наружу въ трубу того же матеріала, дающую порядочную тягу. Дрова ставятся на «подъ» каминна стоймя, прислоняясь къ спинкѣ; такой каминъ дымить только въ сильный вѣтеръ, даетъ довольно тепла; но варку производить на немъ менѣе удобно, чѣмъ на очагѣ, т. к. меньше мѣста и огонь приходится сбоку. Иногда въ одной изъ стѣнъ продѣлано крохотное окошечко съ кусочкомъ стекла, изрѣдка оконца бываютъ побольше, приходилось видѣть даже недурно приспособленные окна съ судовыхъ рубокъ, какъ дары моря—т. е. съ судовъ, потерпѣвшихъ аварію у берега. Если нѣтъ стеколъ, дневное освѣщеніе кое-какъ проникаетъ черезъ дымовую дыру или же его вовсе нѣтъ—замѣняется свѣтомъ очага, а кое гдѣ и лампочкой. Такъ какъ зимниковъ всегда бываетъ значительно меньше, чѣмъ лѣтнихъ юртъ, при томъ обычно нѣсколько сосѣднихъ деревень имѣютъ общіе зимники, а размѣры ихъ далеко не всегда соответвуютъ потребности, то скученность обитателей въ нихъ и всѣ неблагоприятныя ея послѣдствія доходятъ до невозможности тѣмъ болѣе, что обитатели нисколько не измѣняютъ на зиму овоихъ привычекъ и обычаевъ къ лучшему, если не на оборотъ. На заливѣ Байкаль и сѣвернѣе, кое гдѣ и на восточномъ берегу, встрѣчаются зимники иного типа—состоящіе изъ прочныхъ срубковъ, не особенно низкихъ, довольно просторныхъ, ввидѣ избъ, но съ плоской, также блиндированной крышей. Какъ исключеніе, въ Тамлавинскомъ районѣ пришлось въ двухъ мѣстахъ видѣть и лѣтнія жилища типа, такъ сказать, избяннаго, съ настоящими окнами, дверями и желѣзной печкой, могущія служить одновременно и зимникомъ. Какъ говорятъ, такіа жилища теперь въ ходу у амурскихъ гиляковъ.

Гилякъ дер. Лангари Кечкунъ (Сахалинскаго, т. к. есть и Амурское) зимуетъ въ зданіи казеннаго кордона, тамъ находящаго, но жалуется, что въ немъ холодно.

Значительная часть взрослого мужского населенія у гиляковъ съ Октября до половины Декабря живетъ «таежной» жизнью, отправляясь иногда на 100 и болѣе верстъ отъ своихъ семей на ловъ соболей и другихъ пушныхъ звѣрей. Жильемъ тогда имъ служатъ особыя «избушки», нерѣдко сносно устроенныя для своей цѣли, продовольствуются они немногими взятыми изъ дому продуктами и мясомъ добытыхъ животныхъ, при чемъ мясо соболя считается самымъ лакомымъ блюдомъ. Грѣсти сказать, что гиляки никогда не жарятъ мяса и рыбы на очагѣ, что считается грѣхомъ по ихъ обычаямъ, а когда нужно, то пекутъ то и другое на лучинкахъ у огня. Тѣмъ же способомъ изготовляютъ они лепешки изъ крупчатой муки, нѣчто вродѣ опрессоковъ, замѣсивъ тѣсто на водѣ и размазавъ его на крестообразно сложанныхъ лучинкахъ, воткнутыхъ у огня и поворачиваемыхъ къ нему то одной, то другой стороной. Варя мясо—или рыбу, вывареннаго бульона или ухи сами никогда не ѣдятъ, отдавая или собакамъ, или выливая на землю, равно не ѣдятъ рыбьей икры и молокъ, засушивая первую на кормъ собакамъ, а вторыя просто выбрасывая. Такова въ общихъ чертахъ жизненная обстановка гиляковъ.

Перехожу къ тунгусамъ.

Въ полную противоположность гилякамъ они не только не строятъ себѣ болѣе или менѣе постоянныхъ жилищъ, но даже не имѣютъ и переносныхъ юртъ, какъ напр. степные кочевники. о которыхъ извѣстно, что ихъ кибитки съ раздвижными остовами перевозятся выючнымъ порядкомъ при перекочевкахъ, а у многихъ на зиму есть и землянки. Тунгусы перевозятъ съ собой лишь покрывку (внѣшнюю оболочку) своихъ лѣтнихъ и зимнихъ палатокъ, т. е. въ первомъ случаѣ холщевыя (или другой не тяжелой матеріи) полога, а во второмъ еще, сшитыя пологомъ, оленьи шкуры. Остовъ же палатки, состоящій изъ составленныхъ конусообразно и связанныхъ между собой у вершинки жердей, добываемыхъ чаще всего тутъ же по сосѣдству съ мѣстомъ пребыванія, они оставляютъ или бросаютъ, т. к. матеріала этого всюду вдоволь, возить же палаточные жерди выюкомъ на оленѣ по таежнымъ и тундрянымъ мѣстамъ хлопотливо и затруднительно. Сахалинскіе тунгусы кочуютъ, какъ было уже выше упомянуто, двумя группами по западному побережью и тремя по восточному, нераздѣльно съ немногими якутами, составляя въ общемъ ничтожную горсть людей по сравненію съ гиляками и если послѣднихъ считать элементомъ полукочевымъ, то первые (что собственно будетъ вѣрнѣе) могутъ быть названы «бродячими», такъ какъ не одно оленеводство составляетъ ихъ постоянное занятіе, но въ равной мѣрѣ и звѣроловство. Обтягивая палатку, они оставляютъ ея вершинку примѣрно на полъ аршина или нѣсколько болѣе открытою.

Въ получившееся отверстіе выходитъ дымъ отъ разложеннаго въ палаткѣ прямо на землѣ костра. Никакого очага, ни какой мебели въ палаткахъ нѣтъ. Мѣсто костра отдѣляютъ въ ней отъ прочей площади □-образно положенными на землю жердочками такимъ образомъ, что открытая часть этой фигуры обращена ко входу, т. е. промежутку между двумя жердинами остова съ откидной наружу полкой съ прикрѣпленной по борту ея палочкой, чтобы не завертывалась и плотнѣй прилегала. Войти и выйти изъ палатки можно только изрядно нагнувшись. Кромѣ мѣста костра, остальная площадь устилается «лапками»—т. е. нарубленными вѣточками хвойныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Сидятъ всѣ по обычаю поджавши ноги («по турецки») или непосредственно на «лапкахъ» или на разосланныхъ оленьихъ шкурахъ, которыя служатъ и постелью. Въ ходу и небольшія подушки изъ пера или шерсти въ засаленныхъ ситцевыхъ наволокахъ, а также миниатюрные круглые столики не болѣе аршина діаметромъ и двухъ—трехъ вершковъ высотой.

Лѣтомъ отъ комаровъ, мошки и пауза употребляютъ на ночь особыя полога, подвѣшиваемыя въ жердинамъ, имѣющіе видъ низкаго куба. Размѣры палатокъ бываютъ различны, въ зависимости отъ числа обитателей, въ среднемъ шаговъ 6—8 діаметромъ въ основаніи и сажени 1½ высотой конуса. Весь скудный скарбъ постоянно содержится въ небольшихъ сумакъ, частью въ палаткѣ у стѣнокъ, большей же частью до педантичности аккуратно составленнымъ въ рядъ съ оленьими сѣдлами возлѣ палатки и бережно покрытымъ пологами или брезентомъ. Даже обиходная чайная посуда и та хранится въ сумакъ. Не упрятаны только котелки для варки пищи да почти не снимаемые съ огня желѣзные или мѣдные чайники. Противъ входа къ стѣнкѣ прикрѣплены складныя маленькія иконки, тутъ же или по бокамъ стоятъ или висятъ бережно сохраняемые въ чехлахъ изъ оленьихъ лапъ ружья («съ сошками»). Въ палаткахъ только и можно сидѣть или лежать, т. к. выше дымно отъ костра и трубокъ—всѣ курятъ поголовно. Поставить или снять палатку, а равно и весь таборъ дѣло весьма не продолжительное. Выборомъ мѣста для стойбища тунгусы не стѣсняются, были бы близко кормъ для оленей, вода и топливо. Они ставятъ свои палатки и среди болота, такъ что вода хлюпаетъ въ нихъ подъ ногами и сидѣньемъ, и на сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ среди зарослей кедровника и среди песчаныхъ дюнь. Теплою они болѣе чѣмъ не избалованы, ихъ одежда и обувь почти постоянно пропитана атмосферной и болотной влагой, т. к. даже въ лучшіе лѣтніе дни они не избавлены отъ дѣйствія тумановъ, по части же отопленія и вѣшней непроницаемости самая плохая гилляцкая юрта конечно много надежнѣе самой лучше тунгусской палатки. Понятно, что сколько не закупоривать верхнее отверстіе въ ней въ зимнія стужи, единственное спасеніе ея обитателей въ теплой одеждѣ, которой всю зиму они и не снимаютъ. Она состоитъ изъ мѣховыхъ шубъ полуевропейскаго покроя и ергаковъ, мѣховыхъ шапокъ и рукавиць, на ногахъ носятъ торбаса—изъ оленьихъ лапъ и мѣховыя чулки. Сахалинскіе тунгусы (равно и якуты, которыхъ по виду не всегда и отличить отъ первыхъ) уже утратили свой самобытный національный костюмъ. Будучи, какъ сами они себя называютъ «хрещеными», т. е. православными номинально, они носятъ одежду, спитую на русской ладъ, т. е. широкіе пиджаки, шаровары и короткіе жилеты, обыкновенно суконныя, предпочитая однако свѣтлыя металлическія пуговицы на нихъ всѣмъ остальнымъ сортамъ. Носятъ ситцевыя и шерстяныя рубахи, шитыя блузой, съ откиднымъ воротникомъ и обыкновенно безъ пояса. Яркіе цвѣта предпочитаютъ, равно и плизъ, какъ матеріалъ на шаровары (изъ сукна или плизы). Лѣтомъ на мужчинахъ фуражки или шляпы, женщины носятъ «головки» и платки. Мужчины коротко стригутся, оставляя спереди «чубъ», женщины заплетаютъ волосы въ косы. Лѣтнею обувью служатъ особыя суконныя поршни иногда пришитыя къ узкимъ панталонамъ, что дѣлаетъ такой костюмъ удобнымъ для ходьбы по болотамъ. Въ своемъ несложномъ и чисто бивачномъ обиходѣ тунгусы много чистоплотнѣе гилляковъ, но зато гораздо болѣе ихъ подвергнуты неблагоприятному вліянію сырости и холода. Питаются они лучше гилляковъ. Главнымъ жизненнымъ продуктомъ круглый годъ служить мясо домашняго или дикаго оленя, рыба же и черная дичь являются къ нему подспорьемъ. Мяса они не консервируютъ, немного же юколы и то больше приобретаемой отъ гилляковъ, держать для немногихъ своихъ охотничьихъ собакъ. Обладая большими средствами, чѣмъ гилляки, выручаемыми отъ продажи пушнина, благодаря болѣе совершеннымъ способамъ этого промысла и производствомъ его въ болѣе широкихъ размѣрахъ и предѣлахъ, чѣмъ у гилляковъ, они имѣютъ возможность держать запасы крупчатой муки, коровьяго масла и риса, почему лепешки, оладьи и каша составляютъ почти ежедневную ихъ растительную пищу, равно и чай. Овощи же у нихъ невходу вовсе, ягоды только въ свой сезонъ. Оленье молоко въ небольшомъ количествѣ идетъ къ чаю. Относительное богатство при ихъ врожденной живости, подвижности и общительности (въ полную противоположность характеру гилляковъ), заставляющей ихъ посѣщать въ теченіе года различные центры торговли, не стѣняясь расстояніемъ (лѣтомъ верхомъ на оленяхъ, зимой оленьими нартами), и ихъ экономическое и административное тяготеніе къ Николаевску, куда зимою они представляютъ Ясакъ и «Орлиному озеру» въ Удской округѣ, куда они ѣздятъ зимою же не то на ярмарку, не то на своего рода сеймъ, все это даетъ имъ возможность относительно часто пользоваться «благодѣемъ культуры» ввидѣ спирта и водки, до которыхъ они гораздо болѣе падки, чѣмъ всѣ другіе инородцы. Будучи по натурѣ торгашами, плутоватыми, расчетливыми и прижимистыми, стараются сбыть все свое повыгоднѣе и подороже и всячески обезцѣнить все чужое, они наоборотъ, на спиртъ и водку не жалѣютъ ничего и не смущаются ни какими цѣнами на нихъ, лишь бы раздобыться страстно любимой влагой и пришлось наблюдать, какъ ради бутылки водки, и даже меньше, они ходили и ѣздили за нѣсколькими десятковъ верстъ, по мокреди, съ почевками на глубокихъ и опасныхъ переправахъ, теряя дорогое время, когда мѣтятъ молодыхъ оленей, рискуя далеко отстать или потерять ушедшій въ другую сторону таборъ. Добывъ водки, выпиваютъ ее всю, рѣдко оставляя, напиваются въ лоскъ, а на другой день «болѣютъ», отлеживаясь или бродятъ, какъ тѣли и ни на какую работу не способны. Если водка попала на стойбище, хотя бы одному, дѣлятся съ другими; если ея попало побольше—напивается быстро все стойбище, мужчины больше, женщины меньше. Заводятся ссоры, крикъ, драки, хватаются за оружіе, которое женщины стараются поскорѣе припрятать. Бражничаютъ и шумятъ, хотя бы и ночь безъ просыпа, пока не выпьютъ всего. Въ это время забываютъ о всемъ своемъ хозяйствѣ и оленяхъ, которые нерѣдко уходятъ на многіе десятки верстъ въ тайгу, а хватившіеся ихъ на утро тунгусы съ похмѣлья не въ состояніи идти за ними на поиски. Проходитъ еще день, идутъ пѣшкомъ въ разныя стороны отыскивать, но олени на мѣстѣ не стоятъ, поиски длятся по нѣсколькимъ днямъ, отыскивающіе выйдя на легкѣ терпятъ въ тайгѣ голодь и холодъ, а оставшіеся дома сидятъ въ ожиданіи безъ молока и мяса, пробавляясь однимъ пустымъ чаемъ, не будучи въ состояніи двинуться никуда и только вздыхаютъ уныло. Иногда оленей удается розыскать, зарканить и пригнать, спустя недѣлю, и то часть только ушедшихъ. Остальная же часть разыскивается не скоро и не всегда—разгоняетъ и ловить хищный звѣрь, да и человекъ иной небрезгуетъ убить такого оленя, вмѣсто дикаго. Какъ только кормъ—оленій мохъ—въ окрестности болѣе или менѣе стравленъ, въ часъ—

другой собирается таборъ, весь скарбъ навьючивается лѣтомъ на оленей, привязываемыхъ гускомъ другъ къ другу, мужчины и женщины врыгиваютъ въ сѣдла на верховыхъ оленей, дѣтей, кромѣ грудныхъ, тоже усаживаютъ въ особыя сѣдла съ перильцами, что бы не свалились, а грудныхъ матерями въ люлькахъ—носилкахъ вродѣ гиляцкихъ, и въ нѣсколько эшелоновъ небольшими караванами выступаютъ на другія мѣста безо всякихъ дорогъ и тропь, идя прямо «цѣбликомъ» въ нужномъ направленіи болотами и тайгой, падами и хребтами, завалами и бродами. Управляютъ верховыми оленями при помощи палки и ногъ, сидя въ сѣдлѣ сдвинутомъ на холку оленя, т. к. спина у него слаба, и безъ стремянъ, вьючные привязываются къ верховымъ арканами и побуждаются крикомъ. Мелкорослые фигуры людей мелькаютъ среди лѣса большихъ вѣтвистыхъ роговъ животныхъ, помѣщаясь между рогами тѣхъ, на которыхъ сидятъ. Въ пути тунгусы ориентируются замѣчательно быстро и вѣрно по примѣтамъ и навыку, доходящимъ до тонкаго инстинкта. Зимой тѣже передвиженія совершаются на нартахъ. Съ осени и по первому снѣгу значительная часть тунгусовъ (и якутовъ) отправляется на сободей и другую пушнину, предпочитая охоту за ними съ хорошей собакою и ружьемъ верховымъ порядкомъ, т. е. на оленѣ или о двухъ, что даетъ возможность захватывать весьма широкій районъ, на пр. до 100 и болѣе верстъ при большой подвижности, не только въ сравненіи съ гилякомъ, который дѣйствуетъ пѣшимъ порядкомъ, но даже и съ русскимъ поселенцемъ—соболятникомъ, охотящимся тоже пѣшкомъ. Это даетъ тунгусамъ возможность проникать въ мѣста недоступныя для тѣхъ и другихъ, рѣдко посѣщаемыя охотниками, а стало быть болѣе богатая всякимъ звѣремъ, да и охота съ собакой по слѣду вѣрнѣе и добычливѣе. Вотъ и вся жизненная обстановка тунгусовъ въ общихъ чертахъ.

Близкіе по типу, а можетъ быть и по языку, къ тунгусамъ, орочены, но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе давніе старожилы Сахалина, чѣмъ они, разнятся отъ нихъ и по своему характеру и по складу жизни, тоже однако будучи «хрещеными», но еще болѣе номинально православными. По крайней мѣрѣ, имѣя во всякой юртѣ иконки и нося кресты, хороня покойниковъ въ могилахъ, они въ тоже время правятъ по нимъ тризны съ жертвоприношеніемъ оленей, собакъ, оружія, нартъ, придерживаются культа «медвѣдя», сохраняя въ таежныхъ дѣбряхъ засушенныя головы убитыхъ звѣрей и выкармливая молодыхъ медвѣдей къ «медвѣжьему празднику», у нихъ въ большой тайнѣ содержатся небольшіе кумиры ввидѣ деревянныхъ куколъ, грубо обдѣланныхъ и обшитыхъ шерстью и цвѣтными лоскутами, у нихъ есть и шаманы, почитаемые и гиляками на равнѣ со своими шаманами. Въ противоположность тунгусамъ, орочены тихи, скромны, даже застѣнчивы, не особенно общительны, но весьма честны. Они какъ то мягче и уступчивѣе даже гиляковъ, почему производятъ впечатленіе людей наиболѣе симпатичныхъ среди другихъ инородческихъ племенъ. Ороченки какъ-то женственнѣе тунгусовъ и гилячекъ и въ общемъ миловиднѣе.

Кочевой районъ орочень значительно тѣснѣе тунгускаго и оленеводство у нихъ развито слабѣе. Съ весны до зимы они почти исключительно заняты рыболовствомъ и добычею нерпы, пребывая въ удобныхъ для этого мѣстахъ на опредѣленныхъ лѣтнихъ стойбищахъ, около которыхъ рѣдко можно увидѣть ихъ оленей, далеко бродящихъ въ это время въ тайгѣ, иногда за сотни верстъ и къ зимѣ обычно возвращающихся. Въ зимнее время орочены рѣдко дѣлаютъ болѣе двухъ перекочевокъ для перемѣны оленьихъ пастбищъ, въ промежутки же «звѣрують» частью на тунгускій ладъ, частью ловушками, какъ и гиляки. Такъ какъ районъ ихъ лѣтней дѣятельности многочисленные заливы, протоки и острова Охотскаго побережья, то весь этотъ періодъ они не расстаются съ лодками, которыя иногда сами дѣлаютъ, выдалбливая изъ древесныхъ стволовъ. Лѣтними ихъ жилищами служатъ особыя юрты—балаганы, крытыя лубомъ и, лишь какъ исключеніе, палатки на тунгускій ладъ.

Балаганы ороченскіе имѣютъ основаніе въ формѣ удлиненнаго овала, вѣрнѣе элипса. Покатыя стѣнки изъ составленныхъ рядомъ жердей сведены вверху наглухо, образуя гребень надъ продольнымъ діаметромъ основанія, подпертыя изнутри вертикальными столбами. Все это основательно покрыто лубомъ (корой), укрѣпленнымъ снаружи опять рядомъ жердей. Никакихъ оконъ въ стѣнкахъ, ни дымового отверстія въ крышѣ нѣтъ, вмѣсто того и другого на обоихъ концахъ продольнаго діаметра основанія продѣлано въ стѣнкахъ по лазѣйкѣ, онѣ служатъ и дверями и трубой; пройти въ нихъ можно только низко согнувшись. дневнаго свѣта внутрь балагана они пропускаютъ мало, равно какъ мало выпускаютъ и дыма, но зато сквозитъ черезъ нихъ сильно, такъ какъ расположены они прямо другъ противъ друга. Обычный размѣръ такого балагана шаговъ 12—18 длиной, шаговъ 7—10 шириной и примѣрно сажени 1½ высотой до гребня. Когда нужно, лазѣйки завѣшиваютъ оленьей шкурой или пологомъ изъ рыбьихъ шкуръ. По серединѣ балагана прямо на землѣ разложенъ огонь, мѣсто вокругъ него отдѣлено жердочками, какъ и въ тунгускихъ палаткахъ, но надъ ними всегда устроены изъ жердей же особыя сушила, занимающія всю середину балагана. На эти сушила въ нѣсколько рядовъ навѣшаны кетовыя (или горбушечья) «брюшки», которыя тутъ проявляются и подкапчиваются, обливая стекающимъ съ нихъ жиромъ все пространство подъ сушилами. Необходимый для этого способа консервированія рыбы дымъ наполняетъ весь балаганъ, вѣсть глаза, возбуждаетъ кашель, являясь постоянною причиною весьма распространенныхъ у орочень болѣзней глазъ и дыхательныхъ путей на ряду съ постояннымъ и поголовнымъ куреніемъ табаку даже малолѣтними. Весь скарбъ, всякія рыбо и звѣрозовныя снасти валяются тутъ же въ балаганѣ на землѣ у стѣнокъ. Ближе къ сушилкамъ и огню разбросаны хвойныя «лапки». На нихъ прямо или на шкурахъ, которыя служатъ и постелями, сидятъ, поджавши ноги, и валяются обитатели. Утварь—котелки и чайники, посуда и гиляцкіе столики—«нырши», всякая рухлядь и одежда весьма неопрятны. Если нѣтъ близко прѣсной воды, роютъ колодцы тогоже устройства, что и у гиляковъ. Какъ и у тѣхъ послѣднихъ, имѣются и наружныя сушила для юколы и амбарчики для нее. Только собакъ много меньше, т. к. держать лишь охотничьихъ. По части опрятности и чистоплотности ороченны не превосходятъ, кажется, гиляковъ, по костюму же близки къ тунгусамъ, отличаясь лишь тѣмъ, что будучи въ общемъ бѣднѣе ихъ, придерживаются болѣе самодѣльной одежды изъ олень-

ей замши, нерпичьихъ шкуръ и даже рыбьей кожи. Въ отношеніи питанія они стоятъ въ лучшихъ, пожалуй, условіяхъ, чѣмъ большинство гиляковъ, т. к. ихъ способъ консервированія части рыбы подкапчиваніемъ всеже лучше гиляцкаго да и мясомъ отъ своихъ оленей они зимою обезпечены, по мучную пищу, какъ и гиляки, они видятъ мало и по бѣдности и по отдаленности отъ торговыхъ центровъ, въ которыхъ они, по замкнутости своей и бываютъ рѣдко.

Зимнія жилища ороченъ того-же устройства палатки, что и тунгусовъ, съ тою лишь разницей, что вмѣсто однихъ оленьихъ шкуръ, бываютъ зачастую покрыты пологами изъ снятыхъ выдѣланныхъ рыбьихъ шкурокъ или нерпичьихъ кожъ, стало быть также мало даютъ защиты отъ неблагоприятнаго вліянія суроваго климата. Разобравшись на сколько было можно, въ жизненныхъ условіяхъ инородческихъ группъ, попытаюсь дать объясненіе, какими путями и откуда пришла или была занесена къ нимъ зараза, какъ въ началѣ нынѣшняго года, такъ и въ предшествующіе года и почему, попавъ въ одни мѣстности и среду, она произвела большія опустошенія, едва коснувшись или не тронувъ вовсе другихъ.

Какъ извѣстно, исходнымъ пунктомъ всякой эпидемической болѣзни, будь то чума, холера, тифы, дифтеритъ или оспа, всегда является мѣсто эндемическаго (т. е. постоянно въ небольшомъ размѣрѣ встречающагося) ея существованія, гдѣ по временамъ она всыхиваетъ эпидемически и путемъ заноса, чаще всего людьми, иногда различными предметами или другимъ какимъ либо путемъ, распространяется въ мѣста, гдѣ ея эндемически не бываетъ и разъ найдеть тамъ благоприятныя условія для развитія, не преминетъ распространиться эпидемически. Зная это, равно и то, что про эндемическую оспу среди ссыльно-поселенческаго элемента и вообще инородческаго населенія острова слышно не было, а среди инородцевъ небыло таковой и подавно, т. к. у нихъ она бываетъ только эпидемической и въ рѣдкихъ случаяхъ спорадической (т. е. одиночныхъ заносныхъ заболѣваній, не давшихъ по условіямъ дальнѣйшихъ зараженій), на материкѣ же въ Николаевскѣ и его окрестностяхъ она существуетъ, какъ эндемическая, среди населенія (русскихъ и, кажется, китайцевъ), при чемъ сношеніе съ этими мѣстностями зимою у Сахалинскихъ инородцевъ бываетъ усиленнымъ, понятнымъ становится и путь проникновенія и способъ заносенія заразы. Какъ мы уже видѣли къ Николаевску тяготѣютъ и ѣздятъ туда зимою тунгусы, а иногда и орочены, но изъ Николаевска еще по зимнему первопутку выѣзжаетъ на Сахалинъ цѣлый отрядъ торговцевъ—скушниковъ и промѣнщиковъ пушины, рассыпаясь по всѣмъ стойбищамъ обоихъ его береговъ (т. е. Татарскаго и Охотскаго), главнымъ образомъ евреевъ, якутовъ и китайцевъ, шныряющихъ тутъ всю зиму и едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что эти то именно люди и являются переносчиками и распространителями оспы, сами того не подозревая и не болѣя, благодаря врожденному или приобретенному иммунитету (невосприимчивости къ заразѣ), но снабжая населеніе, кромѣ водки, табаку и другихъ благъ культуры, еще болѣе пагубнымъ для инородцевъ ея продуктомъ. Съ другой стороны, бывая въ Николаевскѣ и его округѣ, инородцы заражаются тамъ, болѣютъ и умираютъ, чему есть подтверждающія факты, какъ напримѣръ смерть отъ оспы въ 1904 году въ Николаевской больницѣ тунгуса изъ стойбища Саба, родового старшины Чукчагирскаго рода Михея Миронова или смерть гилячки изъ дер. Мао въ окрестности Николаевска въ гиляцкихъ зимникахъ. При длительномъ инкубационномъ стадіи болѣзни (т. е. скрытомъ періодѣ отъ момента зараженія до появленія т. наз. предвѣстниковъ), который при оспѣ, какъ извѣстно, можетъ продолжаться до 14 дней, немудрено, что заразившіеся могутъ совершать переезды и переходы (т. к. болѣзнь въ это время ничемъ не проявляется) на большія разстоянія, забираться въ мѣста болѣе отдаленныя, заболѣвать тамъ и при высокой вообще степени контагиозности этой болѣзни (прилипчивости), распространять ее въ любомъ направленіи и размѣрѣ. Тѣмъ же порядкомъ идетъ распространеніе заразы различными предметами, бывшими въ соприкосновеніи съ больными, одеждою, укусами паразитовъ, тѣмъ болѣе, что какъ мы уже видѣли, полнѣйшая неопрятность, грязь и скученность, какъ нельзя болѣе тому способствуетъ, равно какъ не всегда удовлетворительное питаніе при хроническомъ дѣйствіи холода, несомнѣнно ослабляющемъ организмы въ смыслѣ рѣзкаго пониженія ихъ природной стойкости противъ проникающаго заразнаго начала. Это ослабленіе въ связи съ дурнымъ или неумѣлымъ уходомъ за больными, благодаря невѣжеству и совершенному отсутствію цѣлесообразной для этого обстановки и ведетъ понятно къ массовой смертности, поселяя панику въ остальныхъ, инстинктивно ищущихъ спасенія въ бѣгствѣ подальше отъ пораженныхъ мѣстностей или, когда нельзя бѣжать, прерывающихъ на мѣстѣ всякія сношенія съ обитателями зараженныхъ жилищъ, что можетъ быть подчасъ и жестоко и негуманно, но несомнѣнно вѣрно ведетъ къ спасенію. И пришлось видѣть, какъ прибывшіе въ дер. Такрово два гиляка изъ дальней деревни Лунгво, гдѣ еще за мѣсяць передъ тѣмъ, по слухамъ, были случаи смерти отъ оспы, тщетно искали пристанища и хоть немного какой нибудь пищи.— гиляки ничего имъ не давали и не пускали къ себѣ и только видя, что я на своемъ бивакѣ далъ имъ сахарей, чаю и сахару и порядочное время съ ними бесѣдовалъ, рѣшились принять ихъ. Принявъ все это во вниманіе, а равно и тотъ обычай гиляковъ, по которому они не только оспеннаго, а и всякаго заболѣвшаго стремятся отдѣлать въ особый балаганъ или шалашъ, куда носятъ ему пищу съ разными предосторожностями,— понятнымъ станетъ, что въ то время, когда зараза опустошала холодныя юрты ороченъ и тунгусовъ, они отсиживались въ своихъ смрадныхъ, но все же теплыхъ «тултуфахъ» и въ главной массѣ своей не понесли большихъ потерь. Обратные же примѣры Тыкъ, Хов, Танги и Аркво нисколько этого общаго положенія не исключаютъ, т. к. названныя деревни стоятъ на самомъ пробѣжемъ зимнемъ трактѣ, болѣе другихъ посѣщаются пробѣжными и прохожими и изолироваться въ нихъ гилякамъ было труднѣе, чѣмъ гдѣ быто не было. Единственно дер. Хазельво какъ бы является исключеніемъ, но не надо забывать, что и она вблизи пробѣжнаго тракта и въ сѣдствѣ съ большими русскими поселеніями. Слѣдуетъ однако добавить, что съ какою то особою восприимчивостью къ оспѣ дикарей вообще (фактъ кажется установленный), а въ рассматриваемой эпидеміи ороченъ и тунгусовъ въ особенности, приходится считаться, что подтверждается между

прочимъ бывшими среди нихъ неоднократно случаями смертности привитыхъ успѣшно до этого. То, что эпидемія сильнѣе всего разразилась передъ весной, стоитъ въ прямой связи съ бытовыми условіями—пережить долгую суровую зиму не легко и не инородцу, запасы истощаются, люди слабѣютъ. Это явленіе обычно всюду даже въ центральной Россіи.

3) Болѣзненность вообще. Лечение.

Разбираясь въ различнаго рода болѣзняхъ не заразно—эпидемическаго характера, случаи которыхъ приходилось наблюдать среди инородцевъ за время путешествія, приходится отмѣтить тотъ довольно утѣшительнаго свойства фактъ, что болѣзненность въ ихъ средѣ сравнительно мала. Причину такого явленія слѣдуетъ, по видимому, искать въ томъ, что все хилое и слабое отъ рожденія, не выдерживая слишкомъ суровыхъ, полныхъ лишеній жизненныхъ условій, вымираетъ еще въ нѣжномъ возрастѣ, а оставшееся въ живыхъ болѣе крѣпкое еще, такъ сказать, съ пеленокъ приобретаетъ прочную закалку, единственно дающую право на все дальнѣйшее существованіе при этихъ тяжелыхъ условіяхъ. Тѣ болѣзни, которыя затѣмъ такъ или иначе встрѣчаются, по большей части тоже обуславливаются обстановкой, намъ уже теперь знакомой

Въ приводимой таблицѣ указывается, въ какомъ количествѣ и гдѣ встрѣчались этого рода болѣзни, изъ числа зарегистрированныхъ случаевъ.

Селенія, стойбища, племя, общее число случаевъ,	Названіе болѣзней и число случаевъ.																
	Язы.	Бронхитъ	Воспал. соед. оболоч. глазъ	Катаръ желудка.	Раины и уши-бы.	Гриппъ.	Сифилисъ.	Переломы.	Экзема.	Туберкулезъ	Параличи.	Нервная расстройство	Царши.	Нарывы.	Чирьваго-сть.	Хрон. катар. кишекъ.	Вол. печен.
Мингидай, гил. — 5	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Танги — — 3	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хои рус. и гил. — 4	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Вяхты гил. — 3	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Ванги тунг. — 3	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Ныйдэ — — 5	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Тенги гил. — 2	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пырки — — 2	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чанги — — 1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Магдво — — 4	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Комбузьевъ — 2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Гордиръ — — 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—
Лангари — — 3	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Маггальво — — 2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Криво — — 3	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Нганьво — — 2	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Югвъ — — 2	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Имгво — — 2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Музвѣ — — 3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Васкальво — — 1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тамлаво — — 6	—	2	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ихво — — 2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кефъ — — 3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Виски — — 8	2	1	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Маскальво — — 2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Помиръ — — 7	—	3	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Туми — — 4	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мачигаръ — — 1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Кякрво — — 8	2	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гарамай ороц. — 1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чайво гил. — 5	1	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лярво — — 3	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тлумычъ — — 5	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	1
Тукриво — — 3	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Такрво — — 3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Бркыръ — — 4	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хунгево — — 2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Цлюво — — 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Славо — — 2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Въ итогѣ: — 125	10	28	27	15	8	4	1	1	3	2	1	1	5	11	4	3	1

Какъ видно изъ этой таблицы, общая цифра больныхъ была весьма невысока и если даже прибавить къ ней такую же цифру больныхъ незарегистрованныхъ, т. е. нерѣдко производить регистрацію было некогда, то и тогда она далеко не будетъ высокою, не составляя и 10% населенія. Далѣе видимъ, что главными преобладающими формами заболѣваній являются бронхиты и воспаленія соединительной оболочки глазъ; первые въ большинствѣ несомнѣнно происходятъ отъ поголовно и съ малолѣтняго возраста распространеннаго куренія табаку и поддерживаются еще и неблагоприятными климатическими условіями, легко создающими для нихъ простудную почву, вторыя же обусловлены главнымъ образомъ пребываніемъ въ дымныхъ жилищахъ и общей нечистоплотностью. За ними идутъ катарры желудка, находя для себя почву, повидимому, въ неравнобѣрномъ питаніи—то слишкомъ скудномъ при неудачахъ лова, то чрезмѣрномъ въ обратныхъ случаяхъ. Третью группу составляютъ нарывы и язвы—т. е. опять таки продукты нечистоплотности. Такъ называемыя травматическія поврежденія, т. е. раны, ушибы, переломы встрѣчаются рѣже, равно и парши, при чемъ рѣдкость послѣднихъ, при благоприятной для ихъ развитія обстановкѣ, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что голову инородцы (гиляки) покрываютъ рѣдко, только въ стужу или надолго отираются на сторону, предпочитая имѣть ее открытой для дѣйствія вѣтра и солнца, что и препятствуетъ, вѣроятнее всего, развитію паршевыхъ грибковъ. Другія изъ немногихъ встрѣчающихся болѣзней, скорѣе заслуживаютъ вниманія по рѣдкости заболѣваній ими, чѣмъ по какому либо другому своему значенію. Таковымъ является впервыхъ сифилисъ, котораго пришлось наблюдать всего одинъ случай, да и то въ періодѣ совершенно незаразительномъ. Это былъ старый тунгусъ съ осѣвшимъ много лѣтъ т. назадъ носомъ и поврежденнымъ небомъ, въ результатъ чего получилась гнусавая невнятная рѣчь. Тѣ изъ его потомковъ, которые уцѣлѣли послѣ оспы, совершенно здоровы. Возможно, что сифилитиковъ раньше было и больше, но они перемерли. Не приходилось совершенно встрѣчатъ и венерическихъ больныхъ, что несомнѣнно указываетъ на извѣстную половую нравственность въ средѣ инородцевъ. Рѣдки также случаи чахотки (туберкулеза)—благоприятное вліяніе частаго пребыванія на воздухѣ, хотябы и въ суровомъ климатѣ. Вѣсьма рѣдки болѣзни нервной системы, по крайней мѣрѣ въ болѣе или менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ. Одинъ случай паралича, встрѣтившійся въ Хои, касается русскаго поселенца. При этомъ надо замѣтить, что общая болѣзненность инородческаго населенія, живущаго среди или бокомъ съ инородцами выше, чѣмъ у послѣднихъ. Духовно больного пришлось наблюдать всего одинъ разъ, какъ рѣдкое исключеніе. Это былъ пожилой гилякъ въ дер. Чайво. Чаше попадались колѣнки, какъ напримѣръ горбатыя, хромыя или окривѣвшія на одинъ глазъ и вѣсьма рѣдко слѣпыя. Воѣ они стала такими въ дѣтствѣ, слѣпыя же были дряхлыми стариками (или старухами), кое какъ доживающими свой вѣкъ.

Въ общемъ, наблюдая всѣ три группы инородцевъ, слѣдуетъ отмѣтить то явленіе, что люди преклоннаго возраста обоихъ половъ, лѣтъ 70-ти и болѣе, не составляютъ среди нихъ рѣдкости, сохраняя при этомъ относительную бодрость и силы, а люди рабочаго возраста, т. е. между 18-ю и 50-ю годами выглядятъ обычно молодежавшими, что наводитъ на мысль о природной ихъ долговѣчности. Если бы не повторныя эпидеміи и неизмѣнно сопряженное со всякой встрѣчей дикихъ племенъ и болѣе культурныхъ расъ территоріальное стѣсненіе и обѣдненіе первыхъ, несомнѣнно они могли бы существовать, имѣя нѣкоторый естественный приростъ населенія. И даже теперь, когда орошены особенно и тунгусы, повидимому, близки уже къ исчезновенію, гиляки все еще держатся. Сравнивая данныя переписи Иванова въ 1904 году съ моими въ нынѣшнемъ, видимъ, что за четыре года цифра ихъ не убавилась, даже наоборотъ. Разумѣется я допускаю извѣстный процентъ неточности регистраціи въ обоихъ случаяхъ и въ обѣ стороны. Но объ этомъ придется еще говорить въ своемъ мѣстѣ, большую же такъ сказать жизненность гиляковъ, мнѣ кажется, надо искать въ большемъ сохраненіи ими своей самобытности, удерживающей ихъ отъ лишняго соприкосновенія съ другими народностями, отъ сліянія съ ними и другихъ, инстинктивно быть можетъ ощущаемыхъ, вредныхъ для нихъ вліяній. Они менѣе всѣхъ остальныхъ подвержены пьянству и упорно держатся своего «язычества», традицій и обычаевъ.

Леченіе встрѣчавшихся заболѣваній при мимолетности самого путешествія, конечно не могло быть интензивнымъ, иначе пришлось бы подолгу задерживаться во всякомъ селеніи, гдѣ и безъ того хватало дѣла по переписи жителей и наблюденію за прививками. Практиковались мною тѣ обычные способы и приемы, какія вообще входу въ сельской и земской практикѣ. Болѣе легкія случаи я даже поручалъ попеченію фельдшера, оставляя себѣ общее руководство назначеніемъ и дачею лекарствъ и другихъ средствъ. Въ случаяхъ посерьезнѣе и безотлагательныхъ я конечно принималъ личное участіе, равно и всякій разъ, когда фельдшеромъ было встрѣчаемо хоть малѣйшее затрудненіе самостоятельно разобраться и найтись въ положеніи. Случаевъ для болѣе крупнаго оперативнаго вмѣшательства по счастью*) не представлялось вовсе, хотя имѣлись и для этого инструменты, малые же необходимые операціи, гдѣ было нужно, выполнялись уснѣшно фельдшеромъ. Отпускъ лекарствъ и перевязочныхъ средствъ производился изъ имѣвшейся походной аптеки, довольно полно снабженной всѣмъ необходимымъ и остраго недостатка поэтому въ чемъ либо испытывать ни разу не пришлось, равно какъ и раскаиваться въ нѣкоторой громоздкости этой аптеки. Нѣкоторыя неудобства громоздкости, такъ сказать, выкупились малымъ сравнительно количествомъ порчи лекарствъ и вещей отъ атмосферныхъ и прочихъ походныхъ невзгодъ и возможностью до самаго конца экспедиціи не отказывать въ ихъ выдачѣ нуждающимся, при чемъ выдачи отнюдь не были излишне щедрыми, какъ не былъ великъ и привезенный обратно остатокъ.

*) Въ виду неблагоприятной обстановки для ихъ производства и невозможности дальнѣйшаго наблюденія.

4) Санитарныя мѣры.

Если бы экспедиція была отправлена на мѣсяцъ раньше и начала бы свои дѣйствія первоначально на Охотскомъ побережьи, хотя бы спустившись по р. Тыми, то ей представилось бы не мало дѣла въ чисто санитарномъ отношеніи, т. е. пришлось бы въ возможно широкихъ размѣрахъ производить дезинфекцію жилищъ, гдѣ были больные, бывшихъ въ соприкосновеніи съ ними различныхъ предметовъ и вещей, можетъ быть уничтожать многое сожженіемъ, хоронить и сжигать трупы, валявшіеся по слухамъ, кѣмъ то пущеннымъ, въ юртахъ по тайгѣ и т. п. Но разъ уже пришлось выступить въ то время, когда очаги заразы успѣли погаснуть сами собою, а слухъ о валявшихся въ тайгѣ трунахъ не подтвердился, если не считать единственнаго подобнаго случая да и то такого, о которомъ едва ли кто и могъ раньше знать, то неудивительно, что сфера собственно санитарныхъ дѣйствій должна была весьма сузиться, какъ это и вышло на дѣлѣ. Провѣрить слухъ о валявшихся трунахъ представилась полная возможность во первыхъ путемъ личнаго удостовѣренія при посѣщеніяхъ мѣсть многихъ брошенныхъ зимнихъ стойбищъ на протяженіи отъ Пелетунскаго залива до устья р. Тыми, во вторыхъ путемъ разспросовъ тамъ же лицъ вполне достовѣрныхъ изъ племени или самихъ отважныхъ участниковъ погребенія умершихъ преданіемъ ли ихъ землѣ или сожженіемъ и въ третьихъ наконецъ, свѣдѣніями, полученными при встрѣчахъ отъ разныхъ членовъ оперировавшей на широкомъ пространствѣ въ тайгѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ съ начала Іюня геологической экспедиціи инжен. Полевого и отъ него самаго, конечно натывавшихся на мѣста бывшихъ стойбищъ. Такимъ порядкомъ удалось выяснитъ, что въ началѣ массовой смертности, т. е. весной, многіе подъ вліяніемъ паники убѣгали, оставляя покойниковъ, но всякій разъ находились и люди отважные, самоотверженно хоронившіе эти весьма опасные въ смыслѣ зараженія трупы. Однимъ изъ такихъ людей былъ ороченъ стойбища Даги, Мартынъ Ченельгану изъ рода Кэтта, который, самъ кругомъ осиротѣвъ, хоронилъ и своихъ и всѣхъ чужихъ, какихъ только зналъ и видѣлъ, особенно гдѣ остались малолѣтніе. Помогалъ ему въ этомъ изъ того же рода старикъ Степанъ Оксюгану. Тоже было у роченъ стойбища Оуркунъ, гдѣ умершихъ хоронилъ старикъ Данило Юану изъ рода Балусъ и Александръ Исаньгену рода Синагуда. Тоже было и въ Набилскомъ заливѣ, какъ передаютъ ороченъ изъ стойбища Дауту, Стопанъ Уссака и Иванъ Хуманаку изъ рода Баяусъ.

У гиляковъ дер. Лунгво, что южнѣе Набилскаго залива, умершіе этимъ лѣтомъ были преданы сожженію, какъ передалъ гилякъ этой деревни Сэмрэйкъ. Одиночныя могилы и цѣлыя кладбища приходилось неоднократно встрѣчать и осматривать ихъ, начиная отъ Пелетунскаго и до Ныйскаго залива. Въ большинствѣ случаевъ они расположены на сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ, иногда на дюнахъ, нерѣдко среди трудно проходимыхъ кедровыхъ зарослей, а иногда прямо въ величаво живописныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нибуть на господствующемъ надъ широкимъ заливомъ обрывесто крутомъ бугрѣ, порошемъ кедровникомъ и мхомъ или на не мнѣе крутой высокой дюнѣ, у подножія которой вѣчный ревъ почти океанскаго преобоя. Не въ далекомъ сосѣдствѣ такихъ могилъ и кладбищъ всегда слѣды брошеннаго зимняго стойбища, т. е. коническія остовы юртъ—палатокъ, столбы и загородки—слѣды оленеводства, иногда амбарчики на стойкахъ и клѣтки—избушки для медвѣдей и лисицъ. Иногда эти могилы имѣютъ ограды изъ жердочекъ, насыпь могилъ обыкновенно невысока, т. к. они не могутъ быть глубокими по причинѣ отсутствія хорошихъ лопатъ у кочевниковъ (да и рабочихъ рукъ), почти всегда на нихъ водруженъ простой четырехконечный не выше роста человѣка крестъ, часто изъ двухъ крестообразно связанныхъ лыкомъ жердинъ съ прикрѣпленнымъ маленькимъ металлическимъ образкомъ. Поверхъ насыпи опрокинуты бывають поломонные нарты и другіе предметы—по обычаю тризны, 3-го Сентября на проливахъ изъ Чайвинскаго въ Ныйскій заливъ въ дневномъ примѣрно переходѣ къ сѣверу отъ дер. Ляво, въ мѣстности рѣдко посѣщаемой людьми, при розыскахъ пришлось наткнуться на мѣстахъ разбросаннаго широко бывшего стойбища въ одной изъ падей между дюнами на черепъ, бедренныя и другія отдѣльныя кости человѣческаго скелета, изгрызенныя, гдѣ только было доступно, животными. По совершенной сухости и бѣлизнѣ этихъ костей можно было заключить, что затащены они сюда не менѣе двухъ мѣсяцевъ т. назадъ. Кости были мною собраны, для чего пришлось обследовать мѣстность довольно широко и наткнуться въ заросляхъ на кладбище, откуда навѣрное они и были вырыты еще въ началѣ лѣта бродячими гиляцкими собаками, послѣ чего слѣды разрытія успѣли сгладиться и гуото порости травой, какъ и все кладбище. Кости эти моимъ распоряженіемъ были преданы землѣ на мѣстѣ ихъ нахождения, на которомъ мы и поставили небольшой крестикъ изъ связанныхъ жердочекъ. Раньше этого на тѣхъ же протокахъ пришлось совершенно случайно найти остатки уже упомянутаго выше Дагскаго ороченна Никифора Окнонъ. при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Пробираясь съ трудомъ съ послѣдняго стойбища въ Чайвинскомъ заливѣ Оуркуна, въ Ныйскій заливъ рѣчками и протоками, на фарватерахъ коихъ штормило, а у береговъ было слишкомъ мелко продвигаться на лодкахъ, пришлось заночевать гдѣ попало, т. е. въ мѣстности совершенно глухой, никѣмъ обычно непосѣщаемой. Т. к. на утро погода не измѣнилась, то чтобы облегчить лодки, сами пошли пѣшкомъ болотистымъ берегомъ, пустивъ ихъ съ одними гиляками впередъ. Уйдя съ сопровождавшимъ меня солдатомъ въ сторону въ расчетѣ найти какую-либо дичь къ обѣду и разойдясь съ нимъ, я услышала его призывъ, вернулась и узнала отъ него, что неподалеку въ кустахъ кедровника онъ увидалъ чьето ружье и одежду и что не кроется ли тутъ слѣдъ какого-нибудь преступленія, вродѣ убійства. Придя къ этому мѣсту и проникнувъ въ кусты кедровника, я увидѣлъ растерзанное платіе, шубу и другіе принадлежности зимняго ороченскаго костюма, среди которыхъ валялось нѣсколько изгрызенныхъ костей человѣческаго скелета. Неподалеку тутъ-же и черепъ съ засохшими лоскутками кожи и все охотничье снаряженіе. Подъ кучкой одежды земля была пропитана высохшими уже продуктами разложенія мягкихъ частей трупа.

Осмотрѣвъ внимательно кости и подобравъ еще нѣсколько кусочковъ ихъ по сосѣдству и не найдя на нихъ другихъ слѣдовъ поврежденія, кромѣ слѣдовъ зубовъ животныхъ, я велѣлъ сложить изъ хвороста костеръ и положить на него одежду, а кости и оружіе со снаряженіемъ зарыть въ выкопанную яму—могилу, для чего пришлось вернуть обратно лодки, въ которыхъ были лопаты и топоры. Во время сожженія платья раздался выстрѣлъ въ костръ, это взорвался оставшійся вѣроятно патронъ въ карманѣ жилета. Надъ могилою мы поставили самодѣльный крестъ. Личность этого орочена—охотника, погибшаго вѣроятно отъ оспы во время охоты, на которую онъ отправился въ инкубаціонный періодъ болѣзни, равно и подтвержденіе этому, удалось установить лишь на стойбищѣ Нылъ въ устьѣ Тыми, всѣ же раньше того спрошенные орочены не могли дать сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній о немъ.

На западномъ берегу въ разгарѣ эпидеміи среди тунгусовъ доброхотнымъ и, надо ему отдать справедливость, полезнымъ санитаромъ явился нѣкто Иванъ Томилинь. Это русскій поселенецъ, порядочное уже время живущій въ казенномъ кордонѣ на устьѣ рѣчки Тонги, въ качествѣ сторожа. Человѣкъ онъ толковый, грамотный, хозяйственный—словомъ весьма обстоятельный. Въ просторномъ зданіи кордона по личному почину своему онъ учредилъ нѣчто вродѣ пріемнаго покоя, гдѣ оказывалъ помощь заболѣвающимъ, давая имъ кое-какія бывшія у него лекарства, какъ напр. хининъ, а главное самоотверженно подавалъ примѣръ, какъ надо ухаживать за больными, снабжалъ ихъ бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ, держалъ въ теплѣ, все время съ ними «отваживаясь», какъ самъ это называетъ. Онъ же главное участіе принималъ и въ погребеніи умершихъ, хороня ихъ неподалеку отъ кордона за рѣчкой, гдѣ на бугоркѣ возникло такимъ образомъ цѣлое кладбище, обнесенное красивой окрашенной рѣшеткой, на которомъ покоятся жертвы эпидеміи въ числѣ 25-ти душъ. Честь и слава Томилину за его добровольные труды.

За исключеніемъ случая сожженія зимника съ трупами у Тыкскихъ гиляковъ распоряженіемъ командированнаго тогда врача и подобнаго же распорядка въ д. Хазельво на р. Тыми, трупы своихъ жертвъ эпидеміи гиляки вообще сжигали сами руками ближайшихъ родственниковъ умершихъ и если родственниковъ не было на мѣстѣ, имъ давали знать и они выѣзжали, хотя бы издалека. Кладбищъ въ нашемъ смыслѣ у гиляковъ не существуетъ, т. к. имѣющіяся около каждой деревни особыя мѣста, гдѣ поставлены деревянныя маленькія будочки и крышки изъ луба на столбикахъ, служатъ скорѣе памятниками объ умершихъ и стоятъ не на мѣстахъ сожженія. Въ будочки обыкновенно кладутъ какую нибудь посуду: блюдца, чашки, миски или утварь. Онѣ бывають украшены рѣзбой, но больше носятъ характеръ запущенности, какъ и окружающія ихъ разрушенныя загорода изъ жердей, т. к. ремонтъ и реставрація этихъ реликвій у гиляковъ, не въ обычаѣ.

Умершихъ поворожденныхъ (не отъ оспы) гиляки не сжигаютъ, а задѣлавъ наглухо въ деревянный чурбанъ—колоду, подвѣшиваютъ на деревѣ или втискиваютъ межъ сучковъ дерева такъ, чтобы не достали собаки и другія животныя, орочены же кладутъ ихъ прямо на кусокъ луба или доску, утвержденную высоко на четырехъ воткнутыхъ вертикально въ землю жердинахъ, оставляя ихъ гнить и расклевываться хищными птицами. Борьба съ этимъ антисанитарнымъ обычаемъ является пока бесплодной, какъ и со всякимъ исконнымъ обычаемъ.

Что касается мѣръ дезинфекціонныхъ, то тамъ, гдѣ встрѣчалась въ нихъ надобность, онѣ экспедиціею примѣнялись, но упорный отказъ въ выдачѣ удобнаго для похода гидропульта со стороны лицъ гражданско-медицинскаго вѣдомства при снаряженіи экспедиціи, поставилъ ее въ необходимость производить дезинфекцію примитивнымъ способомъ, что и продолжалъ всякій разъ фельдшеръ названнаго вѣдомства, снабженный ими на сей предметъ лишь наставленіемъ. Дезинфекцію растворами сулемы и карболовой кислоты пришлось производить въ юртахъ главнымъ образомъ въ началѣ путешествія, когда еще не вполне такъ сказались послѣдствія эпидемической бури, начиная съ Ариво, въ Мингидаѣ, Тонгахъ, особенно въ Хои, гдѣ еще были выздоравливающіе отъ оспы и одинъ случай свѣжій, но среди русскихъ, Вяхтѣ, Тыкахъ, Вангахъ и далѣе на севѣръ до залива Байкаль. На крайнемъ севѣрѣ и восточномъ берегу надобность въ ней встрѣчалась рѣже благодаря замѣнившей ее продолжительной естественной вентиляціи, но отсутствіе хорошаго прибора все же сказывалось. Нѣкоторымъ толковымъ и надежнымъ лицамъ, по ихъ просьбѣ, какъ напр. Томилинь въ Тонгахъ, оставлялось извѣстное количество дезинфекціонныхъ средствъ, болѣе ходовыхъ медикаментовъ и перевязочнаго матеріала на случаи надобности, т. к. къ нимъ часто обращаются, какъ болѣе свѣдущимъ, за помощью окрестные жители. Такимъ же образомъ во многихъ деревняхъ и стойбищахъ выдавались въ готовомъ видѣ нѣкоторые лекарства и перевязки, т. к. тамъ находились люди, знающіе ихъ употребленіе, готовые помочь въ нуждѣ сосѣдямъ. Часто многіе сами просили хинина, салициловаго натра, слабительныхъ средствъ, іодной настойки и «порошковъ отъ кашля» или ваты, марли, бинтовъ и іодоформа для перевязокъ и, что можно, имъ давалось.

5) Санитарныя нужды.

Ознакомившись, на сколько возможно было, съ печальными фактами минувшей эпидеміи среди инородцевъ, санитарно-гигіеническими условіями и обстановкой ихъ жизни и степенью ихъ болѣзненности вообще, мы видимъ почти полную беспомощность ихъ въ дѣлѣ борьбы съ недугами, разрушающими и безъ того скудное ихъ благосостояніе и ведущими къ быстрому исчезновенію нѣкоторыхъ племенныхъ группъ.

Имѣющіеся у нихъ кое-какіе зачатки своей медицины, кажется болѣе основаны на суевѣріи и остаткахъ шаманизма, чѣмъ на прочныхъ выводахъ несомнѣннаго опыта. По крайней мѣрѣ къ тѣмъ немногимъ травамъ и корешкамъ, какія приходилось встрѣчать у нихъ, какъ лекарственныя средства, сами они въ большинствѣ относятся, новидимому, скептически, во всякомъ случаѣ отдавая

предпочтеніе нашимъ средствамъ и способамъ, особенно въ случаяхъ хирургическихъ, какъ напр. раны, переломы. Такимъ образомъ они отчасти вѣрятъ нашей медицинѣ и признаютъ ея превосходство, но нѣсколько извѣрились въ оспопрививаніи и не безъ основанія. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, могутъ ли дать имъ полную гарантію мимолетные проѣзды медиковъ, слабженныхъ въ большинствѣ непробѣренныхъ, можетъ быть залежалымъ старымъ детритомъ, немогущія при томъ подолгу задерживаться на мѣстахъ, чтобы прослѣдить результаты прививокъ и сдѣлать ихъ еще не разъ, тѣмъ болѣе, что по не вѣжеству многіе стираютъ почти тутъ же нанесенный въ прививныя ранки детритъ, а при первой же эпидеміи заболѣваютъ и умираютъ. Съ другой стороны, пока вѣсть о появленіи болѣзни дойдетъ до административныхъ центровъ и выйдутъ медики, она успѣетъ уже сдѣлать свое дѣло и всякая помощь окажется запоздалою.

Тоже самое будетъ неизмѣнно повторяться и при всякихъ другого рода болѣзняхъ.

А затрудненія, встрѣчаемыя всякій разъ, когда необходимо раздобыться на мѣстѣ лекарствами и продуктами питанія для больныхъ и ухода за ними и обычная невозможность захватить ихъ въ достаточномъ количествѣ и доставить на мѣста командированными медиками? А почти полное отсутствіе на мѣстахъ лицъ, способныхъ хотя бы толково распорядиться до прибытія медиковъ? Вотъ въ чемъ, на мой взглядъ, заключаются главныя санитарныя нужды Сахалинскихъ инородцевъ. Имъ нужна помощь скорая, полная, основательная. Въ такихъ крупныхъ центрахъ инородческаго обитанія, какъ Тамлаво и Чайво (или хоть Ный, что еще лучше) необходимы отдѣльныя, спеціально для инородцевъ фельдшерскіе пункты, снабженные настоящимъ порядкомъ аптечными, дезинфекціонными и питательными для больныхъ средствами, какъ напр. хлѣбъ въ видѣ сухарей и галетъ, мука, чай, сахаръ, рисъ, масло, молочные и мясные консервы, вино или спиртъ, отпускаемые, если не бесплатно, то хоть по Божескимъ цѣнамъ, т. к. за эти продукты, живущіе въ названныхъ центрахъ торгаша, дерутъ въ буквальный смыслъ цѣны безбожныя да еще и не безъ кабалы. Надо, чтобы инородцы воочию видѣли пользу прививокъ и леченія, для этого требуются ежегодныя, хотя бы по частямъ производимыя прививки хорошимъ, свѣжимъ, пробѣреннымъ детритомъ, изготовляемымъ въ мѣстномъ телятникѣ, который весьма не мѣшало бы завести на островѣ, именно въ с. Рыковскомъ, гдѣ даны для этого условія, т. к. районъ этотъ скотоводческій, есть кстаги и казенная ферма и врачъ для наблюденія. Такой телятникъ съ пользою обслуживалъ бы и все прочее населеніе (до будущихъ переселенцевъ включительно) своимъ всегда свѣжимъ детритомъ. На ряду съ другой организаціей подачи медицинской помощи инородцамъ не менѣе важно и необходимо улучшеніе жизненной ихъ обстановки вообще, а въ частности хотя бы облегченіе доступности для нихъ нѣкоторыхъ продуктовъ питанія. При этихъ условіяхъ они менѣе склонны будутъ подвергаться любымъ заболѣваніямъ, будутъ устойчивѣе и въ эпидемическихъ.

Они, какъ уже мы видѣли, могутъ лишь съ трудомъ или даже не могутъ въ настоящее время обходиться безъ этихъ продуктовъ. Они жадутъ, можно сказать, муки, крупы, соли, сахара, нуждаются нерѣдко и въ чаѣ и въ мылѣ, даже въ освѣтительныхъ матеріалахъ, какъ керосинъ и свѣчи, а все это отъ нихъ далеко и дорого, не по средствамъ. Надо все это сдѣлать доступнымъ, удешевить, ближе придвинуть. Какъ сказано уже, въ тѣхъ же Тамлаво и Ный торговцы устроили прямо монополию и берутъ съ нихъ цѣны какія хотятъ, равно и японцы, посѣщающіе лѣтомъ эти берега. Въ отдѣлѣ экономическомъ настоящаго доклада я еще разъ вернусь къ этимъ вопіющимъ явленіямъ, разобравъ ихъ подробнѣе.

Встрѣченныя затрудненія не дали мнѣ возможности на этотъ разъ проникнуть въ Набилъ и южнѣе. Они заключались во первыхъ въ томъ, что сообщеніе съ этимъ заливомъ существовало только сухопутное и пѣшимъ порядкомъ, слѣдовательно провіантъ, аптеку, палатку и теплую одежду (т. к. наступала осень) пришлось бы нести на себѣ и немногихъ взятыхъ носильщикахъ, не зная при томъ, на какое приблизительно время придется обезпечить себя и ихъ продовольствіемъ, т. к. начинался періодъ осеннихъ штормовъ, угрожавшихъ задержками на первой же переправѣ черезъ проливъ Асланбекова, на самомъ заливѣ и его рукавахъ. Во вторыхъ полное отсутствіе въ это время оленей у ороченъ вообще, стало быть и у Набилскихъ, (что признано было путемъ опросовъ) лишило бы возможности двигаться южнѣе вьючнымъ порядкомъ, а пѣшимъ—предстояли бы постоянныя задержки на глубокихъ бродахъ многочисленныхъ рѣчекъ, пересѣкающихъ путь на югъ, общимъ протяженіемъ верстъ на 80—100. Въ третьихъ обратный путь въ Ный предстояло бы совершать на лучшей конецъ тѣмъ же пѣшимъ порядкомъ, рискуя не пробраться далѣе по р. Тыми за позднимъ временемъ года, которое легко могло задержать и въ Набилѣ и южнѣе его. Тогда пришлось бы обречь экспедицію на тяжкія послѣдствія голода и холода, т. к. ни продовольствія, ни другихъ пособленій, чтобы пережить до зимы, не было. Такимъ образомъ къ санитарнымъ нуждамъ слѣдуетъ прибавить еще одну, а именно настоятельную необходимость посѣщенія Набиля и къ югу отъ него лежащихъ населенныхъ пунктовъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, пользуясь зимнимъ путемъ и лишь въ крайнемъ случаѣ весною по существующей вьючной тропѣ отъ селенія Славы переваломъ черезъ Набилскій хребетъ. Тамъ еще ни разу никто не прививалъ оспы инородцамъ и не выяснялъ ихъ санитарнаго состоянія. Средства же для этого существуютъ—именно остатокъ отъ ассигнованной на мою экспедицію суммы. Ея на это должно хватить.

О СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ИСЛѢДОВАНІЯХЪ.

1) Подворная перепись (регистрація).

Для сбора статистическаго матеріала, какъ уже было упомянуто, я былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ печатныхъ бланковъ листового формата, разграфленныхъ на вопросные пункты, обнимавшіе—скорѣе съ излишнею полнотою—всѣ главные стороны какъ численнаго и возрастнаго состава инородческаго населенія, такъ въ особенности и его матеріально-экономическое состояніе. Записи должны были вестись посемейно, подворно или «поюртно» въ каждомъ населенномъ пунктѣ, что мною и дѣлалось неукоснительно, начиная отъ деревни Танги на сѣверъ по всѣму западному побережью, по сѣверному, восточному—на югъ до устьевъ р. Тыми и вверхъ по ней до послѣдняго обитаемаго инородцами пункта включительно. Дѣло это оказалось далеко не легкимъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего программа сбора свѣдѣній оказалась страдающей излишнею теоретичностью, что дѣлало выполненіе ея на практикѣ слишкомъ, такъ сказать, громоздкимъ и неудобоподвижнымъ, а самая постановка ея вопросовъ зачастую становилась щекотливою, такъ что ожидать правдивыхъ отвѣтовъ со стороны вопрошаемыхъ лицъ сразу было бы наивно, не только имѣя дѣло съ темною и недоувѣрчивою инородческою средой, а пожалуй (что хорошо извѣстно всякому статистику хотя-бы и въ центрѣ Россіи) и съ болѣе интеллигентнымъ элементомъ, т. е. подробные разпросы о ресурсномъ положеніи всегда заставляютъ опасливо настораживаться любое населеніе, незнакомое вообще съ цѣлью статистики и готовое во всякомъ «писаніи» или «перепискѣ» подозрѣвать что либо недоброе для себя въ будущемъ. Если же удастся разъяснить ему смыслъ, добрыя намѣренія и цѣль производимой работы, то нерѣдки впаденія въ противоположную крайность, т. е. люди, вообще падкіе до всякой «даровщинки», въ надеждѣ, что въ будущемъ имъ что либо «очистится», всегда стараются выставить свое положеніе въ еще гораздо болѣе худшемъ видѣ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Поэтому, далеко не всегда довѣряя отвѣтамъ, приходилось брать, такъ сказать, среднюю мѣрку ихъ достовѣрности, сообразуясь одновременно съ данными личнаго наблюденія окружающей среды и обстановки, а также при помощи маленькой хитрости и уловокъ, окольными разпросами и перекрестными вопросами. Съ другой стороны, полная непривычка опрашиваемыхъ и необычность для нихъ самыхъ вопросовъ, немногочисленныхъ и несложныхъ лишь на интеллигентную мѣрку, но не на мѣрку людей простыхъ и даже болѣе, чѣмъ полудикихъ, темныхъ настолько, что затрудняются въ большинствѣ сразу вспомнить число членовъ своей же семьи въ какихъ нибудь 5—6 душъ, забывая ихъ имена и ища въ этомъ подсказа постороннихъ, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи счета лѣтъ отъ роду и крайней вялости самаго элементарнаго интеллекта (которую трудно представить, не видя собственными глазами, даже человѣку гораздо ниже средняго—по нашему—уровня), по пальцамъ считающихъ какой нибудь десятокъ своихъ собакъ или оленей, возрастъ которыхъ, кстати сказать, всегда знаютъ лучше, чѣмъ членовъ семьи,—все это быстро приводило вопрошаемыхъ въ состояніе весьма замѣтной скуки и полной апатіи. Приходилось, чтобы вывести ихъ изъ этого состоянія и подбодрить, прибѣгать то къ угощеніямъ папиросами, то къ какой нибудь шуткѣ или умышленно сдѣлать въ болѣе упорныхъ случаяхъ, «выходку», т. е., принявъ видъ суроваго «начальства», грознымъ голосомъ требовать отвѣтовъ, т. е. де добиться ихъ приказано во чтобы нистало. Во многомъ еще эти дѣти природы являются дѣтьми и въ другихъ отношеніяхъ, также легко и быстро поддаваясь внѣшнимъ мимолетнымъ впечатленіямъ, чѣмъ нерѣдко, къ сожаленію, и пользуются въ дурную сторону иные сомнительной нравственности люди. Не малое затрудненіе представляло отсутствіе хорошихъ толковыхъ переводчиковъ, что особенно должно было отразиться при выясненіи вопросовъ болѣе общаго, отвлеченнаго характера, при подворной же переписи это отзывалось въ смыслѣ большой траты времени, т. е. переводчиками были люди не выше того умственнаго уровня, что и большинство изслѣдуемаго населенія.

Не говоря уже о неудобствахъ, при которыхъ приходилось дѣлать записи въ родѣ того, что никогда нельзя было разложиться какъ слѣдуетъ съ объемистаго формата бланками, при чисто бивачныхъ условіяхъ, чтобы писать прямо чернилами и поворачивать ихъ въ тоже время бокомъ по направленію узкихъ вертикальныхъ рубрикъ, болѣе всего приходилось оберегать эти бумаги отъ вліянія сырости, дождя, грязи, жира и т. п. Работать на открытомъ воздухѣ удавалось крайне рѣдко по причинѣ преобладанія ненастной погоды, поэтому, а также въ виду лучшаго ознакомленія съ каждой семьей, ея членами, обстановкой и прочими сторонами жизни, я залезалъ рѣшительно во всякую юрту, не взирая, что зачастую это стоило извѣстныхъ усилій и труда, т. е. въ крохотную лазейку можно было проникнуть лишь задомъ и «по частямъ»—т. е. продвинувъ сначала и утвердивъ ноги, затѣмъ, всячески изгибая туловище, втиснуться въ нутрь черезъ это отверстіе, не смущаясь понятнo, всякими ссадинами и ушибами при этомъ. Темнота, дымъ, копоть и грязь, тѣснота, дождевые брызги черезъ дымовыя отверстія или стѣнки, капающій съ подвѣшенной надъ

очагомъ рыбы жиръ, наконецъ самыя неудобныя положенія на низкихъ нарахъ или прямо на землѣ во время писанія, нерѣдко крики и плачь сразу нѣсколькихъ дѣтей и не легко останавливаемый галдежъ набившихся въ юрту взрослыхъ людей,—все это до крайности подчасъ мѣшало правильному и быстрому ходу работы, давалъ возможность дѣлать записи лишь химическимъ карандашомъ, хотябы изъ опасенія прибавить ко всей подавляющей грязи еще и выпачкиваніе бумагъ черналами. Не смотря на всѣ эти неудобства и затрудненія, данная мнѣ по подворной регистраціи программа выполнена мною почти безъ всякихъ отступленій и вся составившаяся такимъ образомъ объемистая переписка будетъ мною представлена вслѣдъ за приведеніемъ ея въ бѣловой видъ. Во время своихъ работъ на мѣстахъ я имѣлъ подъ рукою, какъ уже упоминалъ, подобнаго же рода трудъ Иванова, но обнимавшій болѣе узкую рамку экомического положенія инородцевъ. Трудъ этотъ далъ мнѣ возможность быстро ориентироваться на первое время въ непривычной тогда для меня обстановкѣ, чѣмъ и принесъ мнѣ существенную пользу. вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго и непосредственнаго ознакомленія съ предметомъ и проходимою территоріей, стали выясняться многіе недочеты, неточности, а отъ части и невольныя промахи въ излѣдованіи Иванова, объясняемые различными причинами, главными изъ которыхъ, какъ кажется были стѣсненіе въ матеріальныхъ средствахъ его экспедиціи и отсутствіе всякой предварительной теоретической подготовки къ ней. Благодаря первому вышло то, что онъ съ бывшимъ при немъ полицейскимъ стражникомъ, принужденъ бывалъ нерѣдко, слѣдуя отъ деревни къ деревнѣ и отъ остойбища къ стойбищу, прибѣгать, такъ сказать, къ реквизиціи перевозочныхъ средствъ, а быть можетъ и продовольствія, что неминуемо должно было ставить его отчасти во враждебныя отношенія съ населеніемъ, и безъ того не всегда довѣрчивымъ, порождая этимъ умышленно—нѣверную дачу свѣдѣній и отвѣтовъ при опросахъ, въ чемъ не разъ и сознавались мнѣ люди его помниціе и возившіе. Справедливость этого обыкновенно подверждалась простымъ сравненіемъ его записей съ дѣйствительностью, зачастую вовсе ей несоотвѣтствующихъ и не въ зависимости отъ измѣненій, возникшихъ за четырехлѣтній промѣжутокъ съ тѣхъ поръ, что конечно тоже принято мною въ расчетъ. Вторая—т. е. теоретическая неосвѣдомленность—сказалась въ томъ, что, какъ видно изъ официально представленнаго имъ труда, всѣ обитаемыя пункты Чайвинскаго залива онъ приурочилъ къ Ныйскому заливу, совершенно игнорировавъ первый; все сѣверное побережье Сахалина вмѣстѣ съ западнымъ отъ мыса Морія на югъ до дер. Помиръ, что у залива Пронге, отнесъ къ Охотскому берегу, куда также какими то судьбами причислилъ и обитателей селенія Лангари при рѣчкѣ Лангари, никогда на немъ не существовавшихъ. Подобныя промахи могутъ быть обусловлены лишь полнѣйшимъ невѣдѣніемъ хоть какой бы то ни было карты проѣзжаемой территоріи. Съ другой стороны, не говоря уже о фантастическихъ (да простится мнѣ смѣлость выраженій) именахъ многихъ зарегистрированныхъ лицъ и нѣкоторыхъ названій населенныхъ пунктовъ и урочищъ, а также регистраціи иногда лицъ одного пола въ противоположный, у него встрѣчаются такія опредѣлительныя для положенія селеній названія, какъ напримѣръ: «деревня Виски при заливѣ Твахъ» или «дер. Кекрво при заливѣ Кекрво—Твахъ». Непростительнымъ считаю (опять извиняясь за свою смѣлость), что изслѣдователь, занимавшій официальную должность переводчика, хотябы и японскаго только языка, все же проѣхавшій съ гиляками порядочное время до Кекрво, т. е. побывавъ раньше и въ Набилѣ и въ Ныѣ (судя все по тому же его труду), стало быть неминуемо и не разъ переѣзжалъ всякіе «твахи» (т. е. проливы) и всетаки не узналъ, что гиляцко слово «твахъ» есть имя нарицательное, равнозначащее русскому слову «проливъ». Значитъ г. Ивановъ официально представилъ, что дер. Кекрво стоитъ при заливѣ «Кекрво проливъ» и дер. Виски при заливѣ «Проливъ». Правда, что на многихъ картахъ нѣтъ этого самого большого на Сахалинѣ залива (между прочимъ и на выданной мнѣ передъ экспедиціей изъ Концеляріи Губернатора), но всякій гилякъ сказалъ бы г. Иванову, что это Кякръ или Кякръ ту (гиляки собственно заливы, сообщающіеся съ моремъ узкимъ проливомъ—твахомъ—, называютъ чаще «ту» или «ду» т. е. озеро, полагать надо, причисляя ихъ къ озерамъ, въ отличіе отъ собственно бухтъ), подобно тому, какъ и эту деревню назвалъ бы правильно Кякръ. Что же касается дер. Виски, то она дѣйствительно стоитъ близъ тваха, т. е. пролива, но только ведущаго тоже въ весьма обширный заливъ Байкаль, который есть, кажется на всѣхъ картахъ. Но да простятся эти погрѣшности г-ну переводчику Иванову, т. е. онѣ не были чуждыми и знатоку гиляцкаго быта и считающемуся ученымъ вообще изслѣдователю, Штернбергу, который между прочимъ въ 1894 году производилъ археологическія раскопки и также переписъ населенія на сѣверѣ Сахалина, а въ 1905 году издалъ свой капитальный трудъ по изслѣдованію гиляковъ, такъ и озаглавленный имъ «Гиляки». Ему то въ особенности непростительно было приписать себѣ славу якобы «открытія вѣчнаго снѣга на отдѣльномъ островѣ противъ селенія Виск-во, посящемъ у гилякъ названіе Ур-Мифъ, расположенномъ въ 2—3 верстахъ отъ берега Сахалина, имѣющемъ въ длину версть 8—10, въ ширину версты три, совершенно отсутствующемъ на Сахалинскихъ картахъ и тянущемся отъ Виск-во на сѣверо—востокъ почти до устья Помрскаго залива», который въ томъ же описаніи въ приложенной къ издававшемуся до минувшей русско—японской войны «Сахалинскому календарю» статьѣ Штернберга («Путешествіе на крайній сѣверъ о-ва Сахалина») именуется ниже «Помрской Лагуной, отдѣленной отъ моря косою Музвъ, на картѣ отсутствующею». Не говоря уже отомъ, что этотъ «вѣчный снѣгъ» никакой буквально диковины не представляетъ и любой толковый гилякъ изъ обитателей сосѣднихъ деревень Виски (Вискво тожъ) и Маскальво охотно объяснилъ бы г-ну Штернбергу происхожденіе этого, несомнѣнно любопытнаго, но и только, явленія, изъ года въ годъ повторяющагося на ихъ глазахъ, въ силу естественныхъ условій мѣстности и господствующихъ вѣтровъ, что ясно долженъ понять всякій не лишенный извѣстной наблюдательности человекъ, но будучи вовсе специалистомъ, побывавшій на этомъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе интеллигентный, не фантазируя о «вулканичѣ Эребѣ въ Южномъ полушаріи» или «огромномъ ледникѣ, занесенномъ съ незапамятныхъ временъ съ острова или холоднымъ теченіемъ, по составу своему—сверху снѣгъ, далѣе фирнъ, еще ниже

настоящая масса льду—являющемся настоящим ледником“ т. к. всего этого тамъ нѣтъ и въ поминѣ, а есть лишь солидные слои снѣга различной плотности, чередующіеся съ таковыми же слоями песку, въ общей сложности быть можетъ на нѣсколько аршинъ въ глубину. у основанія сѣверо—восточнаго склона той дюны, у которой все это образованіе происходитъ, а самый верхній и вмѣстѣ съ тѣмъ самый рыхлый слой снѣга весь тоже подъ рыхлымъ несомъ и только кое-гдѣ у самаго основанія дюны обнаженъ и подтаиваетъ,—не говоря о томъ, повторяю, что тутъ мы очевидно имѣемъ дѣло съ наносами обширныхъ сувоевъ снѣга на крутой склонъ дюны, обращенной пмъ къ господствующимъ зимою вѣтрамъ (въ пурги), засыпаемымъ съ весны сыпучими песками съ вершины той же дюны господствующими въ это время противоположными вѣтрами, въ результатѣ чего и получаютъ чередующіеся слои того и другого изъ года въ годъ, я прямо (да простить меня г. Штернбергъ) непостижимымъ считаю, какъ это онъ слово «урмифъ», нарицательное имя у гиляковъ для всякаго острова, возвелъ въ имя собственное, совершенно также, какъ это сдѣлалъ г. Ивановъ со словомъ «твахъ». Но и это бы еще ничего, если бы г. Штернбергъ не ввелъ въ заблужденіе другихъ изслѣдователей, принявшихъ на вѣру при дѣйствительномъ отсутствіи сносныхъ картъ этого района, что у сѣверныхъ береговъ Сахалина дѣйствительно существуетъ отдѣльный островъ Ур-мифъ, который по указаннымъ размѣрамъ и мѣстонахожденію былъ, между прочимъ, нанесенъ пунктиромъ на карту, любезно для меня составленную упомянутымъ уже мною г-номъ Пальчевскимъ для ориентировки въ предстоящемъ путешествіи и я, признаюсь, жаждалъ посѣтить этотъ замѣчательный островъ. Слѣдуя однако все время берегомъ, я конечно не могъ не видѣть всякаго мыса, всякаго рифа, всякой косы, попадавшихся на моемъ пути, видѣлъ и любовался простымъ глазомъ и въ хорошей бинокль всеми островами, какія имѣются въ сѣверномъ отдѣлѣ Татарскаго пролива и особенно видны въ хорошую погоду съ устья рѣчки Люги одновременно съ мысами и вершинами материка и крайняго сѣвера Сахалина, давая въ общемъ грандіозную панораму, тѣмъ не менѣе острова «Ур Мифа» найти не могъ, т. к. всѣ видимые острова (урмифы) принадлежали материковой сторонѣ, въ силу болѣе близкаго къ ней расположенія. Пройдя затѣмъ отъ Люги къ заливу Байкаль, до начала котораго и лежащаго при немъ селенія Виски (или Вискво) отсюда считаютъ версты 25—30 берегомъ и въ теченіи лишь передняго пути побывавъ въ разныхъ пунктахъ всего этого района, я не могъ не убѣдиться воочию, что мифическій «Ур-Мифъ» Штернберга есть не что иное, какъ сѣверо—западный берегъ залива Байкала, того же дюннаго характера, что и значительная часть другихъ его береговъ, прорѣзанный двумя твахами (т. е. проливами), соединяющими его съ моремъ, при чемъ близъ южнаго и болѣе длиннаго и широкаго тваха за крутымъ поворотомъ правого, считая отъ моря, его берега стоитъ д. Виски, а на лѣвомъ берегу, считая тѣмъ же по рядкомъ, сѣвернаго тваха, болѣе короткаго и узкаго,—деревня Маскальво Дюна съ «вѣчнымъ снѣгомъ» стоитъ за поворотомъ лѣваго берега южнаго тваха на самомъ берегу залива и хорошо видна съ дюны у дер. Виски, отличаясь отъ сосѣднихъ дюнь отсутствіемъ на ней растительности. На ней со всѣхъ сторонъ, т. е. и отъ морского берега и со стороны залива, я побывалъ. Но дѣло въ томъ, что дюнный урмифъ составляетъ неотъемлемую принадлежность Байкала и въ осенніе шторма превращается зачастую въ цѣлый архипелагъ урмифовъ, т. к. громадные волны находятъ себѣ путь среди дюнь, доказательствомъ чему служатъ завалы дровъ, бревенъ и корягъ не только по берегамъ его, но всюду внутри въ падахъ между дюнь. Подтверждаютъ это и гиляки. Проходя пѣшкомъ весь вѣншній берегъ между двумя твахами (между Виски и Маскальво), я имѣлъ достаточное основаніе считать себя идущимъ по западному берегу Сахалина. То урочище, гдѣ холмъ дюна съ наноснымъ снѣгомъ, бывшій при мнѣ пожилой гилякъ изъ д. Маскальво, по имени Воспуинъ, назвалъ «Тоготигзъ» (произносятъ и Тоготигръ) Далѣе скажу, что Байкаль есть на всѣхъ Сахалинскихъ картахъ, но по большей части изображенъ съ однимъ только проливомъ (твахомъ) и часто съ придаточнымъ къ нему съ востока отдѣльнымъ озеромъ, чего на дѣлѣ нѣтъ, т. к. это мнимое озеро есть просто далеко вдавшійся рукавъ залива. Если бы г. Штернбергъ болѣе внимательно наблюдалъ окружающую мѣстность, то конечно не счелъ бы, что его «Урмифъ» тянется до пролива (твахъ), соединяющаго заливъ Пронге съ моремъ и именуемаго у него «Помрской Лагуной». Что лѣтняя дер. Помиръ (или Помръ) стоитъ на полуостровѣ на правомъ, считая отъ моря, берегу этого тваха, вѣрно, равно и то, что на картахъ до сихъ поръ ее наносятъ много южнѣе ея дѣйствительнаго нахожденія, а заливъ изображаютъ озеромъ, но во всякомъ случаѣ отменяя коса, которой къ сѣверу заканчивается его «Урмифъ» не доходитъ такъ далеко, выдаваясь лишь на одну—другую версту за сѣверный Байкальскій твахъ, закрывая его отчасти съ запада. и отъ конца ея до дер. Помиръ даже въ полный отливъ остается еще добрыхъ 10—15 верстъ, если не болѣе. Не удивительнымъ для него поэтому должно было быть и отсутствіе на такихъ картахъ и «косы Музвь», разъ заливъ Пронге («Помрская Лагуна») изображался озеромъ. Но удивительно то, что онъ косу эту, которая не есть строго говоря коса, назвалъ «Музвь»—т. е. назвалъ, я думаю, по имени бывшей еще недавно деревни этого названія, расположенной на морскомъ берегу сѣвернѣе дер. Помиръ версты примѣрно на 15—20, а то, что онъ, повидимому, не зналъ, что слово «музвь» тоже чисто нарицательное имя, для обозначенія гиляками всякаго волока, невысокаго водораздѣла, а не косы, тогда именно, при отсутствіи пролива между моремъ и озеромъ Пронге (а гиляки, повторяю, падобные заливы и называютъ озерами), та сравнительно узкая полоса суши между тѣмъ и другимъ вполне опредѣляла бы понятіе «музвь», каковымъ, я убежденъ, она иногда и служитъ, т. к. впадающая въ море рѣчка при бывшей дер. Музвь, устье которой нынѣ загромождено наноснымъ лѣсомъ, верховьями близко подходитъ къ рукавамъ и рѣчкамъ бассейна залива Пронге, а стало быть гиляки, сокращая себѣ объѣздной путь моремъ, которое къ тому же при малейшемъ вѣтрѣ даетъ здѣсь непреодолимый для ихъ лодокъ прибой въ нѣсколько линий, продвигаются существующими музвами, т. е. волоками, пѣшая же тропа, существующая между этими пунктами, въ еще большемъ ходу.

Встрѣтившись 9-го Августа этого года нѣсколько сѣвернѣе этихъ мѣстъ съ геологомъ Тихоновичемъ и топографомъ Панфиловымъ, я, разумѣется подѣлился съ ними всѣмъ, что касалось «Урмифа», «вѣчнаго свѣга» и другихъ личныхъ наблюдений, т. к. они въ то время еще собирались обследовать этотъ пройденный уже мною районъ, обследовавъ передъ тѣмъ районы мысовъ Горнера, Маріи и Елизаветы, и виолнѣ были увѣрены встрѣтить добавочный къ нашимъ владѣніямъ поразительный островъ съ глетчеромъ. Отвлекаясь невольно въ сторону вопросовъ чисто географическихъ, перехожу однако къ главному предмету доклада.

2) Общія по каждому селенію данныя.

Данною мнѣ инструкціею, обнимавшею десять вопросовъ, касавшихся болѣе или менѣе обстоятельныхъ и полныхъ отвѣтовъ на нихъ по части: 1) существующихъ путей сообщенія между населенными пунктами круглый годъ, 2) разстояній между ними, измѣряемыхъ главнымъ образомъ сносами передвиженія, 3) степени пригодности этихъ путей и нужды въ ихъ улучшеніи, 4) количества умершихъ отъ оспы въ зиму 1907—08 годовъ, 5) потребленія продуктовъ культурнаго производства и степени ихъ распространенія, 6) цѣны на нихъ, 7) сношеній съ сосѣдними населенными пунктами, причинами ихъ вызывающими, степенью ихъ оживленности и существующими средствами для этого, 8) общественной организаціи, правъ, обязанностей ея членовъ, выборной или родовой сельской администраціи со всѣми атрибутами ея власти, родовъ и ихъ устройства, 9) желательныхъ мѣръ улучшенія матеріальнаго положенія, соединенія въ общества, развитія гражданственности и поддержанія связи съ общей администраціею и 10) ясака, какого и кѣмъ собираемаго, я долженъ былъ собрать эти свѣдѣнія по каждому селенію отдѣльно, представивъ ихъ въ видѣ приложений къ подворной переписи каждаго селенія, при чемъ мнѣ выдано было всего счетомъ три экземпляра этой инструкціи въ формѣ нѣсколько болѣе подробнаго перечня всѣхъ приведенныхъ вопросовъ, а не въ видѣ бланковъ, удобныхъ для заполнения. Въ виду послѣдняго, и главнымъ образомъ потому, что, какъ оказалось на дѣлѣ, почти всѣ поставленные вопросы разрѣшались всюду болѣе или менѣе одинаково, представляя особенности лишь въ немногихъ отдѣльныхъ населенныхъ пунктахъ, я предпочелъ добытыя свѣдѣнія заносить кратко на тѣхъ-же подворныхъ бланкахъ, гдѣ нибудь на лицевой ихъ сторонѣ или на оставшихся незаполненными мѣстахъ въ нихъ, что представляло больше удобствъ на практикѣ, было проще и скорѣе. Описанія на отдѣльныхъ листахъ сдѣлалъ я тамъ только, гдѣ не хватало почему либо мѣста на подворныхъ бланкахъ. Такимъ образомъ отвѣты на вопросы №№ 1, 2, 3, 5, 6 и 7 я представляю на заголовочныхъ листахъ подворной переписи, отвѣты же на вопросы №№ 8 и 9 лишь при таковой же переписи болѣе значительныхъ селеній, тогда какъ относительно деревень или стойбищъ въ 1—2 юрты ограничусь отвѣтомъ на одинъ № 9-й, т. к. № 8 для нихъ вообще не подходитъ.

Всѣ свѣдѣнія по вопросу № 4 программы мною уже полностью исчерпаны въ санитарномъ отдѣлѣ настоящаго доклада, а потому возвращаться къ нимъ я болѣе не буду, на свѣдѣніяхъ же по вопросамъ № 5-го, хотя въ общихъ чертахъ и указанныхъ въ томъ же отдѣлѣ, я здѣсь останавлиюсь съ возможной подробностью, равно какъ и на свѣдѣніяхъ по № 6-му. По № 10-му свѣдѣнія коснутся только группы тунгускаго населенія и слившихся съ ними якутовъ по той причинѣ, что остальные группы населенія—т. е. гилаки, орочены и живущіе среди нихъ немногіе русскіе никакихъ платежныхъ и натуральныхъ повинностей не несутъ и въ большинствѣ даже никакого представленія объ этомъ не имѣютъ, не будучи совершенно освѣдомленными о самомъ понятіи слова «ясакъ», являющемся для нихъ чуждымъ звукомъ, тогда какъ тунгусы, какъ упомянуто уже отчасти въ предыдущемъ отдѣлѣ, ясакъ знаютъ и платятъ его «Исправнику Сахарову въ Николаевскѣ», какъ сами они говорятъ, выражая неподѣльное удивленіе, что я оказался незнакомымъ лично съ г. Сахаровымъ («какъ ты не знаешь нашего Исправника Сахарова?!») — часто слышалъ я отъ западно и восточно-бережныхъ тунгусовъ Сахалина). На сколько удалось выяснитъ, ясакъ этотъ взимается: съ тунгуса Адянскаго рода по 4 р. въ годъ, съ тунгуса Лалагирскаго рода—3 р. 95 к. въ годъ, Бутайскаго рода—4 р. въ годъ, Дерскаго рода—9 р. въ годъ, со всякаго мужчины рабочаго возраста т. е. приблизительно отъ 18—20-ти до 50—60-ти лѣтъ и вносится деньгами лично тунгусами, ежегодно около 1-го Января бывающими въ городѣ Николаевскѣ, куда они, какъ упомянуто была, тяготеютъ экономически и административно, называя г-на Сахарова «своимъ Исправникомъ». Но въ какомъ именно изъ Полицейскихъ Управленій, находящихся въ городѣ Николаевскѣ,—т. е. Николаевской или Удской округи—это производится, добыться такъ и не удалось. по причинѣ отсутствія вполнѣ толковыхъ переводчиковъ. Платежи производятся довольно аккуратно и очевидно не обременительны для сравнительно благосостоятельныхъ въ денежномъ отношеніи тунгусовъ, среди которыхъ есть отдѣльныя лица, владѣющія тысячами рублей и, по слухамъ, хранящихъ часть ихъ въ банковыхъ учрежденіяхъ (въ Николаевскѣ). Таковымъ является, напримѣръ, знаменитый по своему тунгусъ Максимъ Андреевичъ Прокопьевъ, Аникаирскаго рода, старый вдовецъ, совершенно отдѣльно отъ другихъ тунгусовъ кочующій въ районѣ рѣчки Вагисъ и ея верховьевъ къ сѣверо-востоку отъ Погоби. Лишившись нѣкоторыхъ членовъ своей семьи, умершихъ въ послѣднюю эпидемію, онъ держитъ при себѣ только дочь—юную довольно красивую дѣвушку—да племянника, 30-ти лѣтняго парня. Этотъ Максимъ (или, какъ чаще его зовутъ «Максимка»), встрѣтившись со мной въ первые на мысѣ Погоби сказалъ: «Какъ ты меня не знаешь?! Всѣ меня знаютъ, Исправникъ Сахаровъ знаетъ и Генераль знаетъ, все Начальство знаетъ. Я строилъ церковь на Большой Ванги одинъ, на свой счетъ, я былъ тамъ старостой церковнымъ!» Дѣйствительно онъ главнымъ образомъ выстроилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ часовню въ русскихъ Вангахъ, но тунгусами вообще не любимъ и они не стѣсняясь высказываютъ, что нажитое имъ состояніе, простирающееся по отзывамъ нѣкоторыхъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, осо-

бенно сильно увеличилось въ послѣднюю русско-японскую войну, когда онъ въ зиму 1904—1905 г.г. перегонялъ массаами оленей въ Николаевскъ, не различая своихъ собственныхъ отъ чужихъ, и продавалъ ихъ на мясо за высокую тогда цѣну по случаю заготовки продовольствія для войскъ крѣпостнаго гарнизона. Это и отчуждаетъ его въ настоящее время отъ остальныхъ тунгусовъ, такъ что старостою часевни теперь упомянутый его племянникъ Константинъ Прокопьевъ. Живетъ «Максимка» нисколько не комфортабельнѣе другихъ сородичей своихъ и органичивается тѣми же скудными потребностями. На ряду съ исправными плательщиками ясака попадаютъ и недоимщики, но не по бѣдности, а по нерадѣнію или отсутствію почему либо случая побывать зимою въ Николаевскъ или же внести ясакъ не полностью. Такимъ, какъ мнѣ передавали, Исправникъ приказываетъ сказать черезъ другихъ тунгусовъ, чтобы побывали и недоимку привезли, что обыкновенно въ ближайшій удобный срокъ и исполняютъ. Дѣти, женщины и глубокіе старики ясака не платятъ. Что касается якутовъ, то лично они тоже не платятъ ясака въ Николаевскъ, но какъ выходцы въ большинствѣ съ Ангуни, они продолжаютъ числиться тамъ въ своихъ обществахъ (равно и въ Якутской области), которыя и несутъ за нихъ установленныя денежныя и другія повинности.

3) Данные по племеннымъ группамъ

Кромѣ подворной переписи и описательной части по каждому селенію, я долженъ былъ собрать и представить въ описательной формѣ свѣдѣнія о каждомъ племени въ отдѣльности по слѣдующимъ десяти вопросамъ, составлявшимъ продолженіе упомянутой выше программы:

1) Религія съ обычаями ея и обрядами и желательныя мѣропріятія духовно-нравственнаго воздѣйствія.

2) Степень распространенія христіанства и посѣщеніе инородцевъ священниками.

3) Нравственность.

4) Важнѣйшія преступленія.

5) Самосудъ и наказанія примѣняемыя инородцами.

6) Существуетъ ли народная медицина.

7) Главнѣйшія болѣзни.

8) Есть ли сифилисъ среди инородцевъ и степень его распространенія.

9) Ремесла и орудія.

10) Прочее, что интереснаго на мѣстѣ выяснится.

При такой широкой постановкѣ вопросовъ, въ короткій срокъ, отведенный для всесторонняго почти изученія быта трехъ племенныхъ группъ, касающагося при томъ и нѣкоторыхъ интимныхъ, такъ сказать, его сторонъ, не имѣя въ тому же ни предварительной литературной (теоретической) подготовки, ни даже сносныхъ переводчиковъ, само собою разумѣется, что такіе глубокіе вопросы, какъ 1-й, 3, 4 и 5, не могли быть болѣе или менѣе подробно и тщательно выясненными за тотъ мимолетный періодъ, въ который приходилось видѣть и наблюдать жизнь изслѣдуемыхъ группъ, къ тому же склонныхъ естественно къ извѣстной скрытности по части какъ разъ этихъ-то интимныхъ сторонъ своей жизни.

Надо не разъ побывать и немалое время пожить среди этихъ людей, чтобы обстоятельно сколько нибудь изучить эти вопросы, иначе они могутъ быть разрѣшены только туристически (если можно такъ выразиться). Тѣ свѣдѣнія, какія удалось добыть я сообщу здѣсь, для подробнаго же ознакомленія съ этими сторонами быта главной, самой многочисленной и къ тому же наиболѣе самобытной инородческой племенной группы Сахалина, именно гиляковъ, я отсылаю къ упоминавшемуся уже мною сочиненію Л. Штернберга: «ГИЛЯКИ», выпущенному въ свѣтъ отдѣльнымъ оттискомъ его статей, помѣщенныхъ въ «Этнографическомъ вѣстникѣ» (№№ 61, 62 и 63) изд. 1905 года. Я видѣлъ экземпляръ этой (довольно толстой) книги у геолога Тихоновича на его бивакѣ 9-го Августа, какъ разъ на вышеупомянутой «косѣ Музьева», но, къ сожаленію, недостатокъ времени позволилъ мнѣ лишь весьма бѣгло ознакомиться съ содержаніемъ книги, такъ что почерпнуть изъ нея нужныхъ свѣдѣній я не успѣлъ. Приобрѣтеніе этой книги мѣстнымъ административнымъ учрежденіемъ считаю прямо необходимымъ, равно и учреждаемымъ мѣстнымъ музеемъ. Геологъ Тихоновичъ тогда же передавалъ мнѣ, что тѣмъ же авторомъ печатается уже еще болѣе объемистый трудъ о гилякахъ. То, что я успѣлъ пробѣжать изъ книги, убѣдило меня, что по данной мнѣ программѣ и въ моихъ условіяхъ все существенно важное по части этнологической и этнографической является прямо мнѣ недоступнымъ и надо долго пожить среди гиляковъ, чтобы понять и познать ихъ, мои же изслѣдованія по неволѣ являются какъ бы казенными и другими быть не могутъ.

Вопросы №№ 6, 7 и 8 мною такъ или иначе уже разобраны въ отдѣлѣ санитарномъ и остаеся такимъ образомъ остановиться на №№ 2-мъ, 9-мъ и 10-мъ. Говоря о степени распространенія христіанства среди инородцевъ Сахалина и посѣщеній ихъ священниками (№ 2 программы о каждомъ племени или 12-й общей программы) прежде всего приходится указать на тотъ фактъ, что распространеніе это не идетъ дальше весьма немногочисленныхъ группъ тунгусовъ (съ якутами среди нихъ) и ороченъ, тогда какъ гиляки во всей своей массѣ крѣпко держатся своего «язычества», не выказывая повидимому никакой склонности къ переходу въ инныя формы религій. По крайній мѣрѣ изъ всего числа зарегистрированныхъ мною 1573 душъ гиляковъ христіанами, но разумѣется только по имени, оказалось всего три человѣка. Это были: въ деревнѣ Помиръ гилякъ Гиркъ, или, какъ его больше зовутъ русскіе, Гирка; онъ выходецъ съ Амура, откуда пришелъ сюда 4 года т. назадъ искать счастья. На Амурѣ былъ крещенъ, неполадилъ съ отцемъ и ушелъ на Сахалинъ. Былъ у меня проводникомъ и переводчикомъ т. к. сносно знаетъ по русски. Своей юрты не имѣетъ, живетъ «квартирантомъ» у хозяина Позьрана, холостъ, 33-хъ лѣтъ, самостоятельнаго хозяйства тоже не ведетъ,

а околачивается больше около рыбаковъ. Въ крещеніе названъ Инокентіемъ Кирилловымъ (должно быть по воспреемнику) и часто путаетъ эти имена, называя себя то Инокентіемъ, то Кирилломъ. Никакого представленія о новой своей религіи не имѣетъ и пичѣмъ по образу жизни отъ остальныхъ гиляковъ не отличается, если не считать повышенной надкости къ спирту, бѣдности и нѣкоторой кичливости, что де «я съ Амура, образованный». Второй случай—гилякъ въ дер. Их-во, Иванъ Алексѣевъ 38 лѣтъ. Тоже не имѣетъ самостоятельнаго хозяйства, равно и представленія о религіи, къ которой номинально принадлежитъ, къ тому же девятнадцатилѣтняя жена его, Титункь, язычница. Живутъ въ юртѣ гиляка Селыгуна «квартирантами». Третій случай—въ дер. Нганьво 75-ти лѣтній старикъ—вдовецъ Яхвоунъ, въ крещеніи тоже Иванъ Алексѣевъ. Онъ выходецъ изъ дер. Лангари, гдѣ въ Январѣ 1905 года русскіе рабочіе съ рыбалки Тамлаво зарѣзали его жену и двухъ квартирантокъ—гилячекъ во время сна, ограбили имущество, а юрту сожгли. Было это у самого кардона Лангари, Яхвоунъ былъ въ отлучкѣ на Амурѣ. Разорившись, перешелъ жить въ Нганьво и состоитъ бобылемъ—квартирантомъ у гиляка Навана; христіанинъ онъ также лишь по имени.

Толкуя иногда съ болѣе развитыми и обстоятельными гиляками, я прямо убѣдился въ томъ, что къ христіанству они относятся весьма опасливо, какъ бы не только не ожидал отъ перехода къ нему какихъ-либо нравственныхъ и матеріальныхъ благъ для себя, но скорѣе видя въ этомъ какъ бы гибель своей народности, тѣмъ болѣе, что со стороны того русскаго (или вообще христіанскаго) элемента, съ которымъ они сталкиваются со дня перваго его появленія въ районѣ ихъ обитанія, они не могли видѣть благихъ примѣровъ. Старики часто вздыхаютъ, помня доброе старое время, когда «лочей» («лоча»—по гиляцки русскій) не было, жилось привольнѣе и богаче и утверждаютъ, что и рыбы, и птицы и соболей «шибко больше было», никто не мѣшалъ, никто не стѣснялъ, т. к. «сизямы» (по гиляцки японецъ) къ нимъ рѣдко заглядывали, а съ «манжу» («манжу»—китаецъ) они ладились по своему, приобретаая отъ нихъ табакъ, ткани, немного зерновыхъ продуктовъ, а главное «пунчи» и «кахи» («пунчъ»—лукъ изъ китоваго уса, «кахъ»—широкое копье—рогатина), которыми добывали крупнаго звѣря. Появленіе среди нихъ «килей» («квиль»—по гиляцки тунгусъ), крещеныхъ, также отчасти стѣснило ихъ, т. к. тѣ стали мѣшать имъ въ звѣроловствѣ, отбивая насиженныя мѣста—завѣтныя рѣчки, по которымъ гнѣздятся соболя и выдра, а главное составили опасную конкуренцію, т. к. оказались лучшими охотниками. Въ смыслѣ же нравственномъ эти номинальные христіане не могли и не мугутъ, конечно, дать назидательныхъ положительныхъ свойства примѣровъ для племени «нивовъ» (гиляки всегда сами себя называютъ «шивъ» т. е. «человѣкъ», тогда какъ въ названіяхъ всѣхъ другихъ народностей и племенъ у нихъ отчасти проскальзываетъ презрительное отношеніе).

Священниковъ нашихъ гиляки, какъ кажется, почти совершенно не знаютъ и никакихъ слѣдовъ миссіонерской дѣятельности первыхъ, если и бывали попытки въ этомъ направленіи когда либо, видѣть не пришлось, равно и слышать о ней. Обращеніе трехъ лицъ носило характеръ чисто случайный въ Николаевскѣ, гдѣ лица эти каждую зиму околачивались и состоялось вѣроятно не безъ матеріальныхъ расчетовъ съ ихъ стороны, впрочемъ не оправдавшихся. Нѣкоторое знакомство со священниками бываетъ только у гиляковъ—кауровъ, въ кои вѣки перевозящихъ ихъ нартами къ тунгусамъ и ороченамъ, дальше чего дѣло не идетъ. Изъ 112-ти зарегистрированныхъ мною ороченъ, представляющихъ, какъ упомянуто было въ санитарномъ отдѣлѣ, лишь жалкіе остатки этого племени, всѣ оказались православными, «крещеными», какъ сами это называютъ. На сколько они таковыми въ дѣйствительности, я уже указалъ отчасти въ томъ же отдѣлѣ. Здѣсь остается добавить, что обращеніе ихъ въ христіанство едва ли состоялось на Сахалинѣ, на которомъ они появились, хотя и много раньше повидимому, чѣмъ тунгусы, но все же приблизительно почти въ одно время съ появленіемъ здѣсь первыхъ русскихъ или, если и нѣсколько раньше, то могли быть въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ ними въ районахъ первоначальнаго своего обитанія на материкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, представители этого племени, весьма близкаго къ тунгусамъ, что доказывается сходствомъ языковъ до возможности почти свободно объясняться между собою, многихъ обычаевъ, типа, образа жизни и т. п.—издавна и до настоящаго времени разбросаны весьма малыми группами на громадныхъ пространствахъ частью верхнихъ и лѣвыхъ притоковъ Амура, частью въ предѣлахъ сѣверной Манчжуріи (въ хребтахъ обоихъ Хингановъ), частью въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ. На Сахалинѣ пришли вѣроятно всего выходцы изъ верхне-амурскихъ группъ, т. е. изъ болѣе старыхъ нашихъ владѣній, гдѣ какъ и тунгусы и якуты, могли быть подъ влияніемъ нашихъ миссіонеровъ—просвѣтителей восточно-сибирскихъ инородцевъ. Не смотря на всѣ усилія, мнѣ такъ и не удалось выяснить, сохранилась ли у сахалинскихъ ороченъ еще какая либо связь со своими материковыми родичами, но вѣрнѣе повидимому будетъ считать, что они ее совершенно уже утратили, какъ и родовое устройство свое, отъ котораго, кажется уцѣлѣли одинъ лишь названія. По крайней мѣрѣ абсолютно ничего не могли мнѣ объяснить по этой части ни старики, ни толковые молодые. Между прочимъ въ бесѣдѣ объ этомъ племени съ начальникомъ Сахалинской переселенческой экспедиціи, г-номъ Пальчевскимъ, изслѣдовавшимъ раньше Уссурійскій край, на заявленіе мое ему, что тамъ (по притокамъ Усури) есть тоже орочены, онъ первоначально сталъ увѣрять меня, что тамъ де не орочены, а особое племя «ороки», а «орочены» должны, по его мнѣнію, составлять тоже совершенно отдѣльную племенную группу, которой онъ тамъ не видалъ, какъ не успѣлъ еще видѣть и здѣшнихъ (т. е. сахалинскихъ) ороченъ. На это я возразилъ ему, что дѣло объясняется проще, что онъ видалъ въ Уссурійскомъ краѣ именно тѣхъ же ороченъ и все тутъ лишь заключается такъ сказать въ безпорядочной номенклатурѣ одного и того же племени. Видѣ здѣшніе орочены зовутся такъ только русскими. Сами себя они называютъ: «варэ», гиляки же ихъ называютъ «орокъ», откуда понятнымъ становится и все остальное—т. е., что названія: орочены и ороки—синонимы, при чемъ первое названіе принесено русскими же, знавшими и знающими ихъ по Сибири. Священниковъ они видятъ у себя немногимъ чаще, чѣмъ гиляки, влияніе которыхъ, какъ болѣе самобытныхъ и твердыхъ, на мягкихъ,

тихихъ по природѣ ороченъ весьма замѣтно отражается во многихъ отношеніяхъ, благодаря близкому сосѣдству и тѣсному общенію. Дѣло въ томъ, что выѣзжавшій разъ въ зиму изъ Николаевска, (а прошлой зимой впервые изъ Александровска) священникъ первымъ дѣломъ поподалъ въ тунгускія стойбища западнаго берега, откуда его возили на Охотскій берегъ въ главныя до послѣдней эпидеміи центры ороченскихъ зимовокъ—Валь и Даги. Но такъ какъ ороченны широко разбросаны между Пелетунскимъ и Набилскимъ заливами и собраться въ нужное время въ два эти бывшіе центра не могутъ, то большинство ихъ и остается хронически (годами) безъ удовлетворенія своихъ духовныхъ требъ. По крайній мѣрѣ это высказывали мнѣ прямо и въ Пелентунѣ и въ Оуркунѣ, а молодой якутъ при этомъ бывший, привозившій батюшку съ Нылдэ на Гарамай, выражалъ претензію на будто-бы скудость батюшки при расчетѣ съ нимъ за провозъ и очевидно смотритъ на пріѣздъ къ нему духовнаго пастыря, какъ на періодическое служебное посѣщеніе командированнаго чиновника. Если номинальными христіанами являются бойкіе тунгусы и еще болѣе «развитые» и культурные якуты, то нѣтъ мудренаго, что жалкіе ороченны, сохранивъ лишь кое-какіе вышніе приемы официальной религіи, о чемъ уже говорилось мною, съ года на годъ все болѣе и болѣе отстаютъ отъ нея, оставаясь все тѣми же прежними язычниками, ассимилируясь кромѣ того въ послѣднемъ отношеніи еще и съ гиляками, перенимая и усваивая отъ нихъ многое. Такъ напримѣръ у нихъ существуютъ уже общіе шаманы; ороченны, какъ мы видѣли, стали полурыбанами, полуоленоводами; они часто дѣлаютъ усилія чтобы вспомнить «хрещенное» имя свое или ближайшихъ членовъ семьи и т. п. Ассимиляція идетъ отчасти и въ обратномъ направленіи—гиляки кое-гдѣ заводятъ оленихъ, одинъ гилякъ совершенно перешелъ на ороченскій образъ жизни, т. е. сталъ перекочевывать со своими оленями, жить постоянно въ палаткѣ, пападались молодые гиляки, постоянно живущіе въ палаткахъ у ороченъ почти на правахъ членовъ семьи и т. д. Тунгусы и якуты въ числѣ 75-ти душъ первыхъ и 13-ти вторыхъ, зарегистрированныхъ мною, тоже всѣ оказались православными, о чемъ также не разъ упоминалось, равно и о крещеніи ихъ еще въ бытность на материкѣ. Въ смыслѣ большей прочности удержанія ими пріобрѣтенныхъ многихъ вышнихъ формъ христіанства несомнѣнно они являются гораздо болѣе устойчивыми, чѣмъ соплеменные имъ ороченны. Мало того, имѣя постоянное соприкосновеніе съ ороченами, они такъ или иначе являются отчасти какъ бы нѣкоторыми поборниками для нихъ въ этомъ отношеніи, служа въ ихъ глазахъ прототипами въ хорошемъ смыслѣ, т. к. составляютъ своего рода аристократію тайги и тундры по своему превосходству надъ остальными племенами ея благосостояніемъ, предприимчивостью, бывалостью и развитіемъ. Допустимо вполнѣ будетъ и такоое предположеніе, что первые ороченны Сахалина могли быть и язычниками, а христіанство и внесли въ ихъ среду именно появившіеся затѣмъ тунгусы, что легко вполнѣ было при ихъ соплеменности. Къ сожаленію тунгусы не являются, повидимому, христіанами сознательными настолько, какъ напримѣръ лопари Финляндіи и Норвегіи, о которыхъ извѣстно, что они не расстаются съ евангеліемъ и библіей, проводя длинныя полярныя ночи за чтеніемъ ихъ въ слухъ передъ собраніемъ сородичей въ какой нибудь большой юртѣ, (какъ это и послужило сюжетомъ извѣстной въ свое время картины одного талантливаго художника), а выражаютъ принадлежность свою къ церкви главнымъ образомъ во вышней обрядности—содержаніемъ маленькихъ иконокъ въ юртахъ, желаніемъ показать, что они «по русски», принимаясь за ѣду, питье чая и водки или входя въ юрту, крестятся и т. д., хотя на ряду съ этимъ проявляютъ не показное стремленіе удовлетворить духовныя требы свои—закрѣпить браки вѣдчаніемъ, поворожденныхъ крестить, умершихъ отпѣть, юрты освятить и т. д., но посѣщенія своихъ стойбищъ чаще, чѣмъ 1—2 раза въ годъ, священниками они не особенно желаютъ, что и высказывали мнѣ не стѣсняясь при моихъ разспросахъ въ этомъ направленіи, по всѣй вѣроятности имѣя въ виду извѣстную матеріальную экономію, къ которой они, какъ кажется, весьма склонны, если она не касается пріобрѣтенія спирта, водки и табаку. Я видѣлъ среди нихъ двухъ сносно грамотныхъ якутовъ, но ни у нихъ, ни вообще у тунгусовъ ни разу не видаль ни евангелія, ни просто молитвенника ни на какомъ языкѣ, равно не видѣлъ и не слыхалъ, чтобы они молились (а не крестились только) передъ своими иконками или прямо на небо, находясь съ ними бокъ о бокъ на стойбищахъ и въ пути. Хотя у западно—бережныхъ тунгусовъ и есть въ Вангахъ часовня, куда однажды въ годъ пріѣзжаетъ священникъ, обыкновенно Великимъ Постомъ ближе къ Пасхѣ, и совершаетъ всѣ накопившіеся требы, но содержится она весьма нерадѣтельно и оставляетъ многого желать по части благолѣпія, не смотря на относительное богатство этихъ тунгусовъ. И вообще многое заставляетъ думать, что собственно прежняя религія тунгусовъ всетаки остается лежать въ главной основѣ ихъ внутренняго мировоззрѣнія, переходъ же къ новой является больше какъ бы отвѣчающимъ запросамъ «современной моды». О болѣе частомъ посѣщеніи священниками Сахалинскихъ инородцевъ—христіанъ слышать вообще не приходилось, но какъ бы ни было, все же тунгусы (и якуты) довольно прочно усвоили тѣ начатки христіанской культуры, которые имъ были въ свое время привиты. Они твердо знаютъ свои имена, да у нихъ и нѣтъ теперь иныхъ, сохраняютъ «величаніе» по отчеству, носятъ обыкновенно русскія фамиліи, ведутъ счетъ лѣтъ себѣ и членамъ своихъ семей, имѣютъ понятіе о великихъ праздникахъ—Рождествѣ Христовомъ и Св. Пасхѣ, о нѣкоторыхъ Св. Тайнствахъ, но постовъ, кажется, не держатъ. У нихъ не принято подолгу оставлять новорожденныхъ неокрещенными, по крайній мѣрѣ они стараются скорѣе осѣнить ихъ крестнымъ знаменіемъ и возложить на нихъ крестикъ, что и пришлось между прочимъ выполнить надъ однимъ новорожденнымъ въ стойбищѣ Саба по просьбѣ родителей бывшему тамъ со мною фельшеру. Такъ какъ самобытность ихъ во многомъ успѣла пошатнуться, то несомнѣнно они являются собою весьма благопріятную почву для полнаго развитія и укрѣпленія православной вѣры у нихъ путемъ лишь болѣе интензивнаго духовно-правственнаго воздѣйствія, для чего болѣе частое посѣщеніе ихъ священниками, конечно, весьма желательно, равно и миссіонерство для ороченъ. Тунгусы и якуты не утратили своей связи съ материковыми сородичами. Они имѣютъ общеніе съ ними каждую зиму и въ Николаевскѣ и на озерѣ «Орель», родовое же устройство ихъ сводится теперь,

какъ и у ороченъ, къ сохраненію лишь названій отъ прежнихъ старинныхъ родовъ, въ настоящее время переимѣшавшихся также, какъ переимѣшались и многіе якуты съ тунгусами. Есть даже случаи переимѣшаванія (браками) тѣхъ и другихъ съ русскими и ороченами.

Въ пунктъ 9-й программы входило описаніе ремеслъ, существующихъ у разсматриваемыхъ племенъ, и орудій производства. Вотъ какія данныя въ этомъ отношеніи у меня имѣются. Больше всего ремесла вообще развиты у гиляковъ, быть которыхъ, какъ элемента почти осѣдлаго, сложнѣе быта кочевыхъ ороченъ и тунгусовъ. Поэтому то у гиляковъ мы встрѣчаемъ, хотя и въ слабой степени процвѣтанія, такія постоянныя ремесла, какъ плотничное, кузнечное, отчасти слесарное и столярное.

Плотничное нужно имъ для построекъ юртъ и амбаровъ, а также долбленія лодокъ, которое исключительно практикуется на Тыми, въ Набилѣ, а отчасти въ Ныйскомъ и Чайвинскомъ заливахъ, тогда какъ все западное и сѣверное побережья приобрѣтаютъ лодки готовыми въ Амурѣ, отъ Амурскихъ гиляковъ, на мѣстахъ же нуждаются всетаки въ ихъ ремонтѣ и передѣлкахъ. Плотничныя орудія почти исключительно покупныя—топоры, пилы поперечныя и столярныя, рубанки, буравы и т. п. Однимъ изъ главныхъ орудій служить ножъ, съ которымъ гиляки никогда не расстаются, нося его въ ножнахъ на поясѣ, и замѣчательно искусно владѣютъ имъ одинаково какъ орудіемъ при охотѣ, такъ и орудіемъ для многихъ подѣлокъ изъ дерева, производства рѣзбы на немъ для украшенія юртъ и разной утвари. Для долбленія лодокъ употребляютъ впрочемъ еще своеобразный инструментъ вродѣ мотыжки, на короткой деревянной рукояткѣ, именуемый по гиляцки «мачингъ». Между плотничнымъ и столярнымъ ремеслами стоитъ и производство нарты обоихъ существующихъ у гиляковъ типовъ—т. е. старинныхъ и попроче, такъ называемыхъ собственно гиляцкихъ нарты, и такъ называемыхъ «русскихъ», которыя больше и сложнѣе и дѣлаются особыми мастерами, помощью тѣхъ же инструментовъ съ прибавкою столярной пилы, рубанка и ремней для связей. Эти нарты вытѣсняють первыя, остающіяся лишь у болѣе бѣдныхъ. Почему ихъ имѣнуть «русскими», неизвѣстно, но есть основаніе думать, что они распространились съ Амура и вѣрнѣе ихъ было бы называть «сибирскими», т. к. вѣроятно весьма, что они того типа, который входу у инородцевъ сѣверо-востока Сибири. Собственно столярничанье у гиляковъ исчерпывается только мастереніемъ дворокъ къ юртамъ, «пыршей» (низкихъ столиковъ), деревянныхъ блюдовъ, ковшей, переносныхъ люлекъ, но все это иногда не лишено бываетъ своеобразнаго изящества. Главнымъ инструментомъ при этомъ опять таки служитъ ножъ. Къ столярному же производству слѣдуетъ отнести выдѣлку весель—легкихъ, лопатообразныхъ, луковъ—самострѣловъ на звѣря, древокъ для «каха» (носье—рогатина), многосаженныхъ связанныхъ тонкихъ древокъ для нерпичьихъ гарпуновъ (острога), особыхъ приборовъ въ видѣ мутовки для ловли «быковъ» (особый видъ рыбы, употребляемый на кормъ собакамъ, т. к. гиляки сами ея не ѣдятъ обыкновенно, какъ и камбалу) и другихъ немногихъ предметовъ домашняго и промысловаго обихода. Они давно знакомы съ обработкою желѣза, но дальшековки наконецниковъ для стрѣлъ и гарпуновъ, крючьевъ для подвѣски котловъ, рыболовныхъ крючковъ и тому подобныхъ мелкихъ подѣлокъ не идутъ. Горновъ кузнечныхъ у нихъ собственно нѣтъ—ихъ замѣняетъ чаще всего очагъ юрты, но каменный уголь, который почти всюду подъ рукой, ими охотно употребляется при этомъ. Легкія маленькія наковальни, молотки, терпуга и подпалки—покупныя. Самодѣльны только легкіе переносные кузнечные мѣхи сердцеобразной формы, сложенные изъ дерева и кожи, по большей части рыбьей. Слесарное дѣло еще менѣе развито и ограничивается только кое-какими починками или мелкими передѣлками оружія—винтовокъ, дробевыхъ ружей и принадлежностей къ нимъ. Къ ремесламъ надо причислить и всѣ существующія у нихъ рукодѣлія, изъ которыхъ мужскими являются только вязаніе рыбо и нерпо-ловныхъ сѣтей и неводовъ, плетеніе петлей на соболя да изготовленіе собачьихъ шорокъ (упряжекъ), тогда какъ пряжа крапивы (гдѣ она еще употребляется) на сѣти, шитье обуви, обшиваніе положительно всей одеждой, изготовленіе берестяной утвари лежитъ на женщинахъ, нисколько не избавляя ихъ притомъ отъ участія и въ мужскихъ рукодѣліяхъ. Немногія орудія для этихъ рукодѣлій крайне примитивны, деревянные и самодѣльныя—спицы, веретена, донца, иглы же и наперстки покупныя, равно отчасти и нитки и рѣдко употребляемыя ножницы, т. к. кроить и рѣжутъ больше ножемъ. Вотъ въ главныхъ чертахъ и все, что можно сказать о ремеслахъ гиляковъ. У ороченъ, какъ полукочевниковъ, ремесла—еще меньше, имъ почти не приходится заниматься плотничными работами по постройкѣ юртъ въ такой степени, какъ гилякамъ, они рѣдко сами долбятъ себѣ лодки, приобрѣтая ихъ больше готовыми отъ гиляковъ; ихъ оления нарты до того примитивны, что почти всякій ороченъ самъ себѣ ихъ можетъ изготовить при помощи тѣхъ же инструментовъ, что гилякъ обыкновенные гиляцкіе нарты. Главныя орудія производства у нихъ тѣже, до ножа включительно, что и у гиляковъ и также по большей части покупныя, за исключеніемъ такихъ же кузнечныхъ мѣховъ, но потребностей въ кузнечномъ ремеслѣ у нихъ нѣсколько меньше. Столярное—тоже у нихъ ограниченнѣе и сводится лишь къ выдѣлкѣ тѣхъ же звѣро и рыболовныхъ принадлежностей. Но за то у нихъ мы видимъ особый видъ не то ремесла, не то рукодѣлія—это изготовленіе оленихъ сѣделъ, весьма нехитраго устройства, каковымъ, кромѣ приготовленія деревяннаго арчака, заняты женщины, равно и шитьемъ обуви, одежды, переменихъ сумъ, юртяныхъ полотницъ, выдѣлкою замши и рыбьихъ кожъ и всякимъ замысловатымъ вышиваніемъ и разшиваніемъ этихъ издѣлій. Производится все покупными иглами и ножемъ, нитки иногда замѣняютъ волокнами оленихъ сухожилій или тонкими ремешками. Надо полагать, что изготовленіе куколъ—идоловъ, судя по грубости этихъ издѣлій, производится тѣми же инструментами.

Тунгусы, будучи классическими кочевниками, уступаютъ въ ремеслахъ и ороченамъ. Лодки имъ совершенно не нужны, а у тѣхъ немногихъ, которые ими иногда пользуются, есть полная возможность купить таковыя готовыми, юртъ они не строятъ, а раскидывая свои палатки, пользуются топоромъ только для подтесыванія жердинъ, стало быть плотничать имъ приходится лишь при устройствѣ своихъ «тунгусскихъ» нарты, которые больше ороченскихъ, т. к. «парооленные», ороченскія же «однооленные», но устройство этихъ нарты не настолько сложно, чтобы создавать особое ремесло и

обходится помошью тѣхъ же: топора, пилы и ножа, а при большемъ стараніи, развѣ еще рубанка. Чтобы изладить какую нибудь желѣзную принадлежность вродѣ крюка для котла, исправить что нибудь по части оружія, они употребляютъ походныя наковальни и кузнечныя мѣхи — тоже характера и свойства, но еще рѣже орочень, зато сѣдельное производство, выдѣлка переметныхъ сумъ, оленьихъ шкуръ и издѣлій изъ нихъ — торбасовъ, рукавицъ, ергаковъ — у нихъ стоитъ выше, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ. Орудія производства у нихъ, впрочемъ, тѣже самыя. Вотъ и всѣ ремесла тунгусовъ. Вопросъ 10-й касается выясненія «всего интереснаго» на мѣстахъ. Но вѣдь въ этомъ смыслѣ буквально все попадавшееся представляло сплошной и громадный интересъ, такъ что для изложенія этого понадобилось бы составлять цѣлый отдѣльный докладъ. Пока же, думаю, не безынтересно и то, что уже было мною сообщено и сообщается.

По вопросу 1-му, т. е. о религіи гиляковъ, мнѣ удалось выяснить, толкуя съ разными «геймарами» (старикъ по гиляцки геймаръ), что сущность ихъ духовнаго мирозозерцанія заключается скорѣе въ «полимидемонизмѣ», а не въ «политеизмѣ», т. к. олицетворяющія различныя силы природы существа, ими почитаемыя, не суть собственно говоря «боги», а скорѣе «духи» воплощенные и невоплощенные разныхъ степеней, тогда какъ Высшее Божество у нихъ едино, хозяиномъ и владыкою мира земнаго и неземнаго у нихъ такимъ образомъ является единый Богъ. Шаманизмъ у нихъ теперь въ упадкѣ, т. к. нѣтъ болѣе въ живыхъ старыхъ вліятельныхъ шамановъ, а тѣ, какіе есть, какъ напримѣръ Молкъ по имени, въ дер. Кекрво, особымъ вліяніемъ не пользуется. Онъ имѣетъ «барабанъ», напоминающій скорѣе овальный щитъ изъ рыбьей кожи, натянутой на обручъ, донельзя грязный и закоптѣлый, съ нашитыми на немъ грубыми фигурами птицъ и звѣрей. Онъ бьетъ въ него просто щепкой, когда будто бы вызываетъ въ осеннія сумерки на очагъ «чертеняты». Хотя самъ я не видалъ его «дѣйствій», но увѣренъ, что при извѣстномъ настроеніи окружающихъ въ полутемной юртѣ подѣ гипнотическимъ вліяніемъ однообразныхъ и все усиливающихся звуковъ у нихъ могутъ быть вызваны нѣкоторыя зрительныя иллюзіи въ видѣ появленія и движенія у потухающаго огня неясныхъ фигуръ. Шаманы не суть шарлатаны, т. к. сами вѣрятъ въ то, что дѣлаютъ и кажется искусство это не служить имъ средствомъ къ наживѣ. Молкъ напримѣръ живетъ бѣдно, а шаманъ Лави въ д. Чайво и орочень — шаманъ Степанъ Пелахъ въ Гарамай — люди средняго достатка. «Шаманъ — докторъ все равно», объясняли мнѣ. Объ обычаяхъ и кое какихъ обрядахъ я упоминалъ уже кое-что, гдѣ пришлось, у всѣхъ трехъ племенъ. Свадьбы наблюдать не пришлось, но сколько я узналъ у гиляковъ, они не сопряжены съ большими празднествами. Женъ берутъ нерѣдко изъ далека, не стѣсняясь разстояніями, такъ что Амурскія гилячки не рѣдкость у Сахалинскихъ гиляковъ; можетъ быть отчасти это въ связи съ остатками родового устройства. Женъ болѣе двухъ наличныхъ у одного — видѣть ни разу не приходилось, но неравенство браковъ зачастую бросалось въ глаза въ при-Тамлавинскомъ районѣ. У стариковъ — вдовцовъ или имѣющихъ живыми старухъ — женъ нерѣдкость вторыя жены подростки, которыхъ часто берутъ еще въ дѣтствѣ и «кормятъ», т. е. содержатъ до возраста. Иногда «кормятъ» такихъ женъ и для малолѣтнихъ еще сыновей. У тунгусовъ и орочень этого явленія я не наблюдалъ. Однако калымъ деньгами и вещами и домашними животными за невѣсту они платятъ, какъ и гиляки. На стойбищѣ тунгусовъ у Байкала при мнѣ затѣвалась одна свадьба, къ которой даже они запасали спиртъ, чтобы «вспрыснуть молодыхъ», чѣмъ, кажется весь обрядъ у нихъ исчерпывается. Видѣлъ я у нихъ и весьма несложную пляску подѣ монотонный речитативъ съ прихлопываніемъ въ ладоши, хотя на стойбищѣ имѣлась и ручная гармоника, но должно быть раньше испорченная. У гиляковъ существуетъ весьма заунывное пѣніе и инструментъ въ одну струну, натянутую на щепкѣ, продѣтой сквозь берестяной стаканчикъ, а то и пустую жестяную коробку изъ подѣ консервовъ, служащую резонаторомъ. Пиликаютъ на такой скрижѣ смычкомъ ввидѣ маленькаго лука съ тетивой изъ струны же, а то и просто изъ нитки; этотъ же инструментъ есть и у орочень. Молодежь гиляцкая въ районахъ ближайшихъ къ культурнымъ центрамъ острова давно знакома съ гармониками и играетъ на нихъ почти всѣ русскія пѣсни и пляски, при томъ довольно бойко иногда. Между прочимъ небезынтереснымъ считаю и то, что у гиляковъ не въ обычаѣ ни здороваться, ни прощаться, ни благодарить словами или жестами. Дѣлаютъ это только болѣе бывалые, да и то въ отношеніи русскихъ, а не между собою. Нравственность въ громадномъ большинствѣ сзучаевъ у всѣхъ инородцевъ стоитъ еще довольно высоко и во всякомъ случаѣ въ сравненіи съ сыльно-поселенческимъ элементомъ они не идутъ. Въ общемъ — люди завѣдомо порочные среди нихъ исключеніе; правдивость же, честность и прямота составляютъ основныя присущіе имъ черты. Порча нравовъ идетъ, какъ всегда, отъ центровъ культуры — поселеній и рыбалокъ и изъ часто бывающихъ тамъ инородцевъ уже попадаютъ люди лукавые, склонные къ обманамъ, а то и хуже, не говоря о большей склонности къ пьянству. Разврата наблюдать не приходилось, равно и безстыдства въ этомъ направленіи со стороны женщинъ, такъ что съ большою вѣроятностью надо считать фактомъ относительную чистоту нравовъ. Какъ о рѣзкомъ исключеніи, пришлось слышать о существующемъ будтобы въ селеніи Ныур-во примѣрѣ педерастіи. Есть также случай ухода жены одного гиляка при — Тамлавинскаго района къ поселенцу въ сожительницы въ селеніе Рыбное да случай ухода, неизвѣстно куда, жены одного орочена въ устьѣ Тыми. Убийства случаются крайне рѣдко, а тѣмъ болѣе между своими или съ корыстною цѣлью, не смотря на постоянное ношеніе при себѣ ножей и вообще оружія. Про грабежи и разбой въ ихъ средѣ также ничего не слышно. Кражи случаются больше опять таки почти исключительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцы являются уже отчасти испорченными близостью и общеніемъ съ поселенцами и рыбалками. Такъ худая будто-бы слава идетъ про жителей дер. Виски, отъ которыхъ не далеко до центра западно-бережныхъ рыбалокъ и жителей д. Тыумычъ, которая недалеко отъ Ныйскихъ рыбалокъ. Но это касается только гиляковъ, о кражахъ же со стороны тунгусовъ и орочень я ничего не слыхалъ. Жители дер. Чайво въ бытность мою тамъ показались мнѣ какъ то грубѣе и наглѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, что я отнесъ къ дурному вліянію на нихъ такъ называемыхъ японскихъ хищниковъ, каждое лѣто бывающихъ въ этихъ водахъ.

Не могу не отмѣтить и несимпатичной, какъ то словно цынской, склонности тунгусовъ къ корыстному торгашеству, крайней ихъ нецеремонности, если не сказать болѣе, отремленія извлечь всякія для себя выгоды изъ лицъ такъ или иначе къ нимъ попавшихъ, не останавливаясь и передъ обманомъ, гдѣ только представится случай, и вообще ихъ недобросовѣстности. Тоже относится и къ нѣкоторымъ якутамъ. Что самосудъ существуетъ у всѣхъ этихъ племенъ—несомненно, но примѣняется онъ только при небольшихъ преступленіяхъ и проступкахъ въ своей средѣ, какъ небольшія кражи, обиды, обманы. Всѣ инородцы крайне не любятъ «доводить дѣло до Начальства», т. е. до административныхъ и судебныхъ властей того, что происходитъ у нихъ между собой въ своей тѣсной средѣ. Они или мирятся по собственному влеченію, или же понуждаются къ тому болѣе вліятельными и уважаемыми своими сородичами, убѣждающими виновныхъ заглядить свою вину передъ потѣрпѣвшимъ, что первые обыкновенно и выполняютъ или возвращая взятое или вознаграждая и одаривая вторыхъ деньгами или предметами или животными или же подсобной работой, въ чемъ всегда есть нужда. Наказаніемъ въ настоящемъ смыслѣ является лишь своего рода бойкотъ со стороны сородичей, понуждающій нетерпимое въ средѣ лицо искать счастья въ жизни гдѣ нибудь въ другихъ мѣстностяхъ, благо простору много.

4) Объ элементѣ инородческомъ въ районѣ обитанія инородцевъ.

Здѣсь я коснусь быта и отчасти племенного состава тѣхъ немногихъ пришлыхъ людей, которые разбросаны среди инородцевъ.

Всего ихъ зарегистрировано мною 88 человекъ, которые, какъ мы видѣли выше, или живутъ въ соименныхъ съ гиляками и почти совмѣстныхъ деревняхъ, каковыми являются Танги, Хои, Вяхты, или въ отдѣльныхъ кордопахъ, какъ Трамбаузъ, Тенги и Ный, или составляя отдѣльные поселенія, какъ Большія Ванги и Рыбное, или же, наконецъ, нераздѣльно съ кочевыми инородцами, перейдя къ ихъ образу жизни почти совершенно. Изъ этихъ четырехъ категорій, тѣ, что относятся къ первой, занимаютъ собственно остатки ссыльно-поселенческихъ деревень, опустѣвшихъ и покинутыхъ послѣ рус.-япон. войны, при чемъ часть этихъ жителей является въ своемъ родѣ аборигенами этихъ деревушекъ, тогда какъ другая часть перебралась на покинутые чужіе пепелища и участки изъ другихъ ссыльно-поселенческихъ мѣстностей, или, поиславъ тщетно счастья на материкѣ, вернулась на островъ. И въ Танги, и въ Хои, и въ особенности на Вяхтѣ мы видимъ порядочное количество болѣе или менѣе разрушенныхъ домовъ, по преимуществу казенно-однотипной архитектуры, изъ которыхъ обитаемыми оказываются весьма немногіе: въ Танги 2 дома, въ Хои 4, въ Вяхтѣ 1, да еще одинъ занятъ нынѣ Тыкскимъ гилякомъ. Въ Танги семья Петра Полинтова—великоруссы, православные, другой обитаемый домъ занятъ бобылемъ Самуиломъ Гончаренко, малоросомъ, тоже православнымъ. Первые занимаются посѣвами, покосами, держатъ лошадей, свиней и круп. рогатый скотъ, живутъ тѣсновато, но относительно чисто. Не чужды также рыболовства и охоты. Второй существуетъ лишь «мифически», имѣя небольшую посадку картофеля. Въ Хои—семья Зиновія Проценки и бобыль Евтушенко—хохлы, православные. Семья Федота Сапрыкина великорусская, православная, семья жъ Акима Сысова—старообрядческая. Проценко ведетъ значительное хозяйство, посѣвы, покосы, имѣетъ порядочно скота; Сапрыкинъ тоже, но въ меньшей степени, занимаются рыболовствомъ. Сысовъ прибылъ сюда 1-й годъ. Кромѣ него, всѣ живутъ крайне грязно. Въ Вяхтѣ семья Михея Федоренки—хохлы, православные. Ведутъ посѣвы, держатъ скотъ, ловятъ рыбу и охотятся, живутъ относительно чисто.

Вторая категорія—жители кордоновъ. Занимаютъ на правахъ сторожей казенныя вданія, или же, какъ въ Ныйскомъ заливѣ, живутъ въ бывшемъ пакгаузѣ и еще одномъ частными средствами выстроенномъ зданіи. Изъ нихъ: на Трамбаузѣ семья Осипа Мельникова великорусы, православные, садятъ только картофель, главнымъ же образомъ существуютъ звѣроловствомъ.

На Тенги—Иванъ Томилинь, великорусъ, православный, хотя и одинокій, но ведетъ разнообразное хозяйство, разводитъ огородъ, занимается ловлею рыбы и засоломъ ея въ порядочныхъ размѣрахъ, а также и звѣроловствомъ; постоянно держитъ работниковъ. Въ Ный живутъ исключительно торгаши съ цѣлью наживы отъ инородцевъ, не стѣняясь, повидимому, ни способами, ни мѣрами, ведущими къ обогащенію ихъ за счетъ послѣднихъ. Изъ нихъ Сорокинъ русскій, Мансуровъ осетинъ (магометанинъ) недавно прибывшій сюда изъ Николаевска, и Хударовъ, тоже осетинъ. Семей при нихъ нѣтъ, хозяйства никакого не ведутъ, а лишь спекулируютъ главнымъ образомъ на пушнинахъ.

Третья категорія—отдѣльные поселенія. Изъ нихъ Большія Ванги представляютъ тоже, что на Вяхтѣ, Танги и Хои, т. е. изъ порядочнаго числа полу или вовсе разрушенныхъ домовъ обитаемы только два. Существуютъ обитали тѣмъ же порядкомъ, что и тамъ. Семья Николая Глубовскаго малоросы или бѣлорусы, бобыль же, Терентій Павловъ, великоруссъ. Селеніе Рыбное—послѣдній пунктъ, сѣвернѣе котораго Сахалинскіе поселенцы больше не встрѣчаются. Возникло оно позднѣе ему подобныхъ, при чемъ кадръ его составили ссыльно-рабочіе бывшей рыбалки тюремнаго вѣдомства, послѣ перехода ея къ Зотову, арендуемой нынѣ Николаевскимъ евреемъ Миллеромъ, подъ названіемъ участка № 1. Къ этому кадру большею частью разбредшемся въ 1905 году, присоединились теперь выходцы изъ другихъ поселенческихъ пунктовъ, составивъ с. Рыбное въ теперешнемъ его видѣ, не лишенномъ своеобразности по условіямъ существованія его обитателей. Здѣсь мы видимъ уже полное примѣненіе къ условіямъ климата, почвы, моря и прочей обстановки. Селеніе распадается на Рыбное лѣтнее и Рыбное зимнее, находящееся въ 8 верстахъ къ востоку отъ лѣтняго въ тайгѣ на озерѣ «Сладкомъ». Лѣтнее Рыбное расположено вдоль песчанаго невысокаго морского берега въ 1-й верстѣ сѣвернѣе Миллеровскаго участка № 1, а отъ дер. Тамлаво, которая

еще южибе, до него считают версть 5. Изъ пяти его домохозяевъ трое имѣютъ лѣтнія избы, одинъ устроилъ себѣ настоящую мѣстную гилицкую юрту и одинъ живетъ въ гилицкаго же типа «цехаузѣ» — т. е. лобазѣ на столбахъ. Такіе лобазы имѣются при всякой избѣ^{*)}, т. к. заготовка юколы на продажу гиликамъ въ «голодные» года, а главное себѣ для нартовыхъ собакъ, содержимыхъ жителями вмѣсто лошадей для зимнихъ поѣздокъ въ Николаевскъ, является насущной потребностью. Обширная отмель (банка и коса), полукольцомъ захватывающая чуть не половину ширины пролива между участкомъ № 1 и материковыми островами, подходит, загибаясь, и къ Рыбному, создавая прекрасныя условія для лова кеты, ходъ которой какъ разъ по фарватеру вдоль наружнаго края этой отмели. Тутъ то и производятъ артельнымъ неводомъ и артельнымъ порядкомъ невоженіе поселенцы Рыбнаго, не упуская конечно и лова нерпѣ. Для передышекъ въ ненастье и отчасти для временнаго склада рыбы у нихъ на этой косѣ, выдвинутой версть на 5—6 впереди селенія, выстроены особый весьма порядочныхъ размѣровъ легкой крытый лубомъ сарай, едва лишь захватываемый въ полный приливъ, когда вся остальная отмель совершенно скрывается подъ водой. Не работая исключительно на Миллера (кстати сказать на всѣхъ его рыболовныхъ участкахъ я не видѣлъ рабочихъ изъ поселенцевъ, все были материковые; «поселенцевъ не держимъ» — говорили мнѣ прикащики), какъ всѣ окрестныя гилики, они всегда обезпечены сдачей ему избытковъ своего лова артельнымъ большимъ неводомъ, взятымъ хотя и отъ него же, но на сносныхъ условіяхъ — представленія $\frac{1}{4}$ улова за пользованіе. Надо полагать, что не смотря на монопольную систему Миллера и дѣятельное, но не всегда законное преслѣдованіе черезъ живущаго на уч. № 1-й казеннаго лѣсообъѣзчика, понятнымъ образомъ дѣйствующаго въ руку монополиста, поселенцы Рыбнаго ухитряются таки сбывать часть улова и японцамъ сосѣднихъ засольныхъ участковъ и проснальзывающимъ на шхунахъ «хищникамъ». У нѣкоторыхъ домохозяевъ живутъ, бываетъ, въ качествѣ нахлѣбниковъ, рабочіе съ уч. № 1, но только лѣтомъ. Такъ какъ шторма и зимнія стужи на открытомъ берегу, да и песчаная почва, не позволяющая разбить огородовъ, не даютъ возможности зимовать тутъ, поселенцы эти перебираются къ зимѣ въ свои зимники, которые у нихъ просторнѣе и прочнѣе выстроены, — настоящими избами. Тамъ, на почвѣ болѣе благоприятной, у нихъ огороды, дающіе самъ 7—10 урожая картофеля и есть молочный скотъ (коровы), кормъ для котораго тоже поблизости. Звѣроловствомъ эти люди совсѣмъ не занимаются. Составъ населенія Рыбнаго: Семья Кузумы Михайлова великорусы, православные; сообща живущіе бобыли Григорьевъ и Дегтяревъ тоже; въ семьѣ Дмитрія Попова (прибыль 1-й годъ) самъ великорусъ православный, сожительница Анна Кеселюнъ латышка, лютеранка, дѣти трудно опредѣлить какой религіи; у Егора Гавля, — самъ полякъ, католикъ, сожительница и двое постоянныхъ жильцовъ — бобылей великорусы православные; у Станислава Кржнецкаго, — самъ полякъ, католикъ, сожительница, гиличка Кэнкупъ, изычница, дочь отецъ зоветъ Зоськой, а мать — Минкой («Минк» — гилицкое имя), какой она религіи неизвѣстно: два постоянныхъ жильца — бобыли великорусы, православные.

Четвертая и послѣдняя категорія — авантюристы, смѣшавшіеся съ кочевниками. Изъ нихъ одинъ хохоль, запасный нижній чинъ, уроженецъ Каменецъ-Подольской губерніи, Кирилль Захаровъ Корнейчукъ, отбывшій дѣйствительную службу въ одной изъ бывшихъ мѣстныхъ командъ острова и вновь призванный въ послѣднюю войну; лѣтъ 5 т. назадъ присоединился къ Лахскимъ тунгусамъ, вступилъ въ сожительство съ вдовой — якуткой Авдотьей Константиновой Деринскаго рода и теперь продолжаетъ это сожительство. Оба прижитые мальчики православные. Хозяйкой всетаки считается сожительница, онъ же совершенно обратился въ оленевода — кочевника, ничѣмъ не отличаясь въ жизненной обстановкѣ отъ своихъ новыхъ «одностойбчиковъ». Впрочемъ онъ передавалъ мнѣ, что намѣренъ еще завести осѣдлое хозяйство въ Большихъ Вангахъ, гдѣ рассчитывалъ приобрести одинъ изъ брошенныхъ поселенческихъ домовъ и участковъ. Второй примѣръ — нѣкто Николай Егоровичъ Поповъ, мѣщанинъ города Николаевска, лѣтъ 14 уже приставшій къ ороченамъ Гарамая. Лѣтомъ живетъ на островѣ Соноги въ ороченскомъ балаганѣ, великорусъ — сибирякъ, уроженецъ Камчатки православный, женатъ на тунгускѣ, зимой кочуетъ со своими оленями сообща съ ороченами. Также и тѣми же способами промысляетъ рыбу и нерпу въ Чайвинскомъ заливѣ, охотится и ловитъ соболей въ тайгѣ. Будучи когда то грамотнымъ, онъ теперь, когда говоритъ по русски, часто сбивается на инородческій акцентъ. Въ обстановкѣ его жилища, какъ и у Корнейчука, буквально нѣтъ ничего, отличающагося отъ обстановки сосѣднихъ инородческихъ жилищъ.

Б) Общія данныя о потребленіи продуктовъ культурнаго производства, степени ихъ распространенія и существующихъ на мѣстахъ цѣнахъ.

Раньше упоминалось уже, что инородцы «жадутъ» въ настоящее время и хлѣба, и риса, и чая, и сахара, и табаку, и спичекъ, и пороха, и тканей, и соли и что обходиться безъ нѣкоторыхъ изъ этихъ продуктовъ ихъ заставляетъ лишь недоступность цѣнъ на мѣстахъ и отдаленность центровъ, гдѣ они могли бы все это приобрести. Здѣсь добавляю, что необходимость эта выросла до степени, дальше которой идти не можетъ. Во все свое путешествіе я не встрѣтилъ на примѣръ инородца, добывающаго себѣ огонь для очага, костра или трубки иначе, какъ помощью спичекъ, я не видѣлъ, чтобы они иначе, какъ съ жадностью не набрасывались на всѣ перечисленные предметы, разъ могутъ только ими заручиться. Но это еще не все. Имъ не менѣе нужны и они спрашиваютъ и мыло, и свѣчи, и керосинъ, и лампы, и стекло, и желѣзо и издѣлія изъ него, какъ всякія ремесленные инструменты и орудія; имъ нужны сносныя по качествамъ и доступныя по цѣнамъ ружья съ

*) Порядочный лобазъ есть на уч. № 1 для тѣхъ же цѣлей, т. е. продажи юколы гиликамъ и для своихъ вѣдовыхъ собакъ.

припасами, какъ патроны, дробь, принадлежности снаряженія; имъ необходимы и готовые сѣти и матаузъ, т. к. производство пряжи изъ крапивы у нихъ теперь уцѣлѣло лишь въ весьма немногихъ пунктахъ на Тыми, да и тамъ его вытѣсняеть матаузъ. Словомъ несомнѣнно то, что будь къ нимъ ближе и доступнѣе всѣ тѣ главные предметы и продукты потребленія, какія имѣютъ вѣрный сбытъ въ массѣ хотябы здѣшняго поселенческаго элемента, до теса и кирпича включительно,—они имѣли бы тотъ же вѣрный сбытъ и среди инородцевъ.

Цѣны, которыя выяснились по пути, были слѣдующими: въ районѣ отъ Танги до Тыки и Вяхты, тяготеющемъ къ Александровскому посту, какъ болѣе близкому торговому центру, матаузъ русскій 60—70 к. фунтъ, японскій (который всегда предпочитаютъ всилу большей добротности) 80 к.—1 рубль фунтъ. Крючки желѣзные отъ своихъ кузнецовъ для кеты отъ 30 к. до 1 рубля за штуку; чай до 1 рубля за кирпичъ; спички 15—20 к. пачка; порохъ 1 р. 20 к. фунтъ, дробь 25 к. фунтъ; патроны винтовочные 5—7 коп. штука; мука 2 р. 50 к. кулекъ или пудъ. Хорошій матаузъ по доступной цѣнѣ очень нуженъ. Въ районѣ, начиная съ Малой Ванги (къ сѣверу отъ мыса Лахъ) до мыса Погоби и сѣвернѣе на Ныдѣ Тенги, Пырки и Лангари, тяготеющемъ уже къ г. Николаевску, а на мѣстѣ могущемъ приобретать товаръ либо у проѣзжихъ торгашей, вроде «спиртоносовъ», каждое лѣто безпрепятственно совершающихъ свои контрабандные рейсы между Александровскомъ и окрестностями Николаевска, или у осеннихъ и зимнихъ скупщиковъ пушнины, либо на рыбалкахъ подъ Тамлаво,—цѣны обыкновенно вдвое—втрое дороже рыночныхъ: спиртъ 2 рубля бутылка (и то не долитая), кулекъ крупчатки 4 рубля; но чаю кирпичъ 50—60 к.; табакъ манчжурка 35 к. фунтъ (плохой съ сучками); спички японскія 25 к. пачка, Лапшина—50 коп.; невода и сѣти готовые у японцевъ 1 рубль сажень; тесь кедровый у Амурскихъ гиляковъ 12 арш. длиной, $\frac{3}{4}$ арш. шириной и 1—1 $\frac{1}{2}$ верш. толщиной 10—12 руб. доска; гиляки Лангари говорили мнѣ, что имъ приходится платить за табакъ манчжурку 80 коп. за фунтъ; за сахаръ 50 к. за фунтъ, спички 50 коп. пачка, крупчатка 5 руб. кулекъ, рисъ 4 $\frac{1}{2}$ рубля пудъ, чай 80 коп. кирпичъ, порохъ 3 $\frac{1}{2}$ руб. фунтъ, дробь 35 коп. фунтъ.

Въ районѣ, начиная съ Лангари и до самаго залива Пронгэ господствуетъ, можно сказать, монополія Миллера, въ лицѣ знаменитаго у гиляковъ «Пакирева», какъ они передѣлали фамилію управляющаго Сахалинскими его рыбалками, Абубакирова, живущаго зиму и лѣто на рыболовномъ участкѣ № 1, гдѣ у него весьма изрядный окладъ товаровъ и конечно, какъ водится, цѣны не на товаръ, а на покупателя. Во всемъ этомъ районѣ, гдѣ разбросано нѣсколько рыболовныхъ участковъ Миллера съ расположенными непременно рядомъ съ каждымъ изъ нихъ засольными японскими участками, съ десятками рабочихъ на тѣхъ и другихъ (до нѣсколькихъ сотъ въ общей сложности), на протяженіи отъ дер. Музьевъ до устья рѣчки Люги включительно, въ самомъ главномъ стало быть районѣ обитанія Сахалинскихъ гиляковъ, творится что-то несуразное. Общая жалоба на «Пакирева» сопровождала меня отъ дер. Лангари почти до дер. Помиръ, т. е. на протяженіи не мѣнѣе, думается, какъ версть на 100 береговой линіи. Я только и слышалъ отъ гиляковъ: «Пакиревъ обижаетъ», «Пакиревъ тѣснить», «Пакиревъ не велитъ японцамъ рыбу продавать», «Пакиревъ говоритъ—грѣхъ японцамъ рыбу продавать», «Пакиревъ грызеть, говоритъ прошлый годъ тебѣ начальникъ (т. е. проѣзжавшій лѣтомъ 1907 года чиновникъ Упр. Государст. Имуществъ) позволилъ японцамъ рыбу продать, такъ ты ко мнѣ въ складъ за товаромъ не приходи больше, иди къ своему начальнику» и безъ конца въ этомъ родѣ. Приказчики (завѣдывающіе) на участкахъ объясняли мнѣ, что они де не преслѣдуютъ гиляковъ за продажу рыбы не въ руки Абубакирова (Миллера), а лишь «совѣтуютъ» имъ этого не дѣлать. Но имѣющіеся у меня факты взиманія упомянутымъ выше объѣзчикомъ купно съ Абубакировымъ (оба вмѣстѣ выѣзжали) штрафовъ деньгами въ двухъ случаяхъ и медвѣжьей шкурой въ одномъ, съ конфискаціею ими рыбы въ количествѣ одной—другой сотни, подтвердившіеся на мѣстѣ въ присутствіи названныхъ лицъ въ бытность мою на уч. № 1-й 18-го Юля, съ совокупностью всего раньше и послѣ мною лично видѣннаго на этихъ рыбалкахъ, убѣдило меня въ томъ, что тутъ идетъ безсовѣтная эксплуатація жалкихъ гиляковъ, могутъ твориться многія беззаконія и прежде всего явно существуетъ полное пренебреженіе соблюденіемъ какихъ бы то ни было границъ отведенныхъ назною участковъ, съ обычною отговоркою, что «штормомъ заноситъ» верстовой длины невода рыбалоковъ прямо передъ гиляцкой деревней, а тѣмъ остается лишь быть зрителями вынимаемой на берегу ихъ исконной деревни изъ невода рыбы, а самимъ рыбачить жалкими неводошками въ 8—10 сажень, когда берегъ будетъ освобожденъ отъ такого «шторма». Существующій изъ Николаевска надзоръ за Сахалинскими рыбалками западнаго и сѣвернаго береговъ, при рѣдкости рейсовъ казенныхъ пароходовъ, мало достигаетъ цѣли и поневолѣ поверхностенъ. Самое строгое разграниченіе участковъ по береговой линіи и водъ противъ частыхъ въ этихъ мѣстахъ гиляцкихъ деревень, да и всюду вообще, насущно необходимо теперь же для поддержанія мало мальски сноснаго существованія этихъ жалкихъ людей, прекрасно сознающихъ однако всю безвыходность теперешняго своего положенія, зависящую отъ воцѣлющей несправедливости къ нимъ со стороны эксплуататоровъ, пользующихся полною безнаказанностью, благодаря отдаленности отъ Начальствующихъ лицъ и мѣстъ, неосвѣдомленныхъ о настоящемъ положеніи дѣла. Пріемочная цѣна на доставляемую гиляками рыбу на участкахъ Миллера за сотню лѣтней кеты—отъ 2-хъ до 2 $\frac{1}{4}$ рублей, а осенней отъ 4 $\frac{1}{2}$ до 5 рублей. Поселенцы Рыбнаго получаютъ по 2 $\frac{1}{4}$ руб. за лѣтнюю и по 5 $\frac{1}{2}$ р. за осеннюю. Японцы даютъ дороже, но ихъ преслѣдуютъ за покупку рыбы отъ кого-бы то ни было, кромѣ Миллера, и притомъ весьма дѣятельно, будь эта купля хотя бы въ самой юртѣ гиляцкой деревни. Всѣ засольные японскіе участки тутъ же рядомъ съ Миллировскими. Японцы привозятъ на своихъ шхунахъ соль и не имѣя права купить рыбы отъ гиляковъ, солятъ ее своей солью у Миллера-же своимъ (сухимъ) способомъ, а другого нигдѣ у Миллера не производится. Выходитъ стало-быть,—Миллеръ является посредникомъ—монополистомъ въ продажѣ рыбы между гиляками и японцами, т. к. гиляки «кустарнымъ» порядкомъ доставляютъ ему гораздо больше ея, чѣмъ сколько могутъ выловить здѣшняго

рыбалки своими рабочими,—онъ и пользуется всеми выгодами этой удивительной операціи. Икра-ное же производство стоять у него на второмъ планѣ. Гиляки увѣрили меня, что такая стѣснитель-ная для нихъ монополія совершенно не практикуется будто-бы на Амурѣ, гдѣ есть и рыбалки Мил-лера, отведенныя казной, и такіе же гиляки, но тамъ близко Николаевскъ, къ которому все они и тяготѣютъ, когда имѣютъ возможность добратъ ее туда за покупками товаровъ, минуя товарный складъ «Пакирева» въ Тамлаво на участкѣ № 1-й Цѣны здѣсь слѣдующія: сѣти (невода) за са-жень у «Пакирева» изъ русскаго матауза 1 р. 20 к., у японцевъ (если удастся купить тайкомъ, а то не велить «Пакиревъ», не дороже 1 рубля изъ японскаго матауза (лучшаго); порохъ у него 3 руб. фунтъ; чай 80 к. кирпичъ, табакъ манчжурка 80 к. фунтъ; мука пшеничная, сѣянка, 4 р., рисъ 6 рублей пуд.; крупчатка (1-й сортъ) 6 рублей пудъ, самая плохая бязь 35 к. аршинъ; сѣ-рая дрель 60 коп. аршинъ; узкій плисъ 1½ рубля аршинъ; спички 25 к. (не Лаппина); дробь 30 к. фунтъ; синія даба 60 коп. аршинъ; спиртъ 2 руб. бутылка; керосинъ 1 банка 6 рублей, за ящикъ (двѣ банки) 12 рублей; стекла оконныя за кусочекъ 6×6 вершковъ 50 копѣекъ; ламповое стекло (простая горѣлка) 50 копѣекъ. Эти цѣны лѣтомъ немножко ниже, т. к. зимой «накидывается»—до-ставлять изъ Николаевска трудно. Но все зависитъ отъ того, кому продаются продукты: «нужнымъ» людямъ скидка, «вреднымъ»—на оборотъ, т. к. «префиксъ» тутъ непримѣнимъ, а важны интересы «фирмы», въ какомъ отношеніи я считаю г-на Абубакирова безупречнымъ служащимъ своему при-нципалу. По свѣдѣніямъ, добытымъ у гиляковъ въ д. Маспальво и Помиръ, каковыя наиболѣе отда-лены отъ Тамлавинскихъ рыбалокъ, находясь—первое на сѣверѣ Байкала, а другая у зал. Пронге, они платятъ за порохъ 3 руб. за фунтъ, табакъ манчжурка 1 рубль фунтъ, чай 1 рубль кирпичъ, сахаръ 50 коп. фунтъ; мука 5 рублей и рисъ 4½ рубля пудъ, а кромѣ Тамлаво купить негдѣ.

Но гиляковъ эксплуатируютъ и японцы, гдѣ только могутъ. Они жаловались, что японцы бьютъ ихъ, грозятъ сжечь юрты, замахиваются ножомъ и говорятъ, что де дано на то право.

Въ дер. Туми, крайней къ сѣверу на западномъ побережьи, вопреки всякихъ правилъ располо-жился приказчикъ японскаго поданнаго Токая-Юсикику, которому былъ отведенъ казною участокъ подъ названіемъ «Надеждинокій» № 69 въ бухтѣ Надежда въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ мыса Гор-нера». Бухта Надежда тянется примѣрно десятка на два съ лишкомъ верстъ береговой линіи отъ этого мыса до крайняго пункта мыса Маріи, отдѣляющаго собственно западный берегъ Сахалина отъ сѣвернаго его берега, деревня же Туми стоитъ сейчасъ же къ сѣверу отъ мыса Горнера. въ какой нибудь 1—2 верстахъ, на устьѣ рѣчки Туми. Этому приказчику не понравился отведенный ему участокъ, который приходится верстъ на 5—7 еще сѣвернѣе деревни, и онъ совершенно спо-койно занялъ устьѣ рѣчки Туми, выстроивъ балаганъ для себя и рабочихъ въ самой деревнѣ и поставивъ свою шхуну на рейдѣ противъ нея. Чтобы обезпечить себѣ ловъ горбуши, т. к. кеты здѣсь нѣтъ вовсе, онъ загородилъ неводомъ поперекъ устье рѣчки, дававшей гилякамъ Туми един-ственную возможность добывать себѣ рыбу, потому что ловить ее съ морскаго берега изъ за по-стояннаго здѣсь сильнаго прибой и буруновъ нѣтъ возможности въ ихъ утлыхъ лодченкахъ, и поль-зовался все лѣто горбушей какъ изъ садка, гиляки же принуждены были искать себѣ другіе мѣста для лова, менѣе удобныя и болѣе отдаленныя отъ ихъ исконной рѣчки. И все это творилось почти на глазахъ экспедиціи геолога Тихоновича, цѣлый мѣсяць стоявшаго тутъ же бивакомъ, но японцы ухитрились какъ то отводить его вниманіе, должно быть пользуясь частыми его отлучками въ хреб-ты. Цѣны у этого приказчика (по фамиліи Исавы) для гиляковъ были: за бутылку разведенной до нельзя водки 450 штукъ горбушъ; за 1 кулечекъ крупчатки 900 горбушъ; за 35 фунтовъ рису (мѣрку) 700 горбушъ; за 1 пачку японскихъ спичекъ 45 горбушъ; за пачку японскихъ галетъ (въ 10 штукъ) 35 горбушъ; по словамъ иныхъ гиляковъ берутъ съ нихъ и еще дороже, вдвое; на деньги же принималъ 100 горбушъ за 60 копѣекъ, между тѣмъ полсотни среднихъ горбушъ запол-няютъ почти цѣликомъ среднюю здѣшнюю гиляцкую лодку и отдѣльныя экземпляры мало чѣмъ уступаютъ въ размѣрахъ лѣтней кетѣ! На сѣверномъ берегу у залива Куэгда былъ отведенъ дру-гому приказчику (фамилія Исавы) того же Токая-Юсикику участокъ подъ названіемъ «сѣверный» № 70. Пока тамъ находилась экспедиція Тихоновича, шхуна его стояла на рейдѣ, но какъ только Тихоновичъ отбылъ на казенномъ суднѣ въ Байкаль, шхуну свою японцы поставили въ узкій про-ливъ соединяющій Куэгду съ моремъ, и загородили этимъ ходъ нерпы въ заливъ, лишивъ гиляковъ находящихся тутъ деревень Ныурво, Мыть-периво и Нюньгво главнаго ихъ промысла. Пріемочная цѣна на кету отъ гиляковъ была у этого приказчика по 3 руб. за сотню лѣтней и 5—7 руб. осен-ней, но надо имѣть въ виду, что такой кеты по размѣрамъ, какъ Ныурская (сѣвернаго берега) нѣтъ нигдѣ больше на Сахалинѣ и раньше, до войны, японцы охотно платили этимъ гилякамъ за ту же кету до 15 рублей за сотню. Остальныя цѣны на рыбалкѣ въ Ныурѣ: крупчатка 4½ рубля кулечекъ, 1 бутылка спирта 1½ рубля, спичка 1 коп., все же сноснѣе, чѣмъ у Исавы. Гиляки сѣверна-го берега стараются избѣгать Тамлаво, гдѣ за порохъ съ нихъ берутъ 3 руб. фунтъ, за табакъ 50 к.—1 рубль фунтъ, но нужда гонитъ ихъ туда за этимъ. Умѣстнымъ считаю здѣсь сказать, что лодки они добываютъ съ немалымъ трудомъ и тратою времени, покупая или вымѣнивая ихъ у при-Там-лавинскихъ гиляковъ, а то и у Амурскихъ. Но чтобы провести съ западнаго берега на сѣверный, необходимо обогнуть мысъ Маріи, далеко выдающійся на всемъ своемъ протяженіи при почти полномъ отсутствіи бичевника, при крутыхъ скалистыхъ скатахъ; прибой тутъ всегда внушительный даже въ полное безвѣтріе, а при малѣйшемъ вѣтрѣ громадныя волны съ силой бьютъ прямо объ скалы и нѣтъ возможности искать спасенія на берегу—вытащить на него лодку. Поэтому зачастую Мачи-гарскіе и Ныурскіе гиляки по мѣсяцу и долѣе выжидаютъ въ Туми случая проскочить вокругъ этого мыса, т. к. штиль въ этихъ мѣстахъ рѣдкость. Раіонъ Охотскаго побережья (восточный бе-регъ) отъ Сабы почти до Ныя такъ же отчасти тяготѣетъ къ Николаевску (тунгусы, и орочены), но съ другой стороны тяготѣетъ и къ с.с. Дербинскому съ Рыковскимъ, къ которымъ въ особен-ности тяготѣютъ Набилъ и береговой раіонъ южнѣ Набиля и конечно весь при-Тымскій раіонъ,

поддерживающей впрочем связь и съ Александровскомъ. Во всѣхъ этихъ центрахъ инородцы, разъ туда попадутъ, имѣютъ понятно возможность пріобрѣтать нужное по рыночнымъ цѣнамъ, но кто не можетъ попасть, принужденъ имѣть дѣло съ Ныйскими торгашами, вышеупомянутыми, у которыхъ лѣтомъ крупчатка 4 руб., табакъ до 1 руб. ф., чай до 1 руб. ирпичъ, спички 25 коп. русскіе, а японскіе 10 коп., спиртъ 2 руб. бутылка (не полная), дробь 40 коп. ф. Зимой все это понятно дороже.

Въ Чайвинскій заливъ, благодаря протокамъ (проливамъ), соединяющимъ его съ моремъ—«Чайво твахъ», что у дер. Чайво и другой противъ сѣвернаго конца острова Сонегі,—проникаютъ каждое лѣто японцы «хищники» со своими шхунами, у которыхъ и вымѣниваютъ на рыбу инородцы многое необходимое. У Ныйскаго же залива имѣются «законныя» рыбалки японцевъ, изъ которыхъ въ этомъ году двѣ были расположены по обѣ стороны пролива Анучина и принадлежали уже упомянутому Такаю-Юсикіку, а третья въ юго-восточномъ углу этого залива другому хозяину. Хотя тамъ, какъ и въ Тамлаво, стекаются со всей округи гиляки (да и нѣкоторые эрочены) для лова на хозяевъ рыбалокъ, и тащатъ имъ на продажу значительную часть собственнаго частнаго улова, но къ чести этихъ хозяевъ—японцевъ надо сказать, что на всемъ протяженіи отъ Пелентуня до устья Тыми я ни на нихъ, ни на ихъ приказчиковъ и рабочихъ жалобъ отъ инородцевъ не слыжаль, а посѣтивъ самыя участки убѣдился лишь, что границы ихъ строго соблюдаются и обставлены прочными знаками, чего нѣтъ на Тамлавинскихъ рыбалкахъ, не смотря на то, что этотъ районъ находится еще подъ болѣе слабымъ надзоромъ своего вѣдомства, какъ болѣе глухой, и постоянного объѣздчика тамъ нѣтъ. Значить дѣло заключается лишь въ степени добросовѣстности со стороны арендаторовъ. Матаузъ у японцевъ покупается по 1 р. 20 к. фунтъ хорошій, въ Николаевскѣ же Пелентунскіе жители зимою платятъ за него 1 рубль фунтъ. Кету японцы принимаютъ и отъ жителей острова Гафовича (между Ляро-твахъ и проливомъ Анучина) и всѣхъ другихъ окрестныхъ осеннюю по 7 и до 10 руб. за сотню, а лѣтнюю по 5 рублей; поштучно же по 7 коп. первую по 5 коп. вторую. Практикуется ли здѣсь у японцевъ «кредитная» система съ инородцами трудно судить, но что таковая во всей силѣ и неприглядности у Ныйскихъ торгашей, фактъ несомнѣнный, равно и въ Тамлаво. Толковать о сущности и подробностяхъ этой системы съ инородцами, общеизвѣстной, не приходится.

При-Тымскіе гиляки ухитряются иногда пріобрѣтать матаузъ бывая въ Нмѣ, у тѣхъ же японцевъ по 30 коп. за фунтъ, что можетъ быть—объяснено лишь ихъ «бывалостью» въ сравненіи съ тамошними гиляками, въ Александровскѣ же они платятъ до 1 рубля за фунтъ. Изъ Славскихъ гиляковъ нѣкоторые бываютъ зимою и въ Николаевскѣ. Оружіе—винтовки и дробовики, имѣющіеся почти поголовно у инородцевъ, обходятся имъ дорого до баснословности. Какъ болѣе богатые, тунгусы легче другихъ пріобрѣтаютъ сносныя ружья въ магазинахъ Николаевска, поэтому порядочные иностранные дробовики—централки, охотничьи винтовки и карабины Винчестера и «тройники» (т. е. трехстволки съ двумя гладкими и однимъ нарѣзнымъ стволомъ) у нихъ не рѣдкость и куплены конечно не подешевой, но все же рыночной цѣнѣ. На ряду съ этимъ нѣкоторые имѣютъ и передѣланныя трехлинейки, доставшіеся всякими путями послѣ войны. Но громадное большинство остальныхъ инородцевъ вынуждено употреблять для промысла дрянныя ружьямиши, подчасъ болѣе опасныя для стрѣлковъ, чѣмъ для птицы или звѣря. Пріобрѣтая всю эту рухлядь (среди которой можно встрѣтить всевозможныя виды, калибры, размѣры и системы разныхъ временъ, кромѣ лишь отошедшихъ въ вѣчность фитильныхъ и кремневыхъ ружей),—или у поселенцевъ, или другъ у друга, или же изрѣдка у японцевъ, они платятъ почти повсемѣстно напимѣръ за старыя одноствольныя шомпольныя дробовики, стоимостью въ 3—5 рублей, 10—15 рублей, такой же двухствольный, стоимостью 10—15 руб.,—20—30 рублей; за сильно подержанную и разболтаную винтовку Бердана, наиболѣе излюбленную, «казенная» цѣна 25 рублей, и дороже. Въ томъ же соотношеніи и цѣны на огнестрѣльные припасы. Между тѣмъ все это имъ необходимо не менѣе сѣтей, матауза, лодокъ. Въ цѣнахъ на лодки, какъ «Амурскія», т. е. гробообразныя изъ трехъ тесисъ, такъ и «Тымовскія, т. е. долбленныя изъ одного ствола осокоря и распертыя въ бортахъ душегубки (единственныя лодки всего Охотскаго берега и Тыми), также замѣчается значительная несообразность съ видимою ихъ стоимостью, что можетъ быть объяснено лишь высокой трудностью, сопряженной съ ихъ пріобрѣтеніемъ—первыхъ только въ Амурскомъ ламанѣ, а вторыхъ почти исключительно на Тыми.

На этомъ я заканчиваю статистико-экономическій отдѣлъ настоящаго доклада.

№ 1.

Цифры наличнаго (зарегистрованнаго) инородческаго населенія, а также и русскихъ среди нихъ живущихъ.

Названія селеній и стойбищъ по округамъ.	Муж. чинъ.	Жен. чинъ.	Всего.	Названія селеній и стойбищъ по округамъ.	Муж. чинъ.	Жен. чинъ.	Всего.	
Александровоній округъ.				Трамбаусъ русскіе	2	2	4	
Арк-во	Неизвѣстно по причинамъ указаннымъ въ предисловіи.			} гиляковъ	5	4	9	
Мянгидай и рус. Мгачи				Вяхты	} русскихъ (телегр. станц. не всчетъ).	4	1	5
Танги		22	11	33		Тыки одни гиляки	8	4
} гиляковъ		5	3	8				
} русскихъ	22	22	44	Мал. Ванги	} тунгусовъ собствен.	13	15	28
Хои	14	17	31	} якутовъ		8	3	11

Названія селеній и стойбищъ по округамъ.	Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Всего.	Названія селеній и стойбищъ по округамъ.	Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Всего.	
Мал. Ванги русскихъ	3 ¹⁾	—	3	Тымовскій округъ.				
Больш. Ванги русскихъ	4	3	7	Саба	тунгусовъ	8	8	16
Погоби и Вагисъ тунгусовъ	5 ²⁾	2 ⁴⁾	7		орочень	7	6	13
Ныйде { тунгусовъ якутовъ	8	5	13	Пелентунъ	тунгусовъ	5	2	7
	2	—	2		орочень	12	10	22
Тенги кордонъ, русскій	1	—	1	Кекрво	гиляковъ	47	27	74
Тенги гиляковъ	11	5	16	Стойбища «Мифъ»,	гиляковъ и тунгус. орочень	7	5	12
Пырки гиляковъ	13	13	26	«Няньмуфъ»		3	1	4
Чанги гиляковъ	3	2	5	«Гарамай»		9	6	15
Магдво тоже	4	6	10	«Сонегъ»	орочень	7	8 ⁷⁾	15
Лукво тоже	2	1	3		русскихъ	2 ⁹⁾	—	2
Выезы 1-й и 2-й гиляковъ	6	5	11	Сониво	гиляковъ	2	1	3
Комбуэвъ гиляковъ	6	6	12	Хытво	тоже	3	1	4
Юрдиръ то же	5	4	9	Агиво	тоже	3	2	5
Лангари тоже	12	15	27	Чайво	тоже	61	47	108
Маггалъво тоже	3	3	6	Вангркунъ	тоже	14	9	23
Криво то же	12	9	21	«Лярво»	тоже	5	5	10
Нганъво то же	10	12	22	«Окбыськъ»	тоже	16	10	26
Югъ то же	9	5	14	«Даги» (на косъ и на островъ)	орочень	7	1	8
Имгво то же	6	4	10	«Тыумычъ»	гиляковъ	18	12	30
Муэвъ то же	11	6	17	Тукриво	тоже	25	23	48
Мао то же	1	1	2	Такрво	тоже	23	21	44
Шамгво то же	4	6	10	«Нылъ»	орочень	5	2	7
Иутюхъ то же	3	2	5	«Имрурво»	гиляковъ	3	2	5
Бимгво то же	3	2	5		орочень	1	1	2
Васкальво то же	20	9	29	Ыркыръ	гиляковъ	19	5	24
Тамлаво то же	55	38	93	Хунгезо	тоже	25	26	51
Рыбное русскихъ	15	8 ⁵⁾	23	Чайниво	тоже	4	3	7
Атво гиляковъ	14	11	25	Плюво	тоже	19	11	30
Хопиво то же	18	10	28	Чиръво	тоже	28	24	52
Ихво то же	16	22	38	Славо	тоже	32	26	58
Кефъ юж. то же	16	10	26	Хазельво	тоже	6	1	7
Кефъ сѣвер. то же	12	16	28	Ускво	тоже	12	8	20
Виски то же	62	60	122	Носъбво	тоже	16	9	25
Маскальво { гиляковъ орочень	17	11	28	<hr/>				
	3 ³⁾	2	5	Итого въ округъ 467 333 800				
Помиръ гиляковъ	27	18	45	<hr/>				
Пилево то же	5	10	15	А В С Е Г О — 1050 811 1861				
Тума то же	11	16	27	<hr/>				
Ныуръ { Мачигаръ } бер. гиляковъ Ныурво } то же Нюньгво } то же Мытьнырво } сѣв. то же	9	10	19	<hr/>				
	10	7	17	<hr/>				
	2	2	4	<hr/>				
	21	19	40	<hr/>				
Итого въ округъ			583	478	1061			

№ 2.

Цыфры тогоже населенія по племенамъ (отдѣльно.)

Округа, племена и селенія.	Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Всего.	Округа, племена и селенія.	Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Всего.
I.							
Александровскій округъ.							
а) Гиляки:							
Танги 7 юртъ	22	11	33	Хои 6 юртъ	22	22	44
				Вяхты 2 юрты	5	4	9
				Тыки 2 юрты (было 7)	8	4	12
				Тенги 3 юрты	11	5	16

1) Въ этомъ числѣ 2-е отъ русскаго и якутк.
 2) Одинъ изъ нихъ отъ русскаго и тунгуски
 3) Одинъ оборочемившійся гилякъ.
 4) Одна ороченка ва тунгусомъ.
 5) Одна изъ нихъ гилячка, сожительствуетъ съ полжкомъ—поселенцемъ.
 6) Одинъ изъ нихъ отъ русскаго и тунгуски.
 7) Одна изъ нихъ тунгуска.

Округа, племена и селенія.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Всего.	Округа, племена и селенія.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Всего.
Пырки 5 юртъ	13	13	26	Тенги кордонъ 1 домъ	1	—	1
Чанги 2 юрты	3	2	5	Рыбное 7 домовъ (1 изъ нихъ 1 юрта—1 амбаръ)	15	8 ⁷⁾	23
Магдво 2 юрты	4	6	10	Итого . . .	48	34	82
Лувво 1 юрта	2	1	3	д) Орочены:			
Выэзъ 1-й и Выэзъ 2-й (1 юрта+1 юрта)	6	5	11	Маскальво 2 юрты	3 ⁴⁾	2	5
Комбузьевъ 3 юрты	5	6	12	II.			
Юрдиръ 2 юрты	5	4	9	<i>Тымовскій округ.</i>			
Лангари 4 юрты	12	15	27	а) Гиляни:			
Маггальво 1 юрта	3	3	6	Кокрво сѣв. и юж. 6+5 юртъ	47	27	74
Брыво 4 юрты	12	9	21	<Гарамай> 2 юрты	7	5	12
Нганьво 3 юрты	10	12	22	Сониво 1 юрта	2	1	3
Югвъ 3 юрты	9	5	14	Хытво 1 юрта	3	1	4
Имгво 3 юрты	6	4	10	Агиво 1 юрта	3	2	5
Музвъ 4 юрты	11	6	17	Чайво 15 юртъ	61	47	108
Мао 1 юрта	1	1	2	Вангрвунъ 3 юрты	14	9	23
Шимгво 2 юрты	4	6	10	Лярво 5 юртъ	16	10	26
Гутюхъ 1 юрта	3	2	5	Окбыськъ 3 юрты	7	1	8
Кимгво 1 юрта	3	2	5	Тыумичъ сѣв. и юж. 3+3 юртъ	18	12	30
Васкальво 4 юрты	20	9	29	Тукриво 8 юртъ	25	23	48
Тамлаво 18 юртъ	55	38	93	Такрво 7 юртъ	23	21	44
Атвово 5 юртъ	14	11	25	Имрурво 1 юрта	3	2	5
Хопкво 4 юрты	18	10	28	Ыркыръ 5 юртъ	19	5	24
Ихво 5 юртъ	16	22	38	Хунгво 7 юртъ	25	26	51
Кефъ сѣв. и южн. 5+7 юртъ	28	26	54	Чайниво 1 юрта	4	3	7
Виски 21 юрта	62	60	122	Плюво 4 юрты	19	11	30
Маскальво 5 юртъ	17	11	28	Чирьво 7 юртъ	28	24	52
Помиръ 8 юртъ	27	18	45	Сла-во 8 юртъ	32	26	58
Пилево 1 юрта	5	10	15	Хазельво 2 юрты (было 4)	6	1	7
Туми 4 юрты	11	16	27	Уск-во 5 юртъ	12	8	20
Мачигаръ 2 юрты	9	10	19	Носьбво 3 юрты	16	9	25
Ныуръ (всѣ три его части) 2+1+6 юрт.	33	28	61	Итого . . .	386	274	660
Итого . . .	496	417	913	б) Тунгусы:			
б) Тунгусы:				Саба 2 юрты	8	8	16
Малыя Ванги 8 юртъ	13	15	28	Пелентунъ 1 юрта	9	2	7
Вагисъ (и Погоби) 1 юрта	5 ¹⁾	2 ²⁾	7	<Мифкъ> 1 юрта	3	1	4
Ныйде 3 юрты	8	5	13	Итого . . .	16	11	27
Итого . . .	25	22	48	в) Орочены:			
в) Якуты:				Саба 2 юрты	7	6	13
Малыя Ванги 4 юрты	8	3	11	Пелентунъ 5 юртъ	12	10	22
Ныйде отдѣльной юрты нѣтъ	2	—	2	Гарамай 2 юрты	9	6	15
Итого . . .	10	3	13	Сонеги 3 юрты	7	8 ⁸⁾	15
г) <Русскіе> среди инород- цевъ:				Оуркунъ (Вангркунъ) 2 юрты	5	5	10
Танги (2 дома обитаемыхъ)	5	3	8	Даги 1-е и Даги 2-е 3 юрты+ 2 юрты (было 7)	13	10	23
Хои (4 дома обитаемыхъ)	14	17	31	<Ныль> 1 юрта	5	2	7
Трамбаусъ (1 домъ обитаемъ)	2	2	4	Имрурво 1 юрта	1	1	2
Вяхты (1 домъ обитаемъ)	4	1	5	Итого . . .	59	48	107
Малыя Ванги (своего дома нѣтъ)	3 ²⁾	—	3	г) Русскіе:			
Большія Ванги (2 дома оби- таемыхъ)	4	3	7	Сонеги 1 юрта	2 ⁵⁾	—	2
				Такрво 2 дома	4 ⁶⁾	—	4
				Итого . . .	6	—	6

1) Одинъ изъ нихъ отъ русскаго и тунгуски.
 2) Двое отъ русскаго и якутскіи.
 3) Одна изъ нихъ ороченка за этимъ полу-русскимъ.
 4) Одинъ обороченившійся гилыжъ.
 5) Одинъ изъ нихъ отъ русскаго и тунгуски.
 6) Трое изъ нихъ осетины — торговцы.
 7) Одна изъ нихъ гилычка за полякомъ.
 8) Изъ нихъ одна тунгуска за обороченившимися русскимъ.

Гиляковъ	152 <u>+167</u> 260 юртъ	въ 1-й юртѣ	$\frac{1573}{260} = 6,05.$
Тунгусовъ	12 <u>+4</u> 16 юртъ	въ 1-й юртѣ	$\frac{75}{16} = 4,7$
Орочень	2 <u>+21</u> 23	въ 1-й юртѣ	$\frac{112}{23} = 4,9$
Русскихъ среди инородцевъ	18 <u>+2</u> 20 домовъ + 1 юрта	въ 1-мъ жильѣ	$\frac{88}{21} = 4,2$
Якутовъ = 13 въ 4 юртахъ.		въ 1-й юртѣ	$\frac{13}{4} = 3,2$

И такъ всего гиляковъ	1573	человѣкъ
тунгусовъ	75	>
орочень	112	>
русскихъ среди инородцевъ	88	>
якутовъ	13	>
<hr/>		
А всѣхъ	1861	человѣкъ

По даннымъ же Иванова въ 1904 году лѣтомъ было, включая Набилъ:

Гиляковъ	852 мужчинъ, 613 женщинъ. <hr/> 1565 человекъ
Тунгусовъ	52 мужчины, 43 женщины. <hr/> 95 человекъ.
Орочень	160 мужчинъ, 118 женщинъ. <hr/> 278 человекъ.
Якутовъ	2 мужчины, 1 женщина <hr/> 3 человека.

Общие выводы. Желательныя мѣры улучшенія. Заключеніе.

Изъ очерковъ въ предыдущихъ отдѣлахъ быта и матеріальной обстановки инородцевъ мы видѣли, что существованіе ихъ до сихъ поръ продолжаетъ оставаться во многомъ почти первобытнымъ, при чемъ сосѣдство элемента культурнаго не только не внесло въ ихъ среду какого либо благотворнаго вліянія, а какъ бы наоборотъ—во многомъ подорвало и разпало въ нихъ то, чѣмъ они до этого были крѣпкими и цѣльными, т. е. первоначальную чистоту ихъ патріархальнаго, но все же сноснаго въ матеріальномъ (и нравственномъ) отношеніи существованія. Въ настоящее время мы не видимъ у ни прочнаго родового устройства, ни сліянія въ хотя бы и мелкія общественныя единицы (сельскія, деревенскія общества), ни наслѣдственныхъ родовыхъ или выборныхъ старшинъ и старостъ, ни даже сколько-нибудь близко къ нимъ стоящихъ лицъ общей гражданской администраціи, о которой они вообще имѣютъ смутное представленіе въ лицѣ «Начальниковъ», которыхъ къ тому же и видятъ весьма рѣдко и, по возможности, избѣгаютъ. Тѣ немногіе лица, какія кое-гдѣ попадались подъ названіемъ «старшинъ» или «старостъ», сами не только не понимали разницы между этими должностями, но совершенно не имѣли понятія о какихъ либо своихъ правахъ и обязанностяхъ, не имѣли никакихъ наружныхъ атрибутовъ своей власти, напр. знаковъ или медалей, равно и фактически никакою властью, вліяніемъ или даже простымъ уваженіемъ среди своихъ сородичей не пользовались и никакого, разумѣется, вознагражденія ни отъ кого и ниоткуда не получали. На вопросъ же для чего они собственно и къ имъ поставлены, былъ обычный отвѣтъ: «это для русскихъ». «Мнѣ сказалъ священникъ, когда былъ: ты будь старостой, нехорошо, когда нѣтъ старосты» или: «мнѣ тогда-то (нѣсколько-то лѣтъ тому назадъ) Начальникъ (а какой—не знаетъ) сказалъ: будь старшиной»—вотъ отвѣты такихъ старостъ и старшинъ. Поэтому неудивительно, что прибывъ въ селеніе и желая заручиться полезнымъ содѣйствіемъ старосты (гдѣ по слухамъ таковой числился), приходилось узнавать, что онъ тутже на глазахъ только что «поѣхалъ въ гости» куда нибудь за десятки верстъ, или увидѣть лицо, ни слова не говорящее по русски и могущее скорѣе причинить вредъ, а не пользу дѣлу по своей тупости и дикости, превосходящей таковую же у многихъ остальныхъ сообитателей деревни или стойбища. Съ другой стороны въ инородцахъ прямо поражаетъ присущая имъ всѣмъ въ большей или меньшей степени лѣнь и безпечность, невѣроятная подчасъ для тѣхъ, кто не имѣлъ случая или возможности воочию въ нихъ убѣдиться или невольно испытать на себѣ ихъ плоды. Надо думать, что та и другая, при теперешнемъ упадкѣ патріархальности, могла больше распространиться, чѣмъ это было раньше. Какъ на примѣры безпечности могу указать на слѣдующіе: сѣверный берегъ острова, этотъ благодатный въ своемъ родѣ уголокъ по количеству и удобствамъ добыванія рыбы и звѣря, все лѣто сообщается съ западнымъ берегомъ единственно только переваломъ черезъ хребетъ мыса Маріи, таежный, довольно дикій, съ рѣчками и болотинами въ глубокихъ падахъ, по такъ называемымъ «пѣшимъ тропамъ», которыхъ между дер. Мачигаръ (сѣверн. берегъ) и дер. Туми (западн. берегъ) насчитываютъ три, но наиболѣе пользуются средней, какъ самой короткой—верстъ 8—9. Не говоря уже, что боковыя вовсе не тропы, а просто общія направленія, даже средняя не заслуживаетъ названія тропы, т. к. буквально на каждомъ шагу загромождена толстыми бревнами валежника во всевозможныхъ направленіяхъ и положеніяхъ, по которымъ надо карабкаться, рвать одежду и обувь объ острые сучки, далѣе пробираться чащами, пролезать подъ наклонившіеся стволы деревьевъ и раздвигать руками вѣтви, вязнуть въ падахъ и пробираться сивозъ густую много выше роста человѣка траву и кусты, на рѣчкахъ искать бродовъ, дѣлая лишніе обходы и т. д., что особенно затрудняетъ при имѣніи съ собою хоть малѣйшей ноши. Между тѣмъ тутъ ежедневно ходятъ гиляки и Мачигарскіе, и Ныурскіе, и Тумскіе, и за дѣломъ, и такъ шляются («въ гости» особенно) изъ года въ годъ на протяженіи чуть не столѣтія (или больше), т. к. всѣ эти деревни исконныя, давнія. Они таскаютъ съ собою свои «кахи» (копье) на случай встрѣчи съ медвѣдемъ, чего годами не случается, а взять съ собой топоръ, который у всякаго есть, не потрудятся никогда. И если бы только всякій проходящій гилякъ вмѣсто ненужнаго «каха» несъ съ собою топорикъ и просто отъ окуки подрубалъ бы по пути хоть нѣкоторыя сучки или бросилъ бы одну другую палку на трясинѣ или черезъ узенькую рѣчку, то конечно давно существовала бы сносная не только пѣшая но и вьючная тропа, а потрудись они по двое—по трое совмѣстно подпилить въ разное время хоть наиболѣе мѣшавшіе бревна, перебросить часть ихъ черезъ рѣчки,—тропа стала бы кое гдѣ и провѣжей и могли бы они на каткахъ помощью собакъ перетаскивать не Богъ вѣсть какой тяжести свои лодки, не выжидая по мѣсяцамъ безвѣтрія у мыса Маріи. Другой примѣръ: Между Пелентунскимъ и Чайвинскимъ заливами, въ виду того, что моремъ по причинѣ гигантскаго здѣсь прибой (очевидно уже океанскаго) немислимо пускаться въ долбленахъ лодочкахъ, для лѣтнихъ сообщеній пользуются оуществованіемъ естественной системы волоковъ. Отъ южнаго конца Пелентунскаго залива къ озеру Пиль-ду волокъ въ 763 шага, именуемый Арпунтвахъ-музвъ, затѣмъ верстъ 5 по этому озеру, послѣ чего два волока прямо на югъ и на ю.-в., но т. к. первый ведетъ въ слишкомъ мел-

кое озеро и за нимъ еще три волока, то предпочитаютъ второй, — Плацх-музъвъ длиной шаговъ 80, ведущій въ узкое глубокое озеро (безъ названія), за которымъ опять волокъ, Мяхх-музъвъ, шаговъ въ 60 и еще меньшее озерко, пересѣкъши которое попадаютъ на четвертый волокъ, Ю-музъвъ, въ 548 шаговъ; за нимъ значительное озеро Ольф-ду, соединенное уже естественнымъ протокомъ съ обвернымъ концомъ Чайвинскаго залива. Этимъ путемъ десятки (а можетъ и сотни) лѣтъ идетъ сообщеніе Пелетуня съ Чайво, Ньемъ и Тымью, тѣмъ болѣе, что лодки себѣ Пелетунь (Кякръ) только и можетъ дабывать тамъ и иначе, какъ волоками, ихъ не пересунешь, и все таки каждое лѣто гиляки (и орочены съ тунгусами) бьются на этихъ волокахъ. Они по нѣсколько разъ выгружаютъ лодки, волокутъ на лямкахъ по песку и моху, надрываясь и пригибаясь къ самой землѣ, отдыхая черевъ 5—10 шаговъ, перетаскивая грузъ, и снова нагружаютъ, тратятъ на это цѣлый день и больше, между тѣмъ какъ, если бы изъ проходящихъ тутъ чуть не ежедневно лодокъ, всякая по пути запаслась кругляшемъ—бревешкомъ, какового добра вдоволь по берегамъ обоихъ заливовъ, и привезла бы хоть по одному на эти волоки, то конечно давно уже можно было бы имѣть катки на всѣхъ волокахъ, помощью которыхъ во много легче, скорѣе и безъ перегрузокъ совершалось бы это передвиженіе, но на волокахъ не найдешь близко и палки—все пожжено палами, да коотрами «отдыхающихъ». Короткіе волоки (Плацх и Мяхх музъвы) не большого труда стоило бы прорыть, образовавъ канавы—протоки, тѣмъ болѣе, грунтъ на нихъ крайне сырой, тундристый, мѣстность ровная. Это достижимо напримѣръ даже малой шанцевой лопаткой, т. е. глубины въ $\frac{1}{2}$ аршина, а ширины въ 2 арш. вполне достаточно для свободнаго прохожденія здѣшнихъ лодокъ съ грузомъ и людьми. Даже длинныя музъвы, съ песчанымъ грунтомъ и пустынными возвышенностями въ двухъ—трехъ мѣстахъ, безусловно не могутъ представить сколько нибудь серьезныхъ затрудненій для обращенія ихъ въ протоки подобной же глубины и ширины, помощью обыкновенныхъ лопатъ, которые у инородцевъ имѣются, но не имѣется сознанія овоей общей выгоды и пользы, а только личной одной. Употребленіе катковъ они знаютъ и пользуются ими на берегу у всякой деревни, равно и лопатами какъ напримѣръ въ Ныурѣ, для поддержанія протока въ заливъ, засоряемого пескомъ съ моря, чтобы дать доступъ нерпамъ. Я промѣривалъ шагами эти волоки и бился на нихъ съ лодками и грузомъ также, какъ бьются и инородцы, и бился проходившія другія экспедиціи. Третій примѣръ: въ года неблагоприятныя для сушки ююлы, какъ нынѣшній, когда большая часть ея погнела отъ дождей, гиляки подвергаются голодовкамъ. Но такіе года повторяются то и дѣло, почему, какъ мы видѣли уже, орочены поступаютъ догадливѣе своихъ сосѣдей—гиляковъ, часть ююлы прокапчивая на дыму въ юртахъ. Казалось бы ничто не мѣшаетъ гилякамъ перенять этотъ практичный въ своемъ родѣ способъ, но у нихъ я нигдѣ его не видалъ. Если же принять въ расчетъ, что у гиляковъ всюду подъ руками и лубъ и жерди и всякое топливо, могущее дать много дыма при небольшой затратѣ самага топлива (сырое дерево, мохъ, торфъ), то прямо не постижимо, почему они не строятъ крытыхъ балагановъ—коптиленъ, гдѣ съ успѣхомъ могли бы консервировать этимъ способомъ громадные, при желаніи количества рыбы, не боясь нѣсколько сырой, дождливой погоды, въ сущности естественнымъ порядкомъ на островѣ преобладающей и не обрекая себя на зимнее голоданіе. Какъ мы видѣли, всѣ инородцы нуждаются въ растительной пищѣ. Они охотно напримѣръ ѣдятъ картофель и вореный и печеный, въ видѣ приправы къ похлебкѣ, ухѣ и т. п. Они десятки лѣтъ знакомы съ несложнымъ способомъ его посадки и прекрасными урожаями всюду у поселенцевъ, тѣмъ не менѣе на всемъ громадномъ пространствѣ обитанія инородцевъ я видѣлъ всего одинъ случай его посадки въ дер. Чирьво, близъ Адатымы. При-Тымовскіе гиляки шляются иногда цѣлый день по сквернымъ тропамъ и подъ дождемъ куда нибудь въ русское поселеніе, чтобы выпросить 1—2 десятка картофеля у поселенцевъ и въ пазухѣ тащить его домой для семьи, а посадить одинъ—другой пудъ его съ весны у себя въ деревнѣ, гдѣ всегда и всюду вдоволь удобной для этого земли и найдутся лопоты и мотыжки, имѣ лѣнь. Тоже самое насаетъ тунгусовъ и ороченъ, особенно послѣднихъ, какъ живущихъ лѣтомъ осѣло. Они охотно брали у меня имѣвшіеся въ запасѣ сушеный японскій картофель и морковь, ѣли съ аппетитомъ щи и борщъ изъ сушеной капусты и свеклы, но завести посадки картофеля имъ не хочется и просто по лѣни, а не потому, что имъ мѣшаетъ въ этомъ кочевой бытъ, т. е. даже тунгусы имѣютъ всетаки полную возможность посѣтить одинъ—другой разъ въ лѣто какое нибудь урочище съ удобной землей, какихъ всюду вдоволь, даже среди тундръ и самыхъ дикихъ хребтовъ, гдѣ у нихъ могли бы находить небольшія посадки картофеля. Это не отняло бы у нихъ времени больше того, чѣмъ сколько тратится ими на сборъ ягодъ и кедровыхъ орѣховъ въ теченіи лѣта и осени и котораго у нихъ хватаетъ напримѣръ на попойки и розыски разбредшихся въ результатъ ихъ оленей. На ряду съ высказаннымъ мы видимъ полную безпомощность инородцевъ, особенно ороченъ и гиляковъ, противъ всякихъ утѣсеній, прижимовъ, убытковъ и обидъ, причиняемыхъ имъ русскими и японцами, словомъ всѣми, и кому только это «не лѣнь» и приходилось неоднократно удивляться той незлобности и слѣпой покорности судьбѣ, съ какою переносятся все это добродушными и мягкими по природѣ «дикарями» подчасъ отъ лицъ, болѣе чѣмъ они заслуживающихъ такого названія. Сопоставляя теперь все вышеизложенное, мы какъ разъ подходимъ къ вопросу, поставленному мнѣ въ инструкціи (подъ № 9), 1) о желательныхъ мѣрахъ для улучшенія матеріальнаго положенія инородцевъ, 2) соединенія ихъ въ общества, 3) развитія гражданственности и 4) поддержанія связи съ общей администраціей. Въ этомъ то именно и заключается суть главныхъ нуждъ Сахалинскихъ инородцевъ, такъ какъ ничего этого у нихъ нѣтъ и инымъ путемъ, кромѣ административнаго, это къ нимъ никогда придетъ. Отсюда слѣдуетъ, что необходимо придвинуть какъ можно ближе къ нимъ хотя бы мелкія административныя единицы въ лицѣ особыхъ стражниковъ (урядниковъ), которые охраняли бы интересы ихъ противъ всякаго рода безсовѣстныхъ эксплуататоровъ и обидчиковъ и служили бы прочнымъ связующимъ звеномъ по инородческимъ дѣламъ съ общей администраціей острова. Такіе урядники (по инородческимъ дѣламъ) находясь въ болѣе крупныхъ центрахъ инородческаго обитанія, какъ Тамлаво и Ный, имѣя объѣздные участки, назначаемые изъ лицъ энергичныхъ и надежныхъ

въ смыслѣ устойчивости противъ разтѣвляющаго вліянія элемента, заинтересованнаго въ торговлѣ съ инородцами, могли бы съ успѣхомъ намѣчать болѣе способныхъ и полезно—дѣятельныхъ старостъ изъ инородцевъ, способствовать, а гдѣ нужно и побуждать, къ слиянію жителей болѣе крупныхъ селеній въ общества, объединяя въ таковыя же и по нѣскольку мелкихъ селеній, къ поддержанію и разчисткѣ главнѣйшихъ путей сообщенія и т. п. Еще желательнѣе, конечно, было бы имѣть во главѣ такихъ урядниковъ лицо интеллигентное, какъ чиновника—комиссара по инородческимъ дѣламъ, почаще заглядывающаго въ раіоны обитанія инородцевъ. Такое лицо могло бы добиться утѣшительныхъ результатовъ по вношенію много полезнаго въ бытъ инородцевъ, какъ насажденіе огородничества, болѣе совершеннаго способа консервированія рыбы, поднятіе въ ихъ средѣ существующихъ ремесель и даже самыхъ способовъ производства промысловъ тѣмъ болѣе, что инородцы, повторяю, въ массѣ своей мягки, уступчивы и во многомъ, такъ сказать, еще дѣти. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, какъ уже говорилось, строгое разграниченіе и выдѣленіе рыболовныхъ участковъ и рейдовъ противъ или возлѣ инородческихъ деревень съ закрѣпленіемъ за ними совершенной полноправности пользованія ими равно и звѣриловныхъ раіоновъ и угодій, въ каковомъ отношеніи пока существуетъ лишь самый безобразный хаосъ, порождающій массу недоразумѣній, несправедливостей, всякихъ столкновеній до крупныхъ преступленій включительно. Одновременно съ придвиженіемъ административнаго воздѣйствія къ инородцамъ, необходимо также придвинуть къ нимъ и продажу по доступнымъ цѣнамъ всѣхъ продуктовъ постоянного ихъ потребленія, которыя были выше перечислены, при чемъ это надо сдѣлать такъ, чтобы такая торговля могла носить характеръ отчасти мѣнковой т. е. привычный и вообще съ инородцами принятый, съ извѣстнымъ кредитомъ, но разумѣется добросовѣстный и безъ злоупотребленія спиртомъ. Такая торговля, въ виду преобладающей среди инородцевъ честности въ возвратѣ долговъ, которою отлично умѣютъ пользоваться эксплуататоры, всегда дастъ извѣстную гарантію въ смыслѣ неубыточности. Для этого въ тѣхъ же центрахъ (Тамлаво, Ный), хотя бы и къ неудовольствію тамошнихъ торговцевъ и для парализованія неблаговидной дѣятельности (Г-нъ Абубакировъ серьезно увѣрялъ меня, что не только не обижаютъ гиляковъ, а напротивъ «благодѣтельствуетъ» имъ) необходимо учредить казенныя факторіи (мѣнковыя дворы) для инородцевъ, на подобіе существовавшихъ, а можетъ быть и нынѣ существующихъ для подобной же цѣли въ англійскихъ владеніяхъ на сѣверѣ Америки или бывшихъ раньше въ Оренбургскомъ краѣ (для киргизовъ). Такія факторіи могли бы быть выдѣленными на примѣръ изъ мѣстнаго эконоическаго фонда и навѣрное оперировали бы, какъ его отдѣленія, не хуже Миллеровскаго склада или лавочки Соркина—Мансурова, контролируемая инородческимъ комиссаромъ и общей администраціей. Они могли бы служить и мѣстомъ сдачи ясака натурою отъ гиляковъ и ороченъ, которые еще не несутъ его и охотнѣе и удобнѣе для себя, конечно, могли бы вносить его рыбой, которую факторія могла бы перепродавать тѣмъ же японцамъ, вмѣсто исключительно Миллера, или другимъ засольщикамъ, такъ что посредникомъ въ рыборотговлѣ между инородцами и ими была бы (отчасти) казна, а не частное лицо, которому и такъ достаточно бы еще оставалось простора для натуральной эксплуатаціи рыбныхъ богатствъ арендуемыхъ водъ, но не берегового исконнаго населенія. Тоже относится и къ Нью съ добываемой тамъ нерпою и пушниною. Вотъ къ какимъ выводамъ относительно нужды инородцевъ заставило меня придти все видѣнное и вызнанное непосредственно на мѣстахъ въ теченіе моего путешествія. Въ заключеніе сообщаю о разстояніи пройденномъ экспедиціею и способахъ передвиженія. Если считать путь отъ Александровска до Погоби въ 190—200 верстѣ, далѣе до Тамлаво въ 160—170 верстѣ, далѣе до Туми въ 130—140 верстѣ, отъ Туми черезъ Мачигаръ въ Ныуръ 25 верстѣ, то получимъ общее протяженіе до Ныура, крайняго селенія на сѣверѣ острова у мыса Елизаветы, 505—535 верстѣ. Въ обратный путь отъ Ныура черезъ Туми и оттуда въ заливъ Байкаль до устья рѣчки Наливо 120—125 верстѣ; переваль отсюда къ Пелетунскому заливу 100—120 верстѣ; далѣе заливами, протоками и волоками до устья р. Тыми 170—180 верстѣ, по Тыми съ ея излучинами 160—175 верстѣ, а всего отъ Ныура—555—600 верстѣ. Между селеніями Ада-тымы и Александровскомъ съ заходомъ по Тыми выше Дербинскаго въ гиляцкой стойбище Носьбво 102 версты. Такимъ образомъ въ общей сложности сдѣлано 1162—1237 верстѣ. При этомъ я не бралъ въ расчетъ всѣ случайныя и многочисленныя отклоненія въ стороны иногда на значительныя разстоянія—до нѣсколькихъ десятковъ верстѣ,—когда приходилось дѣлать поиски стойбищъ, выяснять положенія различныхъ пунктовъ и урочищъ, блуждать въ туманахъ или по ошибкѣ проводниковъ, что занимало случалось по нѣскольку дней пути, а привелъ лишь приблизительную длину главнаго (общаго) направленія экспедиціи. Изъ этого количества гораздо болѣе половины сдѣлано пѣшкомъ, т. е. лодки по своей малой величинѣ и преобладанія крайне неблагоприятной погоды, служили больше для перевозки груза экспедиціи, равно и выючные олени на перевалѣ съ Байкала на Пелетунъ и подводы отъ Ада-тымы до Александровска, по случаю крайне дурныхъ дорогъ осенью. Лодки, разумѣется, служили и для переправъ черезъ бухты, проливы, заливы и устья рѣчекъ, во избѣжаніе дальнихъ обходовъ. Гдѣ можно было, примѣнялись для буксировки лодокъ гиляцкія собаки. Нерѣдко лодки приходилось тянуть лямками, а на мелкихъ протокахъ восточнаго побережья да кое гдѣ и на западномъ, цѣлыми днями подталкивать ихъ руками. По Тыми, начиная съ перваго же перевала, шли исключительно на шестахъ, при чемъ, по крайней трудности слѣдованія пѣшкомъ берегами этой рѣки, глухо заросшими, пересѣченными многочисленными притоками, круто обрывистыми или топкими и вязкими, весь путь по ней пришлось дѣлать въ лодкахъ и все время подъ дождемъ, едва находя сносныя мѣста для ночлеговъ, благодаря рѣдкости тутъ такихъ мѣсть.

Отъ Александровска до Ныура и обратно въ Байкаль экспедиція пользовалась одной и той же гиляцкой лодкой Амурскаго типа, иногда прихватывая другую, вспомогательную, какъ на примѣръ между Погоби и Тенги, Тенги и Атво, Атво и Виски, наконецъ Виски и Маскальво, а также и въ случаяхъ различныхъ мѣстныхъ изслѣдованій въ рѣчкахъ, заливахъ, бухтахъ и озерахъ. Когда надо, примѣнялся нарусъ. Благодаря тому, что среди тунгусовъ эпидемія похитила многихъ бывалыхъ

проводниковъ, встрѣтилось было затрудненіе въ заручкѣ вьючными оленями. Только у Нийдскихъ тунгусовъ нашелся свѣдующій проводникъ, отарый тунгусъ Степанъ Соловьевъ, согласившійся за дорожную цѣну—по 5 руб. съ пуда груза—провести отъ залива Пронгэ къ Пелетунскому, при чемъ ввялся къ условленному времени явиться съ нужнымъ числомъ оленей и погонщиковъ къ дер. Помиръ, куда экспедиція должна была прибыть съ сѣвера. Но придя туда, экспедиція не нашла его тамъ, а лишь оставленную имъ записку (писанную грамотнымъ якутомъ, Иваномъ), приглашавшую прибыть къ нему на восточный берегъ залива Байкала къ рѣчкѣ Наливо, т. к. де къ Помиру привести оленей за отсутствіемъ для нихъ тутъ корма нельзя. Это поставило экспедиціи въ новое затрудненіе: въ Помирѣ былъ оставленъ на храненіе весь грузъ, кромѣ самаго необходимаго, взятаго на путь до Ныура и обратно, стало быть предстояло снова везти его цѣликомъ въ Байкаль да еще разыскивать тамъ рѣчку Наливо при незнаніи въ точности фарватеровъ залива и самой возможности къ ней проникнуть и найти тунгусовъ среди тундръ и тайги. Лишь благодаря находженію гиляка охотника, вызвавшагося за вознагражденіе пѣшкомъ (т. к. на морѣ сильно штормило) снести и черезъ свѣдущаго гиляка дер. Маскальво передать записку тунгусу (которому кстати сказать былъ при условіи выданъ 50-ти рублевый задатокъ) на р. Наливо, удалось вызвать этого тунгуса къ дер. Маскальво, что у залива Байкала, и по его указанію пробраться со всѣмъ грузомъ къ временному стойбищу, при чемъ тунгусы не преминули использовать безвыходность положенія экспедиціи. Какъ ни урѣзывалось количество груза, все же его набралось 34 пуда, что при малосильности оленей, едва могущихъ нести вьюкъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 пуда, привело къ снаряженію порядочнаго наравана и необходимости имѣть, кромѣ проводника, не менѣе трехъ погонщиковъ, т. к. по совершенному отсутствію даже намековъ какихъ либо тропъ, предстояло идти цѣликами, держась лишь общаго направленія на юго-востокъ, по таежнымъ, тундристымъ и крайне пересѣченнымъ мѣстамъ, для чего нараванъ необходимо было эшелонировать и пробираться для скорости на нѣсколькихъ интервалахъ, имѣя и запасныхъ оленей, т. к. они быстро утомлялись, истязаемые оводами и паутомъ. Перегоны не могли быть сколько нибудь равномерными: все зависѣло отъ характера мѣстности, погоды и нахождения корма. Проводникъ и погонщики, уставая, садились на передовыхъ верховыхъ оленей, имѣя въ поводу сьарнанные вьючные и запасныхъ—по 4, по 5, по 6. Я и спутники мои слѣдовали все время пѣшкомъ за эшелонами, испытывая всѣ невзгоды до оводовъ, паута, комаривъ и мошекъ включительно, т. к. «накомарники» и всякія мази оказывались дѣйствительными только на весьма короткое время, пока не успѣвали пропитываться потомъ, кровью и выдыхаться. Спасеніе давалъ лишь вѣтеръ на болѣе высокихъ открытых мѣстахъ, да дымокуры на привалахъ. На четвертый день пути мы увидели воды широкаго Пелетуня и еще два дня шли возлѣ его западныхъ береговъ на югъ до устья рѣки Сабы. Вслѣдствіе штормовъ и встрѣчныхъ вѣтровъ, при отсутствіи здѣсь другихъ лодокъ, кромѣ «Тымовскихъ», являющихся собственно типичными «пирогами», въ формѣ удлиненныхъ узкихъ корытъ въ нѣсколько сажень длиной, не болѣе аршина шириной и $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. глубиной, пришлось всюду на охотскомъ побережьи пользоваться двумя лодками. Грузъ, при разбивкѣ на вьюки лишенный первоначальной прочной своей укупорки, сталъ теперь болѣе доступнымъ неблагоприятному вліянію влажности, часто началъ портиться. Въ первый же день отплытія изъ Сабы на противоположны берегъ залива ввиду шторма, пришлось далеко спуститься на югъ, заночевать на западномъ же его берегу и лишь на утро въ туманѣ пересѣчь заливъ противъ ороченскаго стойбища, гдѣ его ширина все еще достигаетъ до 10 верстъ, при чемъ на фарватерѣ пришлось испытать качку и захлестываніе черезъ бортъ въ еще большей степени, чѣмъ это бывало на Татарскомъ и сѣверномъ берегу, т. к. океанскаго характера волны, бьюція въ восточный берегъ Сахалина при ю.-в. вѣтрѣ, съ силою устремляются въ узкіе проливы (твахи) и распространяются фарватерами на значительное разстояніе въ заливы, постоянный же гулъ морского прибоя слышенъ еще чуть не за десятки верстъ не доходя морского берега. По крайней мѣрѣ мы слышали его еще не видя Пелетунскаго залива, за полъ дня пути къ нему. На самомъ же морскомъ берегу за шумомъ и ревомъ прибоя обычно не слышатъ самаго громкаго своего крика. Подводя итоги путешествію и основываясь на запискахъ путевого дневника, который я велъ за его время, выходитъ, что изъ 103-хъ дней, на него употребленныхъ, не менѣе 30-ти дней экспедиція была обречена на бездѣйствіе въ смыслѣ полной невозможности поступательнаго движенія изъ за штормовъ, да 6 дней было потеряно изъ за ненахожденія на мѣстѣ тунгусскихъ оленей, всего стало быть 36 дней. Если же считать, что изъ остающихся 67 дней добрая половина ушла «собственно на дѣло»—т. е. прививку, осмотра, регистрацію и т. д., то $33\frac{1}{2}$ дня было собственно поступательнаго движенія, т. е. по 34,7—36,9 верстъ въ сутки. При этомъ болѣею частью пѣшкомъ, въ крайне ненастное и холодное лѣто, не на легкѣ, т. к. приходилось нести на себѣ необходимые предметы снаряженія и вооруженія, въ тяжелой одеждѣ и сапогахъ. Движенія не поступательнаго т. е. въ стороны и назадъ, какъ уже говорилось, я въ расчетъ здѣсь не принялъ, хотя оно разумѣется, входило въ тѣ же $33\frac{1}{2}$ дня, почему суточное количество верстъ на самомъ дѣлѣ должно было быть нѣсколько большимъ. Собственно «дорогами» да и то окверными, пройдено всего около 100 верстъ (между Ада-тими и Александровскомъ). Нѣсколько десятковъ верстъ пройдено тропами въ полномъ смыслѣ:—между поселеніями и гиляцкими деревнями на Тыми, Тульво къ заливѣ Клейе, но эти разстоянія въ счетъ также не вошли. Остальной же путь совершенъ либо безъ всякихъ дорогъ и тропъ цѣликами морского берега по пескамъ, галькамъ, камнямъ, либо цѣликами же хребтовъ, падей, тайги, тундръ и бродовъ, либо въ лодкахъ съ запасомъ бортовъ отъ 3-хъ до 7-ми вершковъ надъ ватерлиніей Ночлеговъ подъ защитой крышъ между Александровскомъ и Адотымомъ было 10 случаевъ, когда представлялась возможность хоть немного высушиться. Изъ нихъ: въ двухъ случаяхъ въ кордонахъ—Погоби, Лангари; 7 въ пустыхъ юртахъ—Танги, Тыги, Помиръ, Мачигаръ, Ныуръ и на Тыми Ырнырь, Хунгево; 1 случай въ лобазѣ—Плюво. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, кромѣ начала путешествія, когда ненапорѣвшіе еще въ разбивкѣ палатки спутники слѣшкомъ долго возились съ ея установкой и приходилось

ночевать у костра, ночлегомъ для всѣхъ троихъ служила крышка лагерной палатки обыкновеннаго офицерскаго образца и только на болѣе продолжительныхъ стоянкахъ ставилась вся палатка. При переходѣ же на Охотскій берегъ пришлось ее видоизмѣнить, т. к. остовъ ея оказался слишкомъ громоздкимъ для навьючки на оленей.

Благодаря ежедневной горячей пищѣ и постоянному разнообразію ея свѣжею рыбою и дичью, по большей части лично добываемою по пути, питаніе было болѣе, чѣмъ удовлетворительнымъ; имѣлись полушубки, безъ которыхъ, при ночныхъ температурахъ нерѣдко въ 2—3 °R въ разгаръ лѣта и никогда не выше 7—8°, было бы плохо. Въ топливъ и пресной водѣ, за весьма немногими случаями, недостатка не ощущалось. Въ результатѣ никто изъ лицъ экспедиціи ни разу сколько нибудь серьезно боленъ не былъ и всѣ вернулись здоровыми.

Опытъ настоящей Экспедиціи показалъ, что предложенный способъ слѣдованія на гилляцкихъ лодкахъ и вьючными оленями является лишь наиболѣе дешевымъ по мѣстнымъ условіямъ, но отнимаетъ слишкомъ много времени, т. к. утлость лодокъ заставляетъ считаться чуть не съ малѣйшими колебаніями горизонта воды и не говоря уже о рискѣ порчи груза и потопленія его или самыхъ лодокъ гребнями болѣе значительныхъ волнъ на широкихъ проливахъ и фарватерахъ, даже волненіе, развиваемое на спокойной поверхности водъ крупными морскими животными, какъ напримѣръ кашалотами, плещущимися въ полтора—двухстахъ саженихъ отъ лодки, какъ это приходилось испытывать къ сѣверу отъ залива Пронге, является угрожающимъ, при большой осадкѣ бортовъ, во избѣжаніе чего пришлось отгонять этихъ животныхъ выстрѣлами винтовки, конечно для нихъ безвредными, но все же заставившими ихъ отойти дальше. Съ другой стороны и въ тихую погоду приходится постоянно считаться съ приливами и отливами какъ на открытомъ морскомъ берегу, такъ и въ бухтахъ и заливахъ, т. к. въ большинствѣ и тѣ и другія и третьи сильно обмѣлеваютъ во второмъ случаѣ даже для гилляцкихъ лодокъ, а въ шторма на нихъ опаснѣе, чѣмъ на глубинахъ. Весь Охотскій берегъ недоступенъ не только для лодокъ, но и для болѣе крупныхъ судовъ, о чемъ уже говорилось раньше. Движеніе же заливами, озерами и протоками на тамошнихъ пирогахъ также медлительно, какъ и по другія стороны острова. Оленями не всюду и не всегда можно заручиться, какъ мы видѣли, да и особыхъ выгодъ этотъ способъ тоже не представляетъ. Какимъ же способомъ удобнѣе, спрашивается, совершить объѣздъ Сахалинскихъ береговъ? На это, на основаніи наблюденій скажу, что имѣя для такой экспедиціи, какъ настоящая, 8 лошадей, изъ коихъ 3 были бы подъ верхомъ, а 5 подъ вьюками, можно было бы скорѣе и удобнѣе пройти весь тотъ же путь съ нисколько не большимъ рискомъ. Подножнаго корма до пырея и клевера включительно почти всюду въ волю, по тундрѣ и тайгѣ кони подходящей породы, какъ напримѣръ Забайкалки, пройдутъ всюду или вполнѣ могутъ быть проведены болѣе сухими мѣстами. Единственнымъ препятствіемъ могутъ служить широкіе заливы и протоки, но если ихъ берутъ вплавъ олени, то возьмутъ и кони, а въ крайнемъ случаѣ время, потраченное на болѣе глубокія обходы этихъ препятствій, наверстается быстротой движенія на удобныхъ мѣстахъ. Въ экспедиціи геолога Тихоновича была одна лошадь, ходившая и по березообразной Ныурской «тропѣ» и къ заливу Ургтъ по тундрѣ вмѣстѣ съ ороченскими оленями и свободно переплывавшая широкій «твахъ» противъ дер. Помиръ, предпочитавшая все лѣто прекрасный подножный кормъ ячменю, который въ началѣ ей давался. У Абубакирова въ Тамлаво на уч. № 1 всегда содержится нѣсколько лошадей для его развѣздовъ въ экипажѣ по участкамъ, а травы и мѣстнаго сѣна хватаетъ имъ въ волю. Наконецъ изъ Славы въ Набилъ поселенцы—охотники каждое лѣто и осень ѣздятъ съ вьюками на лошадяхъ черезъ хребетъ не меньше таковыхъ же хребтовъ на самомъ сѣверномъ концѣ острова и всюду внутри его. Все это убѣдило меня, что наиболѣе целесообразнымъ для лѣтней экспедиціи съ объѣздомъ нашего Сахалина является вьючно-верховой способъ на лошадяхъ, понятно-умѣло и съ толкомъ обставленной.

Врачъ Штейгманъ.

2007059338